

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»

На правах рукописи

Лю Фанбин

Лю Фанбин

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ
КОННОТАЦИИ ИМЁН ОСНОВНЫХ ЦВЕТОВ СПЕКТРА
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
О.А. Турбина

Челябинск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	15
1.1 Состояние вопроса, истоки формирования тематики исследования... 15	
1.1.1 Лингвокультурология как новая научная дисциплина	15
1.1.2 Взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры	19
1.1.3 Культурная коннотация как один из главных аспектов тематики исследования	24
1.1.3.1 Коннотация и культурная коннотация	26
1.1.3.2 Сходства и различия культурной коннотации в русском и китайском языках.....	30
1.2 Подходы к определению понятия цвет и интерпретация цветowych слов в русском и китайском языках.....	31
1.2.1 Цвет как физическое явление	31
1.2.2 Восприятие основных цветов спектра и мотивация первичных и вторичных значений цветowych слов	34
1.3 Цветовые слова как основополагающий аспект языковой и цветовой картины мира.....	42
1.4 Типология и многозначность слов в языковой картине мира.....	53
1.4.1 Взаимосвязь понятий метафора и цветоименование в языковой картине мира.....	54
1.4.2 Соотношение символических и метафорических значений в языковой картине мира.....	58
Выводы по главе 1	61
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ ОСНОВНЫХ ЦВЕТОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	63
2.1 Лингвокультурная коннотация чёрного цвета в русском и китайском языках	66
2.2 Лингвокультурная коннотация белого цвета в русском и китайском языках	84
2.3 Лингвокультурная коннотация красного цвета в русском и китайском языках	105

2.4 Лингвокультурная коннотация жёлтого цвета в русском и китайском языках	132
2.5 Лингвокультурная коннотация зелёного цвета в русском и китайском языках	153
2.6 Лингвокультурная коннотация синего цвета в русском и китайском языках	173
2.7 Анализ частотного распределения лингвокультурных коннотаций в русском и китайском языках	189
Выводы по главе 2.....	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	196
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	201
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	217
СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	220
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	224
Приложение А – Династии китайских императоров и периоды их правления	224
Приложение Б – Эволюция стилей письма в китайском языке	226

ВВЕДЕНИЕ

При коммуникации представителей разных культур важно точное понимание и передача полученной информации, что, в частности, приобретает существенное значение в современных условиях активного развития торгово-экономических и культурных отношений между Россией и Китаем и определяет взаимовыгодное и успешное развитие двусторонних отношений в долгосрочной перспективе. Поэтому изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры требует совершенствования теории и методов, которые получают из синтеза научных дисциплин, во многом способствующих формированию и развитию лингвокультурологии на мировом уровне.

Исследование цветообозначений началось с классической работы Брента Берлина и Пола Кея (1969), которые изучили базовые (одноморфемные, непроеизводные) названия цветов в языках мира. *Актуальность* темы подтверждается тем, что в настоящее время исследования, посвященные цветообозначениям в различных языках, привлекают внимание многих исследователей. Их авторы пользуются целым рядом терминов, обозначающих цвет: *цветолексема* (Чекупаева А.С., Кезина С.В. и др.), *колороним* (Байрамова Л.К., Кашникова А.В.), *колорема* (Багирова Е.П., Гаврилова Э.О., Булычева М.Н. Павлова Ю.В. и др.). В качестве их синонима, как правило, приводится термин *имя цвета*, что послужило основанием принять его в качестве ключевого термина диссертационного исследования наряду с тем, что это термин русскоязычный, а следовательно — наиболее удачный для научного текста, выполненного на русском языке. Кроме того, термин *имя цвета* включает психологический компонент в восприятии света и имеет выраженную этническую составляющую, что определяет его значимость в контексте лингвокультурной коннотации основных цветов спектра для носителей разных языков. Таким образом, *имя цвета* — это термин, условно обозначающий слово любой частеречной принадлежности, образованное от корня, лексическое значение которого этимологически обусловлено наличием семы цвета, т. е. исторически связано с

цветообозначением. В силу того, что «имя» порождает ассоциацию с «именем существительным», наряду с ключевым термином *имя цвета* в диссертации используется его синоним *цветовое(ые) слово(а)*.

Исследования цветových слов в русской культуре являются довольно подробными и всесторонними, но большинство из них проведены между славянскими (например, болгарским и польским) или германскими языками (немецкий и английский), а исследований лингвокультурной коннотации китайских и русских цветových слов недостаточно. Лингвокультурные коннотации цветových слов изучают в основном с точки зрения их функций в идиомах и устном народном творчестве. Исследования показывают, что одинаковый цвет в разные эпохи истории одной нации оценивается носителями языка по-разному и порождает различные ассоциации, что является свидетельством того, что цвета в той или иной культуре тесно связаны с историей страны, событиями, которые переживала нация на протяжении своего становления и развития.

Актуальность исследования определяется также и тем, что цветových слова имеют большую культурную значимость. С одной стороны, в именах цвета воплощены национальные ценности, поскольку именно они каузируют «выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц» [Карасик, 2015: 4], что позволяет определить формирование семантического объема цветových слов и лингвокультурную коннотацию цветообозначений в целом. С другой стороны, лингвистический анализ смыслового содержания русских и китайских цветových слов направлен на выявление ценностей русской и китайской культур, что создает условия «существенным образом расширить предмет лингвистического исследования, учесть достижения, полученные в смежных науках — психологии, социологии, политологии, культурологии, философии, и тем самым способствует интеграции гуманитарного знания» [Карасик, 2015: 4]. Важно, что лингвокультурная коннотация цветообозначения претерпевает влияние как национально-культурных, географических, так и биологических особенностей цветовосприятия, в силу

чего определенные цвета в разных нациях могут иметь как схожую, так и различную культурную коннотацию, и цвет, как важный элемент культуры, приобретает сложные, разнообразные толкования и является воплощением национальной психологии.

Поскольку цветообозначение пронизывает разные области жизни и разные культуры, а также играет значимую роль в межкультурной коммуникации, исследование цветových слов приобретает особую актуальность. Заметим, что до сих пор не выработан единый теоретически обоснованный подход к изучению цвета, и каждый исследователь даёт своё индивидуальное определение понятия *цвет*, а те реальные цвета, которые описывают в различных областях науки, весьма далеки от его живого восприятия. Поэтому вполне естественно, что лингвисты уже давно начали изучать цветových слова, и эта задача требует своего решения с учетом важнейших достижений современной лингвистической науки, в частности, таких активно развивающихся её направлений, как лингвокультурология и лингвистическая дискурсология. При этом современная наука всё чаще обращается к сопоставительным и междисциплинарным исследованиям. Это обусловлено расширяющимися языковыми и межкультурными контактами, требующими экспликации, а в идеале — установления точных корреляций между социокультурными, когнитивными и языковыми процессами. Связано это, в первую очередь, с тем, что дискурсивные значения слов в различных языках, включая русский и китайский, формируются приращением метафорических и символических значений зачастую по преимуществу нецветового характера, а ассоциаты цветových слов интерпретируются, как правило, в определенных когнитивных признаках, несущих в себе как положительные, так и отрицательные значения.

Объект исследования — лексико-семантические варианты лингвокультурной коннотации цветových слов в русском и китайском языках, их символические и переносные интерпретации.

Предметом исследования являются цветные слова: *чёрный* 黑, *белый* 白, *красный* 红, *жёлтый* 黄 (золотой 金 как компонент жёлтого цветового спектра), *зелёный* 绿 и *синий* 蓝 в русском и китайском языках.

Целью работы является исследование лингвокультурной коннотации имён основных цветов спектра в русском и китайском языках. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. На основе анализа теоретических источников, посвященных изучению этимологии цветовой лексики, парадигматических и ассоциативно-деривационных отношений между компонентами цветового поля, определить закономерности формирования прямых и переносных значений слов, именующих основные цвета спектра в русском и китайском языке.
2. Выявить причины развития когнитивно-эмоциональной оценки основных цветов спектра в китайской и русской лингвокультурах.
3. Провести анализ факторов, обусловивших семантические трансформации цветных слов в русском и китайском языках, которые определили развитие их положительных и отрицательных значений, каузирующих формирование двойственной лингвокультурной коннотации каждого основного цвета спектра.
4. Осуществить лингвокультурный и дискурсивный анализ цветных слов *чёрный* (黑), *белый* (白), *красный* (红), *жёлтый* (黄), *зелёный* (绿), *синий* (蓝) в русском и китайском языках.
5. На основе данных частотных словарей провести статистический анализ употребления цветных слов *чёрный* (黑), *белый* (白), *красный* (红), *жёлтый* (黄), *зелёный* (绿), *синий* (蓝) по признаку их значимости (ценности) в русской и китайской лингвокультурах.

Материалом для исследования послужили: 30-томный «Большой академический словарь русского языка» [2004 – 2017]; «Большой толковый словарь русского языка» [1998]; «Словарь грамматической сочетаемости слов

русского языка» [2013]; 4-томный «Толковый словарь русского языка» [2000]; «Толковый словарь ключевых слов русского языка» [2014]; «Словарь лингвистических терминов» [2010]; «Энциклопедия символов» [1996] 汉语大字典编辑委员会, 汉语大字典[M].成都: 四川辞书出版社«Редакционный комитет китайских иероглифов. Китайский большой словарь» [1990]; 新华汉语词典编纂委员, 新华汉语词典[M].北京: 商务印书馆国际有限公司«Координатор китайских словарей Синьхуа, Китайский словарь Синьхуа» [2004]; 现代汉语词典«Современный китайский словарь» [2011]; 现代汉语虚词词典 «Словарь служебных слов современного китайского языка» [1998].
Современные китайские частотные словари, включающие более 8000 тысяч самых популярных иероглифов [现代汉语频率词典]; частотное распределение китайских цветовых слов на основе анализа официального списка министерства образования Китая [现代汉语常用词表, <https://bkrs.info>]; частотные словари русской лексики «Новый частотный словарь русской лексики» [2009], а также произведения художественной литературы русских и китайских писателей. В результате анализу подверглось 2183 (из которых 1203 — в китайском языке и 908 — в русском языке) дискурсивных значений лексем с архисемой "чёрный", "белый", "красный", "желтый", "зеленый", "синий" — слов с корнями *чёрн-*, *бел-*, *крас-*, *желт-*, *зел-*, *син-* — в русском языке и обозначенных иероглифом 黑, 白, 红, 黄, 绿, 蓝 — в китайском языке.

Методологической и теоретической базой исследования являются труды учёных, рассматривавших цветовые слова с различных точек зрения: состава цветообозначений и их семантической структуры (А.А. Брагина, Н.Г. Туревич, И. Дейвис и Г. Корбетт); цветовых слов в аспекте перевода (А.П. Василевич, Н.А. Фененко); этимологии и истории цветовой лексики (Н.Б. Бахилина, М.А. Бородина, М.Ф. Криг), метафоры цвета (W. Jakobs, С.А. Макуренкова, О.Н. Григорьева); функции цвета в художественном произведении (Л.А. Качаева, О.Ю. Богданова, Е.Г. Руднева, В. Агински);

особенностей цветообозначений, используемых в рекламе (В.П. Василев, Н.И. Тонкова); уровня развития цветковых представлений в культурах народов мира на разных исторических этапах (В. Berlin & P. Kay); символики цвета (I.W. Goethe, В. Тэрнер, Н.В. Серов, Л.В. Самарина, Н.В. Коптева); цветообозначений в составе устойчивых сочетаний (Т.А. Павлюченкова, Е.И. Зиновьева, А.А. Кайбияйнен); цветообозначений в составе фразеологизмов (Г.С. Свешникова, Л.Г. Бедоидзе, Е.В. Розен); метафорической риторики (Цзинь Фунянь); эволюции слов цветообозначений (Яо Сяопин) и др.

В исследовании использовались общенаучные и лингвистические **методы**: наблюдение, описание, моделирование, концептуально-репрезентативный метод, применяемый при осмыслении и систематизации основных понятий, а также слов цветообозначений в русском и китайском языках, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, методы частотного распределения слов цветообозначений в русском и китайском языках, лингвокультурологический анализ, метод классификации, количественный и описательный методы, а также методы индукции и аналитические методы, применяемые для обобщения результатов исследования лингвокультурной коннотации имён основных цветов спектра в русском и китайском языках, векторный анализ, позволяющий наглядно представить расширение семантического объема и дискурсивных значений цветковых слов за счет приращения метафорических и символических смысловых компонентов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведено комплексное сопоставительное исследование лингвокультурной коннотации имён основных цветов спектра в русском и китайском языках с учётом их ранжирования по положительному и отрицательному признаку прямого, переносного и символического значений слов.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке методики анализа лингвокультурной коннотации имён основных цветов спектра и дискурсивных значений цветковых слов в русской и китайской

языковой картинах мира, в выявлении их сходств и различий, а также факторов их обуславливающих.

Практическая значимость результатов проведенного исследования предполагает возможность их использования в курсах общего языкознания, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, в преподавании специальных курсов по проблемам словообразования и лексикологии как для русскоязычной, так и для иностранной аудитории. Кроме этого, результаты исследования могут быть использованы при разработке учебно-методических пособий, а также могут быть полезны иностранным студентам для расширения кругозора и совершенствования своих коммуникативных навыков при взаимодействии с представителями русской и китайской культур.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лингвокультурная коннотация цветowych слов в русском и китайском языках представляют собой сложную систему, обусловленную, наряду с их этимологией, парадигматическими и ассоциативно-деривационными отношениями, складывающимися между элементами цветового поля. Их проявление способствует формированию номинативных языковых единиц с прямыми, переносными (метафорическими) и символическими значениями. В виду того, что китайский язык использует не фонетическое, а идеографическое письмо, знаки которого отвлечены от звуковой стороны языкового знака и связаны со смыслом, одним из продуктивных способов словообразования цветowych слов в китайском языке является конверсия.
2. Цвет как физическое явление лишен эмоциональной окраски, но приобретает её в процессе эволюции человеческого общества и межкультурных коммуникаций. Развитие когнитивно-эмоциональной оценки цветовой спектра сопровождается смысловыми трансформациями цветowych слов, в силу чего формируются полярные дискурсивные значения, определяющие двойственный

характер их лингвокультурной коннотации — со знаком «+» и со знаком «-».

3. Двойственность лингвокультурной коннотации цветковых слов в русском и китайском языках обусловлена по преимуществу полярностью оттенков в цветовом спектре: «*яркий (насыщенный)* ↔ *тусклый (приглушенный)*», которые порождают положительную (*яркий*) и отрицательную (*тусклый*) эмоциональную реакцию, что способствует формированию метафорических и символических значений слов, имеющих по преимуществу нецветовой характер.
4. Различия лингвокультурной коннотации цветковых слов обусловлены традициями, географическим окружением, религиозным верованием, нравами и обычаями, влиянием иностранной культуры и специфическими особенностями русской и китайской культур. Лингвокультурная коннотация основных цветов спектра в русском и китайском языках по преимуществу имеют больше различий чем сходств:
 - лингвокультурная коннотация ахроматических цветов *чёрного* 黑 и *белого* 白 в русской и китайской языках имеют больше различий чем сходств: в общем объеме дискурсивных значений прилагательного *чёрный* 黑 отрицательная лингвокультурная коннотация преобладает в русском языке, а символика *белого* 白 цвета имеет преобладающее большинство отрицательных значений в китайском языке;
 - лингвокультурная коннотация *жёлтого* в Китае имеет национальную ценность на государственном уровне, в силу чего слова, обозначаемые иероглифом 黄, имеют, как правило, выраженное положительное дискурсивное значение; в русском языке дискурсивные значения лексем с корнем *желт-* определяются этимологией и несут в себе преимущественно

отрицательную лингвокультурную коннотацию, но если десигнат цветового слова, соотносимого с жёлтым, включает положительную оценку, то его десигнатором становится не *желтый*, а *золотой*;

- лингвокультурная коннотация *красного* 红 имеет национальную ценность на государственном уровне и в России, и в Китае, поэтому *красный* в русском и китайском языках имеет больше сходств, чем различий, причём относительно других цветов в общем объёме положительных дискурсивных значений имеет преобладающее большинство;
- лингвокультурная коннотация *зелёного* 绿 и *синего* 蓝 цветов в русском и китайском языках имеет больше различий чем сходств, а различия более сфокусированы в отрицательной лингвокультурной коннотации, т.к. в силу этимологического родства прилагательных *зелёный* (绿 / 蓝 зелёный / синий) и *жёлтый* последнее вносит в именование цветовой палитры «зелёный» бледные зелёно-жёлтые тона, которые по признаку *увядающий* (тусклый) составляют оппозицию *ярким зелёным* тонам.

Степень **достоверности** результатов исследования определяется тем, что научные положения базируются на анализе большого количества теоретических источников (279), в том числе словарей (47), включающих более 8000 тысяч самых популярных иероглифов, произведений художественной литературы русских и китайских писателей (45), а также использованием комплексных методов сбора, обработки и анализа цветовых слов в русской и китайской лингвокультурах. В результате анализу подверглось 2183 (из которых 1203 — в китайском языке и 908 — в русском языке) дискурсивных значений лексем с архисемой "чёрный", "белый", "красный", "желтый", "зеленый", "синий" — слов с корнями *чёрн-*, *бел-*, *крас-*,

желт-, зел-, син- — в русском языке и обозначенных иероглифом 黑, 白, 红, 黄, 绿, 蓝 — в китайском языке.

Апробация материалов исследования. Основные результаты исследования опубликованы в ряде научных изданий и обсуждались на конференциях различного уровня, в том числе международных: «Взаимодействие языков и культур», Челябинск – Тяньцзинь 2018 г.; 9-я научная конференция аспирантов и докторантов Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, 2017 г.; 10-ая научная конференция Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, 2018 г.; XIII Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», г. Владимир, 2019 г.; XIX Международная конференция «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», г. Покров, 2019 г. «Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты», г. Нижний Новгород, 2019 г.; XVIII Международная научно-практическая конференция «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории», г. Санкт-Петербург, 2019 г.

Основное содержание диссертации опубликовано в 7 печатных работах, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК:

1. Турбина, О.А., Лю Фанбин. Цветоименования «чёрный», «белый» в китайской культуре / О.А. Турбина, Лю Фанбин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т.13, № 2. – С.20-23.
2. Лю Фанбин. Этапы развития и взаимосвязь понятий «метафора» и «цветонаименование» в языковой картине мира // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т.14, № 4. – С.63-67.
3. Лю Фанбин. Взаимосвязь и неоднозначность символических и метафорических значений слов в языковой картине мира // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28 – 30 мая 2018 г. / под ред. О.А. Турбиной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – Т. 1. – 283 с. – С.92-95.

4. Турбина, О.А. Лю Фанбин. Желтый цвет (黄) в лингвокультурах русского и китайского языков // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы международной научной конференции (Тяньцзинь, Тяньцзиньский университет иностранных языков, 16 ноября 2018 г.) – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2019. – С.101-108.
5. Лю Фанбин. Лингвокультурная коннотация черного цвета в китайском и русском языках / Лю Фанбин // «Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики» – Т.5, №1, 2019. – С.40-51.
6. Лю Фанбин. Двойственная смысловая направленность цветковых слов в языковой картине мира // «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» Материалы XIII Международной научной конференции. – Владимир: Транзит-ИКС, 2019. – 490 с. – С.256-258.
7. Лю Фанбин. Лексика цветоименований как арена взаимодействия и противодействия культур в современном мире // «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»: Материалы XIX-й Международной научной конференции. – Москва: ФБГОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», 2019. – 136 с. – С.33-34.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 279 наименований, и двух приложений. Общий объем диссертационной работы составляет 228 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1 Состояние вопроса, истоки формирования тематики исследования

1.1.1 Лингвокультурология как новая научная дисциплина

Лингвокультурология является достаточно молодой и одной из динамично развивающихся лингвистических дисциплин.

Изучение языка и культуры особенно требует новой мысли, новой теории и нового метода, которые получают из синтеза научных дисциплин, во многом способствующих формированию и развитию лингвокультурологии. Лингвокультурология как самостоятельное направление лингвистики сформировалась в 90-е годы XX века и находит своё отражение в трудах В.Н. Телии, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьёва, Л.Н. Мурзина и других. Лингвокультурология наследует и развивает теорию и методы лингвострановедения [Верещагин, 1980]. Мнения по поводу трактования термина *лингвокультурология* у многих ученых разные, но все они схожи в том, что лингвокультурология — это изучение выражения мысли посредством языка разных культур [Шаклеин, 1997]. По определению В.В. Воробьёва, лингвокультурология является комплексной научной дисциплиной, которая изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка, причем в последнем функционируется и отражается этот процесс как целостная структура единиц в единстве их языкового и внеязыкового культурного содержания при помощи системных методов, ориентированных на современные приоритеты и культурные установления [Воробьёв, 1997, 2006]. По мнению В.А. Масловой, лингвокультурология — это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии, которая изучает проявления культуры народа, отразившихся и закрепившихся в языке этой культуры [Маслова, 2010: 68]. Ею было определено два периода развития лингвокультурологии: *период предпосылок*

развития науки, отражающихся в трудах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира и др. и *период оформления* лингвокультурологии как самостоятельной области исследований, связанных с именами В.В. Воробьёва, В.Г. Костомарова.

Следовательно, лингвокультурология является перекрёстной дисциплиной лингвистики и культурологии, а язык, в свою очередь, переносчиком и объектом изучения, связью между языком и культурой. Конечно, есть другие определения лингвокультурологии, например, гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, определение В.В. Красных [2002] и др. Однако, на наш взгляд, наиболее предпочтительным с точки зрения исследования цветообозначений слов в языковой картине мира является симбиоз, включающий в себя приведенное выше определение В.А. Масловой и использование синхронно-диахронного метода Фердинанда де Соссюра с целью определения путей формирования семантики и процессов, связанных с её изменением.

Дифференцируя *объект* и *предмет* в лингвокультурологии необходимо отметить то, что объектом исследования по сути является совокупность взаимосвязанных процессов и явлений с данной дисциплиной, а предметом — фактический материал, который исследует этот объект, и, одновременно, является его составной частью, которая, в свою очередь, имеет специфические характеристики, процессы и параметры [Хроленко, 2000]. Таким образом, в лингвокультурологии:

- *объектом исследования* следует считать взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры, а также их интерпретацию. В свою очередь это предопределяет то, что лингвокультурология является перекрёстной дисциплиной, в основе которой лежит *культурная коннотация*, по сути являющаяся одним из определяющих объектов лингвокультурологии [Семейн, 2005]. В данной диссертации изучению и определению лингвокультурной коннотации слов, обозначающих цвет в русском и китайском языках, уделено значительное внимание;

- предметом исследования являются единицы языка которые, помимо своего прямого значения развивают также символическое, оценочное и метафорическое значения, являющиеся, по сути, результатами человеческого создания данной национальной культуры [Красных, 2002, 38]. В зависимости от поставленных задач, предмета лингвокультурологии формируются и соответствующие области исследования. Так, например, в исследованиях русских учёных предмет исследования в лингвокультурологии в последние десятилетия выделяют в следующие роды: предмет лингвострановедения; афоризмы и пословицы; мифологизированные языковые единицы; фразеологический фонд языка; эталоны, стереотипы, символы; метафоры и образы; стилистический уклад языков; речевое поведение; область речевого этикета [Телия, 1981, 128].

В последних двух десятилетиях XX века термин лингвокультурология более тесно связан с лингвострановедением. Русское лингвострановедение зародилось ещё в начале 70-х годов прошлого века и является научным направлением, с одной стороны, включающими в себя обучение языку, а с другой — дающими определённые сведения о стране изучаемого языка. Наиболее значимый вклад в развитие русского лингвострановедения внесли В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин. В своих трудах они определяли содержание лингвострановедения следующим образом: «культура страны изучаемого языка, превращённая в предмет методики преподавания этого языка, или, точнее, в предмет соизучения при изучении этого языка» [2000, 1987].

По их мнению, лингвострановедение — это культуроведение, направленное на изучение иностранных культур посредством понимания языка данной культуры, а также неотъемлемый аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативной составляющей обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причём методика

преподавания имеет филологическую природу — «ознакомление проводится посредством русского языка и в процессе его изучения» [Маслова, 2010: 28]. Вследствие этого лингвострановедение «тесным образом связано с преподаванием языка» [Костомаров, 1990: 11], а также ставит перед собой задачу обеспечения коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации через тождественное восприятие речи собеседника и понимание оригинальных текстов [Фурманова, 1993: 46]. Таким образом, оно может рассматриваться как практическая реализация лингвокультурологии в процессе обучения русского языка иностранцами, в частности — китайскими представителями. В связи с этим также следует выделить работы В.А. Курдюмова, оказывших особо значимый вклад в развитие межкультурных коммуникаций, формирование подходов к изучению языка, а также вопросов теоретического освещения китайского языка [Курдюмов, 2005].

В Китае лингвострановедение появилось в середине 80-х годов прошлого века и незамедлительно вызвало интерес к дальнейшему развитию среди китайских ученых, наиболее существенный вклад из которых внесли Чэнь Цзяньминь (Chen Jianmin), Чжоу Чжэнхэ (Zhou Zhenhe), Ю Юйцзе (You Yujie), Шэнь Сяолун (Shen Xiaolong) [Wang, 2017: 9]. Написанная Ло Чанпэй (Luo Changpei) и опубликованная в 1950-х годах книга «Язык и культура» послужила толчком к развитию культурной лингвистики в Китае. В 1980-х годах профессор Чэнь Цзяньминь открывает курс «Культурная лингвистика», а Чжоу Чжэнхэ и Ю Юйцзе в книге «Диалект и китайская культура» впервые раскрывают суть термина «лингвокультурология», обозначив его официальную формулировку [彭文钊, 2006].

В 1990-х г. публикация Син Фуи «Лингвокультурология» [Xing Fuyi, 1990] и Шэнь Сяолун «Лингвокультурология в Китае» [Shen Xiaolong, 1990] ознаменовала собой базовое формирование теории культурной лингвистики. С этого времени лингвокультурология в Китае начинает стремительное развитие. Следует отметить, что интенсивное развитие данной тематики исследования в Китае во многом было возможным благодаря вкладу

российских исследователей: В.А. Масловой, В.В. Красных, В.В. Воробьева, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, Н.Д. Арутюновой и др. В Китае лингвокультурология, как и лингвострановедение, изучает взаимосвязь языка и культуры, следовательно, наследует и предмет лингвострановедения, в том числе, безэквивалентные слова или словосочетания, фоновые и культурно коннотативные слова. При этом главной целью лингвокультурологии является системное представление единиц языка и культуры, их взаимосвязь и взаимодействие [Wang, 2017: 10].

Поскольку с момента зарождения культурной лингвистики прошло уже почти 30 лет, её теория значительно углубилась (Цю Чжицзин, Жэнь Сюэлянь, Доу Цзин и Чжао Мин). В виду того, что предшествующие исследования достаточно широко обобщили накопленный опыт культурной лингвистики в Китае, многие ученые переместили свои взгляды в сторону иностранных языков и языков национальных меньшинств. В исследованиях последних пяти лет основное внимание было направлено на описание системы языковой культуры исключительно одного языка: *«Лингвистическая культура»* Ван Цзяньи [2013] в основном изучает японский язык, а *«Культурная лингвистика»* Цзинь Руньхуана [2013] посвящена изучению корейского языка.

Итак, лингвокультурология в России и Китае является динамично развивающейся перекрёстной дисциплиной в основе которой лежит культурная коннотация. Изучение языка и культуры, а также их взаимосвязи и взаимодействия с учетом обобщения уже накопленного опыта позволит определить общие сходства и различия в обеих лингвокультурах и, в свою очередь, повысить коммуникационную активность представителей русской и китайской культур.

1.1.2 Взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры

Вопрос о взаимосвязи и соотношении языка и культуры относится к области внешней лингвистики и является одним из сложных и многоаспектных. В его основе лежит стремление понять не только знаковую,

но и социальную, а также психологическую природу языка, увидеть своеобразие языка и языкового общения в различных сферах человеческой жизни в разных культурных общностях и их коммуникациях.

Каждый день мы общаемся друг с другом при помощи языка. Каждая нация путем взаимодействия через общение создает свою собственную культуру. Самым характерным свойством человеческого общества является то, что человек накапливает произведения труда, искусства, знания и навыки и передаёт их из поколения в поколение. Однако этот процесс был бы невозможен при отсутствии языка, как письменного, так и разговорного. Можно сказать, мы выражаем свою культуру с помощью языка. Тем не менее многие языки могут иметь схожие обозначения одного предмета, но при этом рассматривать его по-разному [郭小芳, (Го Сяофан) 2010: 58].

Язык — это сложнейшее и многомерное явление, которое возникнет в человеческом обществе, «совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих» [Даль, 1995: 347]. Он является «всякой системой знаков, которая пригодна для того, чтобы служить средством общения между индивидами» [Марузо, 1960: 736]. «Он не только деятельность, но и продукт этой деятельности, и он не только материя, но и дух» [Радченко, 1997: 32]. Язык является главным инструментом познания и освоения внешнего мира. Он выступает основным средством общения людей, а также делает возможным знакомство с другими культурами. Играя существенную роль в сохранении духовных достижений народа, язык является его своеобразной исторической памятью, воспроизводит запечатленные в нем факты культуры в процессе его использования как средства познания, обладает в свою очередь способностью воздействовать на формирование и развитие культуры.

Язык — это накопление национальной мудрости. Это кристалл культуры. Он содержит результаты многолетней творческой деятельности нации. Язык — это особая культура самоформирующейся системы [Опарина, 1999]. Считается, что исторические и культурные данные могут быть

выявлены путем восстановления языковых фактов. Например, родословная классификация языка имеет определенную ценность для изучения происхождения, культуры и жизненных характеристик нации [Zhang Gongjin, 1989: 1-7]. Язык может раскрыть общую культурную психологию. [Chen Jianmin, 1989]. Язык в своей сущности является национальной системой ценностей, воплощает в себе особенности национальной экономики, культуры и психологии. Он является неким регулятором культуры нации [Shen Xiaolong, 1990: 256]. Язык — это символ культуры, а культура — это язык языка. [Xing Fuyi, 1990: 308]. При этом язык находится в процессе непрерывной эволюции в силу трех основных причин: биологических, причин самой языковой структуры и культурных причин [复旦学报, 1995].

Слово «культура» происходит из латинского слова «colere», что вначале обозначало «возделывание», позднее — «воспитание», «образование», «развитие», и «почитание» [Эфендиев, 2000: 327]. Понятие культуры – это базовое для лингвокультурологии, которое в то же время является «многозначным» [Вежбицкая, 1971, 1996]. Определить его несколькими фразами чрезвычайно сложно. В.В. Воробьев [1997], В.А. Маслова [2010], А.А. Брагина [1981], Н.Г. Комлев [1969], Н.Н. Михайлов [1983], Н.Ф. Алефиренко [2010] в своих исследованиях отмечают, что культура:

- характеризует жизнедеятельность личности, группы общества в целом;
- является специфическим способом бытия человека;
- имеет свои пространственно-временные границы;
- раскрывается через особенности поведения, сознания и деятельности человека, равно как и через вещи, предметы, произведения искусства, орудия труда, через языковые формы, символы и знаки.

А.Н. Быстрова [2002], А.И. Кравченко [2003], А.С. Кармин [2005] в своих трудах отмечают, что культура состоит из материальной и духовной. Материальной культурой являются искусственно созданные предметы, которые позволяют людям оптимально адаптироваться к природным и социальным условиям жизни. Это, например, одежда, предметы обихода,

орудия труда, средства транспорта и так далее. Материальная и духовная культуры отличаются тем, что последняя не воплощается в предметах, представляя собой воспроизводимую совокупность знаний и идей, которыми владеет общество в целом. Деятельность, связанная с интеллектом, чувствами и эмоциями есть сфера её бытия. Это, например, познание, право, наука, нравственность, религия и другие. Очевидно, что культуры материальная и духовная имеют непосредственную связь. Причем основой духовной культуры является материальная, а духовная, в свою очередь, во многом реализуется в материальной сфере и объясняется ею. Ввиду того, что духовные особенности народов являются различными, различным было и строение языков человеческого рода. Языковое творчество каждого поколения и индивида воплощается в традициях этого народа [Липинская, 1997]. Так, например, Ф. Ларошфуко писал: «Ум и сердце человека, так же, как и его речь, хранят отпечаток страны, в которой он родился» [Ларошфуко, 1974: 72].

Таким образом, язык показывает и иллюстрирует различные картины мира: научную, религиозную, эстетическую, пространственную и др. При этом задачами самого языка являются, с одной стороны, уточнение картины мира, с другой — обозначение компонентов этой картины. Языки всегда имеют национальную форму, которая фиксирует особенности национального мышления и миропонимания. Следовательно, язык привносит и черты самого человека, его культуры, которая существует и развивается в основе жизни конкретного общества. Это связано с тем, что накопление опыта происходит в условиях сохранения традиции и преемственности жизни от поколения к поколению. В контексте сказанного Н.В. Серов отмечал: «...названия влияют на нашу способность видеть предметы. И вместе с тем, восприятие не может не влиять на способность к вербализации» [Серов, 2015: 25].

Язык — это «зеркало культуры», взаимосвязь языка и культуры можно рассматривать как взаимосвязь части и целого [Тер-Минасова, 2000: 258]. Язык отражает не только реальный мир, который окружает человека, но и общественное самопознание народов, национальный характер, традиции,

мораль, образ жизни [Костомаров, 2016]. Как один из видов человеческой деятельности, язык является составной частью культуры. Язык лежит в основе культуры. Взаимосвязь языка и культуры проявляется в следующем: коммуникативных процессах; онтогенезе (формирование языковых способностей человека); филогенезе (формирование родового, общественного человека). Как заметил К. Леви-Строс: «язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык есть специфический способ существования культуры и фактор формирования культурных кодов» [Леви-Строс, 2001: 130].

Язык не просто связан с культурой, он прорастает в неё, развивается и выражает её. На основе данного убеждения и возникло новое самостоятельное направление лингвистики — *лингвокультурология*, главной целью которой является системное представление единиц языка и культуры их взаимосвязь и взаимодействие, в которой язык рассматривается как инструмент групповой стереотипизации поведения, как система кодирования и передача культурно-семантической информации [Хроленко, 2006: 16], а культура — как составная часть коммуникативных потребностей индивидов, экстралингвистическая основа речевых ситуаций и реализуемых в них интенций [Алефиренко, 2013: 31]. Так, например, Гао Хайянь подчеркивал, что перед тем как приступить к обучению иностранному языку, необходимо сравнить не только системы языков, но и обслуживаемые ими культуры, причем не просто культуры как таковые, но как культуры, выраженные в семантике языковых единиц [Гао Хайянь, 1998: 24].

Таким образом, различия в окружающей человека действительности, которая дана ему в виде природы и культуры, отражаются в лексической семантике, поскольку «именно в них нам дана преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, именно в значении мы можем искать особенности мироощущения представителей той или иной культуры» [Гуо Цзинфу, 1993: 28].

1.1.3 Культурная коннотация как один из главных аспектов тематики исследования

При изучении структуры лексических значений слов одним из наиболее важных инструментов в 70-х гг. XX века стало появление и совершенствование методики семного анализа, заключающегося в рассмотрении грамем, архисем, интегральных, дифференциальных и потенциальных сем.

В русском и китайском языках цветные слова, которые могут быть рассмотрены в различных аспектах: формальном, функциональном, семантическом и других, образуют лексико-семантическое поле цвета. Цветные слова претерпевают постоянные изменения в процессе развития языка и культуры. Результатом семантического развития цветных слов в каждой из культур является сосуществование в языке, помимо прямых, также переносных и символических значений, которые активно использовались и используются в различных видах художественного словесного творчества.

Семантическое поле является объемной ономастической и семантической группировкой слов. Семантическое поле — это иерархическая организация слов, объединенная одним родовым значением. Оно представляет в языке определенную семантическую сферу. Причем, ономастическим свойством или основной семантического поля является родовая сема, или гиперсема, обозначающая класс объектов. Семантическая характеристика поля заключается в том, что члены поля соотносятся друг с другом по интегрально-дифференциальным признакам в своих значениях, что в свою очередь, позволяет как объединять их, так и различать в пределах одного поля [Диброва 2008, 260].

Семантические компоненты могут иметь контекстуальное значение, если построение поля осуществляется по определенному тексту произведения. Обычно периферийные единицы поля (семантические компоненты) могут вступать в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы в целом. Свойства лексико-

семантического поля наиболее подробно в своих трудах выделила И.И. Чумак-Жунь:

- семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий компонент (общий семантический признак). Этот компонент обычно выражается архи- или гиперлексемой, то есть лексемой с наиболее обобщённым значением;

- в лексико-семантическом поле выделяются семантические объединения (микрополя), члены которых связаны интегральным признаком, выражаемым обычно доминантой микрополя. Внешнюю структуру микрополя составляет ядро и несколько областей, одни из которых могут располагаться в непосредственной близости к ядру (ближняя периферия), а другие на периферии микрополя (дальняя периферия);

- для поля характерна взаимоопределяемость элементов, выступающая иногда в виде взаимозаменяемости этих элементов;

- лексико-семантические поля не изолированы друг от друга. Каждое слово языка входит в определенное лексико-семантическое поле, причем, чаще всего, вследствие своей многозначности, не только в одно;

- одно семантическое поле может включаться в другое поле более высокого уровня [Чумак-Жунь 1996, 11].

Лексико-семантическое поле цвета по своей сути — это группа слов, обозначающих цвет, которая обладает высокой степенью организованности и образует систему. Интегральным признаком, присущим каждому члену системы, является значение цвета. Архилексемой лексико-семантического поля цвета является сема «цвет» — общая сема родового значения лексико-семантического поля.

Это объединяющий элемент, входящий в семантический набор каждого из членов поля, основными свойствами которого являются: множество значений, имеющих общий компонент цвета; семантические объединения, связанные интегральным признаком значением какого-либо конкретного

цвета, выражаемым доминантой микрополя; взаимоопределяемость и возможная взаимозаменяемость элементов.

Анализ лексических значений цветových слов выстраивается на описании: денотата (*denotatum* — обозначаемый); сигнификата (*significatum* — значимый), который выступает как правило в качестве антипода денотату; структурного компонента, в частности деривации (*derivatio*) — это образование или процесс создания новых языковых единиц (дериватов) на базе других; коннотации — то есть дополнительных или сопутствующих единиц, или значений слов отождествляющихся в сознании представителей разных культур. В свою очередь коннотация и культурная коннотация слов цветообозначений является одним из главных аспектов тематики нашего исследования.

1.1.3.1 Коннотация и культурная коннотация

Культурная коннотация, как было отмечено ранее, является одним из главных объектов лингвокультурологии и лингвострановедения. По сути её можно определить как историко-культурное ассоциативное значение, которое может вызывать специфическую эмоциональную ассоциацию и ценностную оценку, а также имеющую двойственную природу [Телия, 1986]. Вопрос о коннотации является в науке одним из дискутируемых, однако по настоящее время точного определения нет. В первую очередь это связано с тем, что лингвисты каждой страны определяют коннотацию по-разному, с позиций своей дисциплины. Определение коннотации многогранно, поэтому оно приобретает разнообразные понятия в зависимости от той области, которой оно принадлежит. Дословно термин «коннотация» переводится с латинского «*connotatio*» как «созначение» [Апресян, 1995: 426]. Во всех без исключения языках могут встречаться такие слова, которые, кроме прямого и предметно-понятийного значения, могут иметь *ассоциативное, символическое* или *метафорическое* значение. В лингвострановедении такие значения называются «коннотацией» и понимаются как добавочная информация,

имеющая национальную окраску [Верещагин 1980]. Вследствие этого в каждом языке и каждой культуре характерно возникают «специфические сознания — коннотации» [Костомаров, 2000].

Национально-культурные ассоциации составляют основу коннотаций и лексического фона как набор признаков, непосредственно не входящих в значение слова, но тесно связанных с понятием, обозначаемым данным словом. К числу лексических единиц, обладающих ярко выраженной национально-культурной семантикой, традиционно относят слова-реалии, временно безэквивалентные термины (названия предметов и явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой), коннотативную лексику (слова, совпадающие по денотату, но различающиеся по культурно-историческим ассоциациям), фоновую лексику (обозначения предметов и явлений, в основном совпадающие в сопоставляемых культурах, но имеющие какие-либо национальные особенности функционирования, формы, предназначения и т.п.) и фразеологизмы. Отражение культуры в семантике языковых единиц представляет собой «фиксацию в общественном и индивидуальном сознании результатов освоения окружающего мира данной лингвистической общностью в процессе ее общественно-исторической практики» [Костомаров, 2000: 28]. Поэтому люди в разных языках по-разному называют одно и то же понятие. Представления об объективной реальности носят общечеловеческий характер, но реализуются они в словах, имеющих национальную специфику, т.е. значения слов есть национальные категории, а понятия — вненациональные.

Коннотация — это сопутствующее значение языковой единицы, которая выражает эмоциональные или оценочные оттенки высказывания и отражает культурные традиции общества. Каждая нация имеет специфическую культуру и традицию, некоторый предмет или некоторое явление, которые могут образовать специфические смыслы в сознании людей данной нации. И люди предоставляют соответственное слову определённое оценочное значение. Например, в русском языке слово «берёза», прежде всего, это дерево,

кроме того, берёза символизирует родную землю и Россию. А в китайском языке слово сосна (松树) сопоставляется не только с вечнозелёным хвойным деревом, но и обозначает стойкость и выносливость [汤洵, 2005: 11].

Не зная данных значений слов, при коммуникации с иностранными представителями ошибки неизбежны, что не с самой лучшей стороны показывает наше отношение к культуре собеседника.

Согласно исследованиям В.Н. Телия [1986], Ю.Д. Апресяна [1995] и др., коннотация состоит из культурной и стилевой. Стилевая коннотация выражается с помощью средств языка и по своей сути она не приносит трудностей в области понимания и перевода [Барт, 1975]. Например, это могут быть общепризнанные слова и термины: *судьба*, *отчизна* и так далее. В свою очередь, культурная коннотация включает в себя скрытый эмоциональный и оценочный оттенок, который ограничивается национальной культурой. Она не выражается в конкретной форме, поэтому и трудна для понимания [Ефремова, 1986]. Например, фиолетовый цвет ассоциируется с величием и великолепием в китайском языке, а розовый цвет, в русском языке сопоставляется со словами *облегчённый* и *приятный*.

В русском и китайском языках имеются такие слова, у которых сходные прямые значения, но различные коннотации. Например, в русском языке дракон ассоциируется с чем-то безжалостным и жестоким. А дракон в китайском языке — это прежде всего бог дождя и воды, он является символом китайского императора и символизирует власть и силу. И в русском, и в китайском языках у некоторых слов есть несколько коннотаций, и некоторые из них могут совпадать. Например, в русском и китайском языках слово «черепаша» обозначает слишком медленное движение. При этом в китайском языке данная лексема имеет ещё и отрицательную коннотацию: оно обозначает мужчину, которому изменяет жена [汤洵, 2005: 37], что не свойственно слову *черепаша* в русском языке. Поэтому при общении с русским человеком, данная коннотация не несёт отрицательной оценки при

коммуникации, однако в другом случае, при коммуникации с китайским представителем, это уже будет оскорблением.

Культурная коннотация — это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Этот термин был введен В.Н. Телия в 1993 г. Если в языковой единице есть культурная информация, то должна быть и категория, соотносящая две разные семиотические системы (язык и культуру) и позволяющая описать их взаимодействие. По мнению В.Н. Телия, это и есть культурная коннотация [Телия, 1999]. Культурная коннотация отражает отношение к некоторому предмету. Кроме того, у культурной коннотации есть и двойственность, которая заключается в том, что культурная коннотация некоторого слова одновременно имеет противоположный эмоциональный оценочный оттенок: согласие и возражение, положительная и отрицательная оценка и другие. Например, голубой цвет в русском языке сопоставляется не только со словом «благородный», но и «легкомысленный»; белый цвет, в русском языке, символизирует «чистоту», «благородство», а в китайском языке сопоставляется со словами «змеиный — коварный» [Осипов, 2003].

Согласно исследованиям В.Н. Телия, культурная коннотация поддается влиянию следующих элементов:

- положение и роль некоторого предмета в бытовой жизни нации. Например, рябина отождествляется в душе представителей русской культуры сильным чувством и часто сопоставляется в значениях «Родина», «природа», «красивая девушка» и др. [Стернин, 1985];

- признак предмета. Например, ворон — птица, выклевавшая павшим глаза, поэтому в сказаниях ворон является демоном;

- роль предмета в мифе и народных сказках. Например, русские имеют преимущественно отрицательную коннотацию жёлтого цвета. Согласно мифам, изменник Иуда Искариот, предавший Христа за тридцать сребреников, имел одежду жёлтого цвета [Брокгауз, Ефрон, 1890 – 1907]. Кроме того, национальная психология, эстетические вкусы нации, концепция ценностей,

развитие общества и другие, всё это воздействует на оформление или исчезновение культурной коннотации.

1.1.3.2 Сходства и различия культурной коннотации в русском и китайском языках

Сходства и различия культурной коннотации слов в русском и китайском языках могут быть дифференцированы по трём основным группам:

1. Противоположная лингвокультурная коннотация и окрашенные в одни и те же цвета предметы и явления в русском и китайском языках

Так, например, *белый* 白 (*бай*) в китайской культуре является траурным цветом. *Белые* цветы, *белые* туфли являются неотъемлемым атрибутом в траурной церемонии [郭小芳, 2010: 26]. С другой стороны, в России, ещё с древних времен *белый цвет* символизировал невинность и чистоту души [Осипов, 2003: 204]. Следует отметить, что положительное отношение к белому цвету сохраняется и по сегодняшний день. Например, во время свадебной церемонии в России невеста, как правило, надевает *белое* платье, *белые* перчатки и *белые* туфли. Таким образом, *белый цвет* в русском и китайском языках имеет совершенно противоположную лингвокультурную коннотацию.

2. Частичное совпадение лингвокультурной коннотации цветковых слов в русском и китайском языках

Частичное несовпадение лингвокультурной коннотации цветковых слов наблюдается как правило в дискурсивных значениях нецветового характера.

В качестве примера рассмотрим *зелёный цвет*. Зелёный актуализируется в обоих языках как цвет *весны, растений, зелени*. Однако по нецветовому признаку *зелёный* в русском языке достаточно часто актуализируется в выражении *зелёная тоска* — в значении скуки. Или, например, *пить до зелёного змея* — быть пьяным "в доску". В китайском же языке *зелёный цвет* в данных значениях не актуализируется. В китайском языке аналогичным

образом актуализируется и *жёлтый цвет*, например, в значениях *богатый* или *"остаться с носом"*, однако в русском языке лексико-семантический потенциал желтого цвета в отмеченных дискурсивных значениях не раскрывается.

3. Лингвокультурная коннотация обусловлена национальными культурами

Например, русская изба — это один из элементов, свойственных русской культуре. Вследствие этого в обиходе появляются словосочетания *чёрная изба* и *белая изба*, что соответственно символизирует избу — быстро заполняющуюся дымом, и чистую избу (имеющую дымоход), которая, как известно, из русской истории, «в погоне за комфортом и модой города начинает задавать строй всего домашнего бытия» [Снегирев, 2014].

Тем самым лингвистическое осмысление цветовых слов способно не только расширить и углубить понимание цвета, являющегося одной из категорий культуры, но и открыть новые горизонты восприятия цветообозначений, которые ранее не подвергались научной рефлексии в других отраслях науки.

1.2 Подходы к определению понятия цвет и интерпретация цветовых слов в русском и китайском языках

1.2.1 Цвет как физическое явление

Историческое открытие, сделанное ещё в 1672 г. И. Ньютоном, известное как разложение белого света в спектр (дисперсия света) [Выслоух, 1988], показало, что лучи, образующие солнечный свет, имеют цвета которые следуют в известном порядке: красный, оранжевый, желтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Некоторые исследователи добавляют к ним ещё два — розовый и лиловый, и три ахроматических — черный, белый, серый.

Научные исследования показывают, что 80% человеческих знаний о внешнем мире обеспечивается посредством визуального восприятия. Однако из рассмотрения цвета с точки зрения калориметрии — совокупности методов

измерений и пороговых значений теплоты, световых волн и цветности, — следует, что если любые три цвета могут быть смешаны друг с другом при этом на их основе образуются новые цвета, то они называются основными, имеющими наивысшую насыщенность и яркость. К таким цветам относятся красный, зеленый и синий, называемые трихроматическими RGB (Red, Green, Blue) — аддитивная цветовая модель. Тем не менее, необходимо отметить, что цвет по-разному формируется в трубке монитора и на холсте художника. Поэтому RGB — это цвета не спектра, а свет от электронных пушек в кинескопе. Следовательно, добавлением интенсивности цветов модели RGB можно сдвигаться вдоль спектра. Обычно указывается, что каждый цвет имеет минимальную интенсивность равную 0 и максимальную равную 255. В связи с этим десятичный порог основных цветов может быть записан следующим образом: *красный* {255, 0, 0}, *зеленый (светлый)* {0, 255, 0} и *синий* {0, 0, 255}. Попарное пересечение каждого образуют: *жёлтый* {255, 255, 0}, *голубой* {0, 255, 255} и *фиолетовый* {255, 0, 255} (рис. 1а). Обратная последовательность позволяет получать первоначальные основные цвета.

С другой стороны, в субтрактивной модели CMYK (cyan, magenta, yellow, black¹): зелено-голубой, светло-пурпурный, желтый и черный цвета смешиваются именно как краски (рис. 1б).

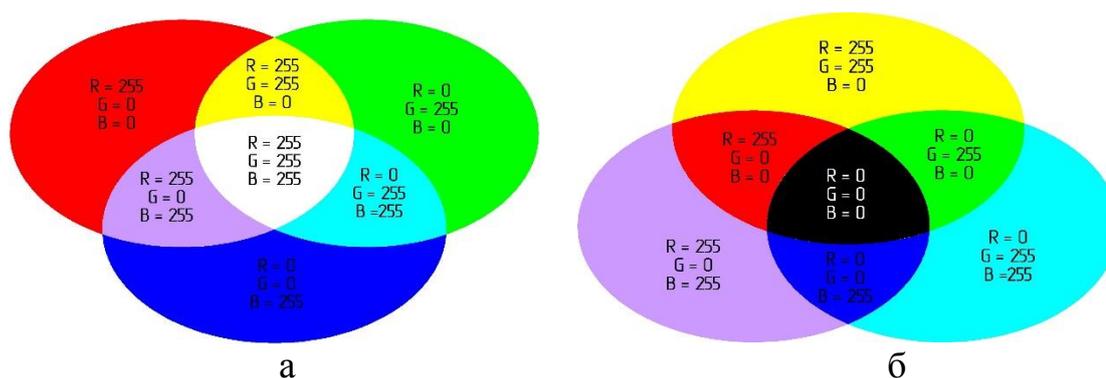

Рис. 1. Модели формирования цветов в объективном мире:

а – аддитивная модель (физика света);

б – субтрактивная модель (смешение цветов)

¹ сокращение от англ. black по последней букве. Обозначение появилось вследствие того, что в модели RGB буква B уже символизировала Blue (голубой).

При этом с использованием данных методов (моделей) были выделены 8 цветов: желтый, голубой, фиолетовый, белый, красный, зеленый, синий и черный. Цветовые пороги этих восьми цветов состоят из экстремумов 0 и 255 с наивысшей частотой цвета. В научных кругах эти восемь цветов являются в объективном мире основными (рис. 1) [Домасев, 2009].

В энциклопедии С.И. Стефанова *цвет* — «это качество потока излучения в видимой для человека части спектра, одно из свойств объектов материального мира, воспринимаемое как зрительное ощущение» [Стефанов, 2014: 403]. В определении, данном в 1922 г. Л.Т. Троландом и принятым американским оптическим обществом, «цвет — это общее имя для всех восприятий, возникающих при работе сетчатки глаза и относящихся к ней нервных механизмов, активности, существующей почти в каждом случае у нормального индивида, специфический ответ на излучаемую энергию определенной длины волны и интенсивности. Цвет не может быть идентифицирован или редуцирован к понятиям какой бы то ни было чисто физической концепции; это фундаментально психологическая категория» [Troland, 1922: 537].

Для П.А. Флоренского цвет является собственным свойством самого предмета. Иначе говоря, это «обозначение характеризует и отношение предмета к окружающему пространству, и функциональное внутреннее свойство предмета» [Флоренский, 1993: 311]. Индивидуальное восприятие цвета определяется его спектральным составом, цветовым и яркостным контрастом с окружающими источниками света, а также несветящимися объектами. В связи с этим Г. Тонквист определяет цвет как «то, что мы видим и можем описать с помощью свойств, которые мы в нем видим» [Тонквист, 1993: 7]. В энциклопедии «Символы, знаки, эмблемы» И.Б. Орлова определено, что цвет — это свойство любых материальных объектов излучать и отражать световые волны определенной части спектра; свойства света, проходящего через окрашенную среду, воспринимать ее окраску и определяющего своеобразие и природу каждого данного цветового оттенка.

1.2.2 Восприятие основных цветов спектра и мотивация первичных и вторичных значений цветовых слов

Символика цвета основана на полярности двух групп цветов: теплого цвета, связанного с процессами ассимиляции, активности, и холодного, связанного с процессами диссимиляции, пассивности — так определяют цветовую символику специалисты. К первой группе они относят цвета: оранжевый, красный, белый и желтый; ко второй группе — голубой, черный, фиолетовый и синий» [Телицын, 2005: 128]. Согласно исследованиям С.О. Упоровой «источки метафизики света и светоцветовой символики обращают внимание на необходимость учёта особых свойств света, определяющих его роль в современной физической картине» [Упорова, 1995]. В связи с этим Д.С. Лихачев отмечает: «есть в природе признаки, указывающие на существование внеприродного и внечеловеческого сознания. Пейзажист, вольно или невольно, открывает красоту, создаваемую надприродным сознанием, которое в этом случае мы должны признавать» [Лихачев Д.С., 1992: 16-22].

В психологическом аспекте цветовые ощущения являются одной из характерных реакций глаза и мозга на световые частотные колебания. Мир бесцветен, цвета в природе нет, есть впечатления о некой реальности, передаваемые в цветовых ощущениях. Вследствие этого реальность цветового ряда «является кажущейся» [Мостепаненко, 1986:76]. Следовательно, цвет заставляет людей познать мир посредством логического и чувственно-образного способов. С точки зрения философии эта характеристика цвета очень важна, потому что цвет в этом случае можно рассматривать как перевод невербального (чувственно-образного мышления) на уровень вербального. Таким образом, с точки зрения психологии цвет тесно связывается с эмоциями человека: каждая эмоция человечества занимает свое определенное место в цветовом пространстве, т.е. каждая эмоция заключает в себе соответствие с определенным цветом, а каждый цвет может пробудить строго определенные эмоции.

Психологическое восприятие цвета в русском и китайском языках имеет как общие, так и отличительные черты. Причём истоки расхождения символики цвета объясняются экстралингвистическими причинами [季元龙, 2004: 23]. Следовательно, цвет — это качество или свойство предметов, которое вызывает определенные зрительные ощущения. В некоторых определениях цвет рассмотрен только с физической точки зрения, что не дает полного представления об этом феномене, так как вместе с физической стороной цвет включает в себя и психологическую сторону, что также является немаловажным [曹成龙, 2002: 36]. С другой стороны, в исследованиях Л.Т. Троланда [1922], Г. Тонквиста [1993], С.О. Упоровой [1995], Д.С. Лихачева [1992] цвет рассмотрен только с психологической точки зрения.

В разных этнокультурах наблюдаются и разные цветовосприятия, а также существуют различия в семантике и ценности отдельных тонов в лексическом воспроизведении цвета. Например, общеизвестно, что в европейских странах желтый цвет символизирует эротику, белый цвет является символом рождения, а красный — это символ жизни. В свою очередь в китайской культуре ещё с древних времен символом смерти является белый цвет, а желтый цвет является символом власти. Цветовая лексика, как и другие языковые единицы, обладает, помимо первичной номинативной функции, и функцией вторичной номинации. В данном случае объем понятия цветового слова расширяется посредством приращения метафорических и символических значений, что влечет включением в их семантику нецветовых смысловых компонентов [陈曦, 1996].

Система цветовой лексики этнокультурологически заметно маркирована и является, с одной стороны, «производной» частью культуры, с другой — культуурообразующим фактором. Например, в Китайской культуре коннотация цветовых слов имеет особое значение. Ян Шень из династии Мин (см. приложение) отметил, что пять цветов — красный, желтый, зеленый, белый и черный являются главными чистыми цветами. Они соответствуют

пяти стихиям (в космогонии: дерево, огонь, земля, металл, вода), а все другие цвета — являются второсортными. Все цвета делили на две группы: основные (святые) и второсортные (простые). В даосском учении связали эти пять основных цветов с пятью направлениями и четырьмя сезонами года: металл и запад связаны с белым цветом, дерево и восток с зелёным, вода и север с чёрным, огонь и юг с красным, земля и центр с жёлтым цветом [Дун Чжуншу, 1990]. Наряду с этим национальная самобытность Китая отражена в пекинской музыкальной драме. Для героев драмы используется разный по цвету грим лица (маска), который символизирует абсолютно разные черты характера. Так, например, *синяя маска* актера символизирует то, что герой имеет твёрдый *змеиный* характер (Доу Эрдунь) и является символом *благородства, разума и мудрости*. Таким образом, по настоящее время в Китае определение основных слов цветообозначений остаётся одним их спорных вопросов, встречающих постоянные противоречия.

В настоящее время китайские лингвисты считают необходимым выделение *шести* основных цветов:

- 黑色 (хэй сыа) — чёрный цвет;
- 白色 (бай сыа) — белый цвет;
- 红色 (хон сыа) — красный цвет;
- 黄色 (хуан сыа) — жёлтый цвет;
- 绿色 (люй сыа) — зелёный цвет;
- 蓝色 (лан сыа) — синий цвет, —

обуславливая это тем, что остальные цвета, например, фиолетовый, серый, оранжевый, коричневый не могут быть отнесены к этой группе, так как они имеют множество различных интерпретаций, которые не имеют ярко-выраженного колорита [Liu Yujie, 1985: 6]. Яо Сяопин (Yao Xiaoping) в своих трудах подробно описывает основную теорию цветовых слов, выдвинутую американскими лингвистами Б. Берлином и П. Кеем, которые изучали в сопоставительном аспекте цветообозначения в 98 языках [Berlin, Kay: 1969,

1975, 1978, 2005]. Б. Берлин и П. Кей доказали, что все современные языки на начальных этапах своего развития включали всего два слова для обозначения всех цветов: одним называли все светлые, другим — все тёмные тона, в связи с чем, *чёрный* и *белый* цвета являлись первоосновой цветообозначения. По мнению Б. Берлина и П. Кея, следует ранжировать семь стадий развития цветообозначения:

- выделение *чёрного* 黑色 и *белого* 白色 цветов относятся к первой стадии;
- на второй стадии появляется слово *красный* 红色 для обозначения цвета;
- последующие три стадии характеризуются выделением слов для обозначения цвета: *желтый* 黄色, *зеленый* 绿色 и *синий* 蓝色;
- шестая стадия характеризуется выделением *коричневого*;
- и на завершающей стадии: *розовый* 粉色, *оранжевый* 橙色, *фиолетовый* 紫色 и *серый* 灰色.

Первоначальное выделение *чёрного* 黑色 и *белого* 白色 цветов [Матвеева, 2010: 134] складывалось под влиянием того, что жизнь людей во многом определялась таким природным фактором, как смена дня и ночи. Тогда же начинает складываться устойчивый комплекс положительных значений, которые впоследствии будут закреплены за белым цветом, и отрицательных значений, связанных с чёрным цветом. Рассматривая *красный* 红色 как один из первых выделенных цветов, следует отметить, что это не случайный факт, в связи с тем, что *красный* 红色 находит свое отражение в каждой культуре [Зиновьева, 1991: 64-71]. Ему отводится крайне важное место, т.к. он сопоставлялся с солнцем и огнем — т.е. с источником жизни, а также с кровью — т.е. неотъемлемой частью внутренней среды организма. Последующее выделение *желтого* 黄色 и *зеленого* 绿色 связано с тем, что *желтый* 黄色 [Матвеева, 2010: 197], как известно из китайской культуры, сопоставлялся с землей, а земля — это символ плодородия. За *желтым* 黄色 был определен и *зеленый* 绿色 цвет, который сопоставлялся с изобилием растений,

прорастающих на Земле. Далее шаг за шагом были определены *розовый* 粉色, *оранжевый* 橙色, *фиолетовый* 紫色 и *серый* 灰色. С развитием науки и общества понимание цвета начинают трактовать гораздо подробнее, и происходит выделение оттенков цвета. На этой основе Яо Сяопин (Yao Xiaoping) приводит эволюцию китайских слов цветообозначений и определяет их в пять этапов, которые связывает, как уже было отмечено, непосредственно с пятью направлениями и стихиями: металл и запад связаны с белым цветом, дерево и восток с зелёным, вода и север с чёрным, огонь и юг с красным, земля и центр с жёлтым цветом [姚小平, 1988: 10].

Сунь Шуфан (Sun Shufang) в своей теории универсальности определяет, что к основным словам цветообозначений относятся белый, черный, красный, желтый, зеленый, фиолетовый и синий, связывая это с тем, что цветовые слова должны учитывать не только факторы, влияющие на язык, но и обращать внимание на внеязыковые факторы выражающиеся через основные определения этих слов [Sun Shufang, 1996: 1-9]. Ли Хун-и (Li Hongyin) в своих трудах отметил, что в современном китайском языке существует 8 стабильных и продуктивных основных цветовых слов: красный, желтый, белый, черный, зеленый, синий, фиолетовый, серый. Они, по его мнению, выражают наиболее широкие цветовые категории и имеют широкий диапазон значений: «их можно использовать в качестве корневой морфемы для дальнейшего формирования большого количества новых цветовых слов, образуя и новые группы» [Li Hongyin, 2004: 1-7].

Анализ лексической семантики цветовых слов в Китае всегда был в центре внимания лингвистов. У Тепин (Wu Tiering) в своих трудах отмечает их двусмысленность, считая, что цветовая лексика в каждом национальном языке имеет спектральное деление по цветовому восприятию, так как каждый из цветов имеет разное количество оттенков и способов их выражения. По сути люди разных языков могут также использовать разные цветовые слова, чтобы актуализировать одно и то же значение. В итоге это послужило толчком к началу сравнительного изучения двуязычных терминов цвета в Китае [Wu

Tiering, 1986: 1-18]. Чэнь Хао (Chen Hao) осуществил анализ метафоры цвета с точки зрения двух основных аспектов:

- визуальные характеристики цветов и этнические культурные факторы, включающие в себя: идеологию, национальную психологию, национальные аллюзии и иностранную культуру;

- непосредственно визуальные особенности цвета, осуществив деление на оттенки, яркость и концентрацию цвета. В основе его работы отражено и то, что цветовые слова имеют существенные различия, когда они определяются не по цветовому признаку [Chen Hao, 1995: 1-9]. При этом цветовые слова в китайской лингвокультуре во многом определяются символикой пяти стихий, историческими событиями и предпочтениями императоров, производством шелка (технологией окрашивания) и традиционной пекинской оперой.

Ли Хун-и (Li Hongyin) делит цветовые слова на две категории: простые и синтезированные, а также осуществляет семантическую агрегацию современных китайских цветовых слов в следующей последовательности: «красный, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, коричневый, черный, белый и серый» [Li Hongyin, 2007: 178]. Чэнь Вэньсюань (Cheng Wenxuan) проанализировал семантическое поле лексемы *жёлтый* с точки зрения диахронического и синхронического подходов [Cheng Wenxuan, 2010: 3-7]. Цзинь Фунянь (Jin Funian) рассматривает формирование цветовых слов в современном китайском языке с точки зрения метафорической риторики. При этом деление данных слов он проводит с точки зрения «практического и виртуального использования, а также определяет место риторики при формировании цветовых слов» [Jin Funian, 2003: 19-24].

В исследовании цветообозначений в разных языках существует обширный информационный потенциал, представляющий собой сложную многоуровневую цветовую символику. Человек использовал цвет в символике с древнейших времен. Понимания цветов и их отражения в познании человека, которые вызывают эти цвета, отличаются в разных культурах. Всемирным издательством Guinness подготовлена и издана «Энциклопедия знаков и

символов» [Фоли, 1997], где представлены самые разнообразные символы, начиная с простейших до сложнейших, в том числе и цветowych.

Таким образом, анализ процитированных теоретических источников показал, что проблема существования и функционирования цветowych слов не может ограничиваться только узко лингвистическим исследованием. Определение природы цвета должно рассматриваться не только в лингвистике, но и в психологии, и в философии, и в других смежных с ней областях.

Важно также, что основной единицей китайского языка является иероглиф. Многие слова в китайском языке состоят из одного иероглифа. Это основные слова, сохранившиеся в языке с древности. Иероглиф не связан со звуковой стороной языка, а потому не имеет морфологических признаков. Сам по себе иероглиф не имеет частиречных признаков, и только в предложении или словосочетании можно определить его функцию, и какое слово он образует сам по себе или же с соседними иероглифами. Один и тот же иероглиф может использоваться как существительное, прилагательное, глагол или даже как предлог в различных контекстах и словообразующих сочетаниях.

Китайский язык — это язык изолирующего типа. В отличие от русского языка, в котором существуют суффиксы, окончания, приставки и т.д., в китайском языке слово не может при помощи суффиксов, окончаний и приставок образоваться для перехода в другую часть речи. Поэтому в китайском языке многие слова могут иметь разные синтаксические значения и выступать в разных предложениях как разные части речи. Цветowych слова являются именно таковыми. В основном они представляют собой имена прилагательные, но в китайском языке они могут использоваться как глаголы, так и как существительные, то есть, в китайском языке конверсия является самым продуктивным и активным способом словообразования имен цвета.

Субстантивация представляет собой главный тип конверсии. Слова-цветообозначения с древних времен обладают признаком существительных, но, помимо своих прямых значений, имеют и другие значения. Субстантивация часто встречается в литературных произведениях, особенно в

древнейших стихотворных произведениях. Ниже, в таблице 1, приведено несколько примеров:

Таблица 1

Субстантивация цветových слов на примере белый 白 / красный 红

Пример	Перевод	Значение
飞觴举白	Предложить тост или поднять бокалы	Рюмка или кубок
屡读屡叫绝，辄拍案浮 一大白	Каждый раз читать эту статью и ей восхищаться	Водка
晓看红湿处，花重锦官 城	Утренние цветы с каплями дождя украшают город как цветной мир	Цветы

Помимо субстантивации, китайские цветочные слова также могут иметь следующую конверсионную модель: прилагательное → глагол. Так, например, в китайском языке прилагательные «白» и «红» часто употребляются как глаголы и приобретают значения «变成白色» / белеть или 变成红色 / краснеть. Например, в стихах «莫等闲，白了少年头，空悲切» / *не трать время впустую, а то постареешь и будешь сожалеть о напрасно потерянном времени* слово «白» употребляется как глагол «белеть», «白了少年头 / волосы несовершеннолетнего стали белеть». По аналогии с «白», в устойчивом словосочетании «红头涨脸 / от гнева лицо покраснело», «红» обозначает «покраснеть» [韩玉国, 2001].

Исследования цветочных слов в китайской культуре разнообразны и включают в себя широкий спектр пересекающихся дисциплин. Следует сказать, что в Китае лингвокультурология как наука стала более зрелой, так как уже сформирована хорошая основа для изучения и сопоставления

цветовых слов с другими языками, в частности с русским. Русские ученые обращают особое внимание на изучение лексической семантики русских слов цветообозначений, а также на связь и развитие смысла между цветовыми лексико-семантическими комбинациями.

1.3 Цветовые слова как основополагающий аспект языковой и цветовой картины мира

В лингвистике такое понятие как картина мира формируется на основе изучения представлений человека о мире, оно определяет тип отношения и нормы поведения человека в мире. Все это отражается и фиксируется в языковой форме, в различных концепциях, которые представляют собой «языковую репрезентацию мира» или «языковую картину мира» [Колшанский, 1990: 11].

П.С. Урысон отмечает, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель – картина мира, а говорящий, в свою очередь, обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации внешнего мира. При этом выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию [Караулов, 1992]. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален и национально специфичен, в связи с чем носители разных языков и культур могут видеть внешний мир немного по-разному — через призму своих языков.

Рассматривая объективную картину мира в её познании и языке Г.В. Колшанский отмечал, что «картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме» [Колшанский 1990: 15]. А этой материальной формой, по его мнению, является язык, который и выполняет функцию объединения индивидуального человеческого сознания. По своей сути человек привносит в этот мир не самого себя, со своими

законами, а только лишь особое взаимодействие, которое определяется через призму «человек – мир». В результате этого и рождается картина мира, принадлежащая всему человеческому роду и существующая в форме «язык – мышление».

Традиционно в лингвистике различают две картины мира: концептуальную и языковую [Серебренников, 1988]. Языковая картина мира, по мнению ряда исследователей (Ю.Н. Караулов [2010], Б.А. Серебренников [1988], А.А. Уфимцева [1962] и др.), это часть концептуальной картины, являющаяся одной из существенных. Б.А. Серебренников отмечает, что «язык может определять, как отдельные элементы, так и объяснять содержание концептуальной картины мира» [Серебренников, 1988: 29]. Тем не менее в рамках данного исследования нас больше интересует языковая картина мира, которая, по мнению О.Г. Прохвачева, «создает знаковый образ действительности и её интерпретацию» [Карасик, 2002: 41].

По определению Г. В. Колшанского, языковая картина мира — это то, каким рисует мир человек в своем сознании и воображении, это отражение бытовых представлений о мире, которое имеет «привязку» к языку. Следует отметить, что картина мира является не зеркалом мира, а способом миропонимания человека, и интерпретирует окружающий его мир, а язык — «отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Драчева, 2017: 84-87]. Вследствие этого, мир для человека — это не только то, что он воспринимает посредством своих органов чувств, но и то, что он переосмысливает в результате этого восприятия.

Цветовая картина мира является также основной составляющей общей картины мира. Отражение цветовой картины мира посредством языка или лингвоцветовая картина мира реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах [Андреева, 2006]. Таким образом, лингвоцветовая картина мира по своей сути является вербальным выражением цветовой

картины мира. Однако, по нашему мнению, это такое же абстрактное теоретическое построение, как и картина мира. Лингвоцветовая картина мира органично входит в лексическую систему языковой картины мира. Следовательно, она также специфична и различается у разных языковых общностей. Зафиксированные в языке наивные представления человека о мире через призму цветовых ощущений отражают «как общие закономерности человеческого мышления, типичные ассоциации, так и специфику каждого языка, отделяющего его от общего и всеобщего» [Прохвачева, 2000: 52]. Будучи сущностной характеристикой, соотносимой с морально-нравственной и эстетической оценкой, семиотической и ценностной картиной мира данной национальной культуры, цвет предстает одной из центральных категорий концептуальной и языковой картин мира, что позволяет говорить о цветовом восприятии, об этническом цветовом менталитете, цветовых универсалиях и в целом о цветовой картине мира.

Лингвоцветовая картина выступает одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира» [Жаркынбекова, 1999: 109]. Цвет в данном контексте выступает в качестве содержательного элемента культуры с помощью которого можно охарактеризовать и систематизировать предметы, социальные установки, а также нравственно-эстетические понятия. В соответствии с этим языковая система представления цвета отличается от научной тем, что «в силу своей антропоцентричности на то, как мы описываем цвет объектов, влияют как физические и психологические законы восприятия, так и знания о мире, о функциональном использовании наблюдаемых объектов» [Жаркынбекова, 2003: 116]. Т. е. цветовые слова, кроме лингвистической, обладают и лингвокогнитивной спецификой. Причиной этого является междисциплинарный характер лингвистики цвета, которая связана с

различными сферами научного знания, в том числе с психологией, а также с физикой и медициной.

Следует отметить, что интересы лингвокультурологии пересекаются с интересами когнитивной науки, появившейся в XX в. С самого начала своего возникновения эта новая отрасль науки стала устанавливать контакты между несколькими фундаментальными науками одновременно. При этом среди них оказались науки как смежные, так и не считавшиеся таковыми: математика, психология, философия и др. Когнитивная лингвистика это, в свою очередь, лингвистическое направление, в центре которого находится язык как общий когнитивный механизм — система знаков, играющих роль в репрезентации и в трансформировании информации.

Во многих работах по цветосемантике языковая картина мира представляется как результат лингвокогнитивной деятельности определенного этносоциума. И некоторые ученые утверждают, что когнитивные процессы, в которых участвуют имена цвета, базируются не на этнологии или знании физической субстанции, а на социально, этнически и ментально осознанной цветосимволике, на ее непосредственной связи с историей и культурой народа. Следует отметить, что центральным аспектом языковой картины мира является национальная картина мира. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, она «объединяет представление человека о различных сторонах окружающей его действительности» [Тер-Минасова, 2000: 4], и именно язык фиксирует и вербализует национальную картину мира, хранит и передает её из поколения в поколение. Как отмечали в своих трудах Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, Е. С. Яковлева, особенности национальной картины мира проявляются именно на языковом уровне. Составной частью национальной картины мира являются имена цветов — имена прилагательные, обозначающие цвета. Несомненно, каждый человек понимает цвета по-своему и дает собственное представление о том, что такое красный, оранжевый, жёлтый, зеленый и др. т.д., но при всей схожести данных представлений каждая языковая личность имеет особенности их интерпретаций.

Очень важным понятием в лингвистике цвета является метафора [Лю, 2018]. Одним из важнейших исследований метафоры считается, по мнению Н.Д. Арутюновой, которое мы разделяем, работа американского ученого представителя когнитивной лингвистики Джорджа Лакоффа «Современная теория метафоры» [Арутюнова, 1990]. Д. Лакофф определяет метафору как перекрестное наложение понятийных областей в концептуальной сфере. Смысл метафоры заключается в выражении понятий одной области посредством понятий другой. Следовательно, метафора помогает объяснить относительно абстрактное понятие с помощью более конкретного. Метафорические наложения могут варьироваться: некоторые из них являются универсальными, другие просто широко распространены, третьи характерны только для какого-нибудь одного языка или культуры.

В лингвистике цвета при анализе дополнительных переносных значений цветообозначений теория концептуальной метафоры является весьма продуктивной [单晓莹, 2010]. Когда какое-либо понятие соотносится с определенным цветом, цветообозначение приобретает переносное значение с помощью общих ассоциаций, которые уже имеются в сознании носителей языка, в силу чего становится более понятным и легко описывается языком. Многие работы, посвященные исследованию цветообозначению, базируются на психолингвистическом эксперименте. Например, Р.М. Фрумкина рассматривает цветообозначения с точки зрения психолингвистического изучения семантических отношений. Основной объект её интереса — психическая деятельность, связанная с воплощением представлений о мире в смысловой структуре языка. С этой целью Р.М. Фрумкина экспериментально изучала сигнификативное и денотативное значение слов. В своем исследовании Р.М. Фрумкина опиралась на направление лексической семантики, ориентированное на описание глубинных смысловых отношений и на разработку метаязыка семантического описания. Автор отмечает, что сложилась определенная традиция изучения цветообозначений, заключая их в

3 основные составляющие: лингвистическая, психологическая и культурно-антропологическая [Фрумкина, 1992].

Л.П. Василевич анализирует цветообозначения в разных языках. Автор исходит из того, что для семантических исследований цвета «единственно приемлемым является подход, при котором исследуются одновременно объекты действительности и обозначающие их слова» [Василевич, 2005: 189]. Там же автор подчеркивает, что «физическая природа цвета одна и та же для всех культур, а в качестве точки отсчета исследования слов целесообразно использовать, так называемые, основные цвета» и предлагает «изучить характер множества цветоименований путем выявления всех возможных синонимических рядов, т.е. всех возможных «смыслов», которые различимы в представлении носителей языка» [Василевич, 2005: 189-191].

В когнитивистике и лингвокультурологии цвет рассматривается как одна из значимых когнитивных категорий в осмыслении окружающего мира человеком. А.И. Белов выявляет национально-специфичные особенности цветковых слов. В качестве инструмента исследования этнопсихоязыковой специфики цветообозначений ученый использует понятие этноэидемы, применяемое при анализе слов цветообозначений в сопоставляемых языках — русском и финском. Белов также отмечает, что цвет как емкий культурный код, знание которого может способствовать преодолению «культурологического дальтонизма» при взаимодействии разных народов. Анализ когнитивных аспектов ассоциативных процессов цветообозначений представлен в работе Е.В. Рахилиной. Рассматривая когнитивные процессы, в результате которых в том или ином языке формируется специфическая система цветообозначений, автор приходит к выводу о том, что наиболее свободно в отношении к цветовому спектру ведут себя артефакты [Рахилина, 2000]. Там же подчеркивается конвенциональный характер цветообозначений. Автор делает заключение, что языковая картина мира выглядит так, что существуют прототипические цвета.

Многие работы посвящены сопоставлению цветоименований в разных языках, что является одним из наиболее популярных направлений современных исследований и позволяет выявить специфику национального мировидения [Корсунская, Фридман, Черемисова, 1963; Гаданин, 1984; Василев, 1987; Кульпина, 2001; Светличная, 2003; Тугушева, 2003; Пименова, 1990; Гао Хайянь, 1999; Чень Си, 1997; Андреева, Тимофеева, 2005 и др.]. Национальное мышление обусловлено многими экстралингвистическими факторами. С его помощью опыт концептуализации (осмысления) цветового пространства формулируется и выражается национально-специфическими лексическими формами, которые образуют национальную лингвоцветовую картину мира.

На специфику концептуализации цветового пространства традиционными культурами указывается в работах по изучению цветовых концептов [Белобородова, 2000; Григорук, 2002; Копачева, 2003; Фетисова, 2005]. Особенности цветового видения мира обуславливали то, что ученые уделили внимание исследованию проблемы о цвете с точки зрения национально-цветовой и лингвоцветовой картины мира. Цветовая лексика не покрывает всего цветового пространства. Лексикализации подвергаются, видимо, лишь коммуникативно-значимые участки цветового пространства. В связи с этим исследователи говорят о лексической плотности того или иного цветового фрагмента в разных языках.

Несовпадение культурных представлений о цвете разных народов особенно ярко проявляется в ассоциациях. Во многих работах отмечается, что ассоциации указывают на национально-культурную специфику мышления носителей разных языков [Залевская, 1988; Фрумкина, 2001; Белов, 1988; Василев, 1988; Дмитрюк, 1983, 1985; Горошко, 2003; Сафонова, 1992; Семенова, 2005; и др.]. Национальные особенности функционирования цветообозначений в речемыслительной деятельности представителей разных этносов обусловлены их менталитетом и историко-культурными традициями. «Ассоциативный ореол цветообозначения образует его страноведческий фон»

[Морковкин, 1988], который отражает специфику мировидения носителя языка сквозь призму цвета.

Межкультурные языковые контакты часто встречаются с коммуникативными недоразумениями [Прохоров, 1999]. Многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета. Подобные коммуникативные неудачи возникают из-за действия межкультурной интерференции, когда значения, сформированные в одной лингвокультуре, переходят в инокультурную среду. Однако у этого процесса есть и другая сторона. В результате межкультурного общения происходит взаимное обогащение культурно значимой информацией. Об этом свидетельствуют ассоциативные поля цветообозначений, которые содержат ассоциаты, отражающие «свое» и «чужое» [Алымова, 2006]. Сложность изучения феномена цвета в сознании и языке обусловлена многими причинами, в числе которых содержательность ассоциативных и символических значений семантики цвета, его «неуравновешенное» формулирование в различных языках являются самыми главными. Цвет – это один из важных и ёмких носителей культурной информации, накопленной этносом, а цветообозначения – это «семиотические конденсаторы, выполняющие функцию механизма памяти культуры» [Гатауллиная, 2005]. Гао Хайянь сопоставляет лексику цветообозначений в русском и китайском языках, проводя лингвострановедческий анализ [Гао, 1999].

Цветообозначения представляют собой явление системного порядка во всех языках и издавна рассматривается как своеобразный аспект видения картины мира, следовательно, с точки зрения лингвострановедения являются ценными. Национальное своеобразие наиболее ярко проявляется в переносных значениях исследуемых единиц и устойчивых словосочетаний, большинство из которых требует лингвострановедческого комментирования. Анализ единиц цветообозначений с позиции лингвострановедения дал возможность выделить эквивалентные, фоновые и безэквивалентные разряды прилагательных цвета и их дериватов.

Исследователи часто обращаются к древним текстам [Бахилина, 1975; Кезина, 2002; Остапенко, 2002; Пелевина, 1987; Решетникова, 2000]. В этих исследованиях на примере древних текстов авторы прослеживают этимологию обозначений цветов, т.е. данные работы являются историко-этимологическими. Например, С.В. Кезина анализирует оценочные цветообозначения в образной системе «Слово о полку Игореве». В работе Н.Б. Бахилиной «История цветообозначений в русском языке» цветоименования рассматриваются с точки зрения их происхождения, значения и употребления. Это исследование охватывает два периода: XI-XIV и XVII века. Предметом исследования являются группы слов, называющих цвет. В основном — это прилагательные, но также и глаголы, причастия, существительные, «содержащие цветовой признак» [Бахилина, 1975: 265].

Н.В. Серов указывает, что почти все основные цветообозначения в языке имеют ассоциативную этимологию (желтый - желчь, зеленый - трава, красный - кровь и т.д.). Неосновные цветообозначения, по мнению исследователя, «так же зачастую образуются на базе ассоциативной вербализации» [Серов, 2015: 96]. Несомненно, цветовые слова формируют семантику на основе субъективных ощущений и реализуются в языке только тогда, когда сознание человека окончательно обрабатывает полученную информацию.

Р. Токарский раскрывает проблематику цветового прототипа. Он отмечает своеобразную семантическую специализацию цветоименований «желтый» и «золотой»: «желтый», по его мнению, имеет статус основного и может сочетаться с обоими прототипами, а доминантой золотого цвета является изображение солнца. Автор подчеркивает, что его работа имеет своей целью воссоздание семантических и культурологических основ понимания «языка» цвета [Tokarski, 1992: 218].

При помощи цветообозначений язык отражает и закрепляет абстрактные понятия, сформированные в специфических условиях трудовой, культурной и исторической жизни этого народа. Цветовое прилагательное "красный" в русском и китайском языках имеет одинаковое значение, т.е. обозначает один

и тот же цвет. Но иногда значение одного и того же цвета в двух языках не совпадает. В русском и китайском языках прилагательное «золотой» обозначает желто-сияющий цвет. В китайском языке при описании цвета волос часто употребляется словосочетание «金发» дословно — «золотые волосы», но в русском языке такое словосочетание употребляется значительно реже, чем «светлые волосы». Можно сказать, что прилагательные цвета, функционируя на основе единства языка и речи, синхронии и диахронии, денотации и коннотации, не только описывают физически реальный цвет, но и отражают национально-культурные особенности восприятия явления действительности в сознании говорящих.

В работах Л.М. Грановской, которая исследовала первообразные имена прилагательные *белый, красный, зеленый*, делается вывод о том, что эти прилагательные «в силу присущей им абстрактности имели наибольший круг сочетаний с существительными различных семантических групп, и, помимо собственного цветового значения, они имели и ряд других, производных, связанных с картиной мира русского народа, с его обычаями, верованиями и опытом». Исследуя культурологическую и национальную специфику цветообозначений на материале русского языка, А.А. Брагина [1972] замечает, что значимость цвета развивается в языковом сознании благодаря ассоциативным связям цветовых определений не только с миром окружающей человека природы (красный - кровавый, белый - снежный), но и с конкретными историческими факторами и событиями, с национально-культурным и историческим контекстом (красная девица, Красная площадь, белый террор).

Картина мира несет в себе черты своего создателя, его мировоззрение. При сохранении целостной картины мира в ней могут меняться отдельные этапы или фрагменты. И цветовые прилагательные являются ярким отражением этих изменений. В работе Н. Б. Бахиной «история цветообозначений в русском языке» [Бахина, 1975] рассматривается лексика цветообозначений в древнерусском литературном языке

соотносительно с некоторыми факторами других славянских языков и в сопоставлении с современным русским литературным языком. Исследовательница пришла к выводу, что в течение более тысячи лет цветообозначения в русском языке постоянно оформляются, развиваются и до сих пор изменяются. На примере поэзии М. Цветаевой, можно увидеть, что цветовая символика играет важнейшую роль в ее творчестве. Необычная метафоричность, обилие эпитетов и ритмов усиливается в стихах Марины Ивановны цветовой палитрой. Многими учеными отмечалось, что у Цветаевой особенно часто упоминаются три цвета: *черный, белый, красный* которые помогли Цветаевой сформировать человеческую личность и показать свое уникальное знание человеческой души [Швайцер, 2002].

В целом ученые рассматривали цветовые слова с различных точек зрения: состава цветообозначений и их семантической структуры [Брагина, 1970; Туревич, 1982; Corbett, Davies, 1994]; цветовые слова в аспекте перевода [Василев, 1988; Фененко, 2009]; этимологии и история цветовой лексики [Бахилина, 1975; Бородина, 1971; Krieg, 1979]; метафоры цвета [Jakobs, 1958; Макуренкова, 1989; Григорьева, 2004]; функции цвета в художественном произведении [Качаева, 1981; Богданова, 2000; Руднева, 2000; Агински, 2001]; особенностей цветообозначений, используемых в рекламе [Василев, 1999; Тонкова, 1986]; уровня развития цветовых представлений в культурах народов мира на разных исторических этапах [Berlin V. & Kay P, 1969]; символики цвета [Goethe, 1995; Тэрнер, 1983; Серов, 1995; Самарина, 1996; Коптева, 2005]; цветообозначения в составе устойчивых сочетаний [Павлюченкова, 1984; Зиновьева, 1991; Кайбияйнен, 1995]; словообразование лексики со значением цвета [Иваровская, 1998; Анищенко, 2000; Краснянский, 2001; Бережных, 2006]; цветообозначения в составе фразеологизмов [Свешникова, 1969; Бедоидзе, 1997; Розен, 2000]; анализа отдельных цветообозначений [Брагина 1970; Tshirch, 1970; Алимпиева, 1989; Василев, 2005]; изучение лексики со значением цвета в области психолингвистики [Фрумкина, 2001];

Василев, 2003; Белов, 1988; Тобурокова, 2000]; когнитивной лингвистике Арутюнова, 1990].

Таким образом, с учетом анализа научной литературы можно сделать вывод о том, что цветовые слова являются основополагающим аспектом языковой и цветовой картины мира.

1.4 Типология и многозначность слов в языковой картине мира

Как было отмечено ранее, язык является главным инструментом познания и освоения внешнего мира. Он выступает основным средством общения людей, а также делает возможным знакомство с другими культурами. В свою очередь наша речь — это последовательность взаимосвязанных слов, формирующих контекст и получающих в нём дискурсивные значения. Однако представители разных культур при общении, как правило, воспринимают *прямое значение* или «*номинативное значение*, направленное непосредственно на предметы, явления, действия и качества действительности и отражающие их общественное понимание» [Виноградов, 1977: 132]. Однако в контексте сказанного, в речи, оно не всегда описывает ту действительность которую мы осознаём. В таких ситуациях проявляется многозначность слов – *полисемия* [Николенко, 2005: 18], которая позволяет раскрыть смысл сказанного и наиболее полно отразить суть действительности в том или ином контексте.

Следовательно, в большинстве случаев, употребляемые при коммуникации слова имеют *переносное значение* или «производное, вторичное, неосновное значение, приобретаемое словом и функционирующее в нём наряду с прямым значением, которое непосредственно направлено на предметы и явления действительности» [Лазуткина, 2013: 211]. В зависимости от того, на основании какого признака происходит перенос значения, различают три основных вида перехода значения: метафора т.е. перенос наименования по сходству; метонимия т.е. перенос наименования с одного предмета на другой на основании их смежности; синекдоха т.е. перенос

названия целого на его часть и наоборот [Ахманова 1969, 2010]. В толковых словарях С.И. Ожегова [1987] и Д.Н. Ушакова [2000] прямое значение слова ставится исключительно первым, а переносные значения, как правило, идут следом за ним. Тем не менее, в процессе развития переносных значений слово может обогащаться новыми значениями в результате сужения или расширения основного значения. Поэтому с течением времени переносные значения могут стать прямыми. В свою очередь наиболее проблемным с точки зрения осознания и понимания представителями разных культур является символические и метафорические значения цветowych слов в контексте. В данной связи определим взаимосвязи понятий метафора и цветонаименование, а также основные сходства и различия символических и метафорических значений в языковой картине мира.

1.4.1 Взаимосвязь понятий *метафора* и *цветонаименование* в языковой картине мира

Термин *метафора*, как и многие термины литературоведения, уходит своими корнями в Греческую античность. Именно там зародилось понимание и первое представление о *метафоре*, которое в буквальном смысле трактуется как "*перенесение*". Одним из первых, кто наиболее точно раскрыл суть *метафоры*, был Аристотель, который трактовал ее как феномен определенной замены слов или как обмен, который осуществляется на уровне лексики и относит *метафору* исключительно к сфере риторики и поэтики. В "*Поэтике*" Аристотель определил, что «Метафора есть перенесение не обычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, перевод Апфельрота 1957]. Следовательно, суть *метафоры* заключается в том, что какой-либо вещи или предмету придается переносное значение или имя им не принадлежащее [Аристотель, перевод Гаспарова, том 4, 1984].

Понимание Аристотеля оказало значительное влияние на представление и дальнейшее развитие термина *метафора*. Одним из самых

важных следует отметить разделение *риторики* и *логики*, слитое еще у софистов. В процессе логических доказательств ими чисто использовались риторические приемы, основанные на многозначности слов и неопределенности их значений. В понимании Аристотеля *поэтика* и *логика* представляют собой абсолютно разные сферы. Несмотря на то, что с момента первого представления и понимания термина *метафора* прошло уже более двух тысяч лет, в настоящее время, нельзя сказать, что существует окончательно сложившаяся система взглядов на *метафору*. Развитие теории *метафоры*, глубины её познания и сути привлекало к себе внимание выдающихся мыслителей [Арутюнова, 1990]. Интерес к *метафоре* способствовал взаимодействию разных областей знаний — философии, логики, психологии, языкознанию, литературоведению, семиотике, риторике и др., результатом чего стала их идейная консолидация, способствующая формированию когнитивной науки, которая, в свою очередь, направлена на исследование различных сторон человеческого мышления и восприятия. В ее основе находится то, что «человеческие когнитивные структуры, такие как восприятие, язык, мышление и др. неразрывно связаны между собой в рамках одной задачи» [Петров, 1988]. В свою очередь данная задача заключается в осуществлении процессов усвоения, обработки, трансформации накопленных знаний, что в итоге и предопределяет сущность человеческого разума. То есть *метафора* является не только языковым и культурным явлением, но и основным способом познания мира. *Метафора* тесно связана с народной культурой, и более того, она является составной частью культуры, которая формируется и определяется особыми природными и историческими условиями. Следовательно, необходимо констатировать то, что *метафора* основывается на языке, мышлении и культуре.

Изучение *метафоры* в русской лингвистике условно можно разделить на три этапа. *Первый этап* – от М.В. Ломоносова до конца XIX века. Этот исторический период характеризуется зарождением теории *метафоры*, развитие которой было отражено в работах М.В. Ломоносова и А.А. Потебни.

Метафора рассмотрена как «один из способов раскрытия взаимосвязи между лингвистической системой и объективным миром, являющийся основой теории исследования *метафоры* в русской литературе» [Петров, 1988]. Однако глубокого систематического анализа при изучении *метафоры* в данном периоде предпринято не было. *Второй этап* характеризуется периодом с начала XX века до конца шестидесятых годов. В это время сформулирован внутренний механизм *метафоры* и определена её роль в языковом общении. Наиболее значимый вклад в развитие *метафоры* в данном периоде сделан В.А. Звегинцевым и В.И. Корольковым, последний из которых определил четыре направления исследования метафоры:

- номинативно-предметное;
- формальнологическое истолкование метафоры;
- психологистическая интерпретация метафоры;
- лингвистическое изучение метафоры.

Третий этап характеризуется периодом с 1970-х годов по настоящее время. Основными представителями в этот период являются Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, В.Н. Телия и др. Развитие метафоры в данный период характеризуется тесной кооперацией и обменом знаниями с западной культурой. При этом *метафора* «рассматривается не только с точки зрения одного предметного исследования, а осуществляется глубокий систематический подход» [Телия, 1986]. Также следует отметить, что на уровне метафорической репрезентации могут быть выделены три концептуальные метафоры: антропоморфная метафора, метафора природы, артефактная метафора [Завьялова, 2007: 14].

Развитие науки и техники способствовало всё более возрастающему интересу лингвистов и философов к так называемым "*нестандартным*" высказываниям. В итоге это привело к некоторым трудностям в области структурной семантики. Левин [1962, 1964], Торн [1965, 49-59], Хессе [1966, 282-284], Мозй [1967, 108-111] определяют *метафору* по-новому. Болинджер сформулировал новый подход к пониманию и развитию *метафоры*

«Семантическая теория должна объяснять процесс создания метафоры. При этом характерной чертой естественного языка является то, что ни одно слово не сводимо к конечному набору значений, но всегда передает и нечто еще» [Петров 1988]. Однако, как бы ни трактовались подходы к пониманию и развитию теории *метафоры* в различных областях науки, следует подчеркнуть, что *метафора* является важным инструментом при коммуникации людей разных культур, имеющих также разные традиции и взгляды.

Сегодняшнее понимание *метафоры* — это не просто лингвистическое и культурное явление, но и феномен мышления, одна из форм человеческого восприятия мира, кроме того это опыт конкретной области для объяснения и понимания когнитивной деятельности другого опыта. *Метафора* тесно связана с национальной культурой, национальной самобытностью и традициями [Балашова, 2014]. В связи с этим вопрос о соотношении языка и культуры повседневно находится в центре внимания лингвистов, культурологов и философов. Он также делает возможным знакомство с другими культурами. Как заметил Леви-Строс, «язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Кроме того, язык есть специфический способ существования самой культуры» [Леви-Стросс, 2001]. Язык тесно связан с культурой: он прорастает в неё, развивается в неё и выражает её.

Проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры является одной из основных и многоаспектных в языкознании [Ярцева, 1998]. Во всех без исключения языках могут встречаться такие слова, которые, кроме прямого и предметно-понятийного значения, могут иметь ассоциативное, символическое или метафорическое значение.

1.4.2 Соотношение символических и метафорических значений в языковой картине мира

Правильное толкование символического значения слов может качественно абстрагировать некоторые из более абстрактных качеств на конкретные воспринимаемые образы. Следовательно, это позволяет впечатлить собеседника или читателя и придавать написанному либо сказанному глубокий смысл.

По мнению Н.Д. Арутюновой, в основе метафоры и символа лежит образ [Арутюнова, 1988: 25], который является источником основных семиотических понятий. То есть символ и метафора определяются через апелляцию к образу [Лосев, 1973], при этом метафора сохраняет целостность образа, который может отходить на задний план. *Символическое* значение основано на определенной связи между вещами с помощью конкретного образа (символического тела), с целью того, чтобы показать некое абстрактное понятие, мысль или эмоцию. Правильное толкование символического значения слов может качественно обобщить некоторые из более абстрактных качеств в конкретные воспринимаемые образы.

Однако связь между *метафорой* и *символом* является двусмысленной, и её зачастую трудно отличить, и часто происходит смешение понятий *символ* и *метафора*. Такие исследователи, как Малави, Генри, Де Рене в интерпретации символического значения слова подчеркивали, что «символ представляет собой сравнение между абстрактным и конкретным значением» [查德威克, 1991]. Следовательно, представители разных культур не всегда способны различать символ и метафору. Разногласие при определении *символа* и *метафоры* существует во многих исследованиях, например, Чадуэлл полагал, что *символ* можно охарактеризовать как искусство, которое выражает мысли и чувства, а не прямо изображает их. Он не интерпретирует их явно в сравнении с конкретными изображениями, и скорее подразумевает эти идеи и эмоции при воссоздании последних в уме читателя.

Рассуждая о чувственности и рациональности, Йейтс в своих трудах подчеркивает, что различием между *метафорой* и *символом*, употребляемых в поэзии, является то, что последний «вплетен в полную систему изображений» [叶芝, 1993]. Подразумевается, что символы содержат метафорические элементы. Это свидетельствует о том, что по сравнению с метафорой, символ не является индивидуальным, а метафора, в свою очередь является «систематической и символической» [朱立元, 2005: 218]. Это, тем самым, воплощает в себе связь и различие между *метафорой* и *символом*.

Также Йейтс указывает на то, что когда метафора не является символической, «она не имеет достаточной глубины — не является совершенной». В свою очередь, это ясно показывает взаимосвязь между *символом* и *метафорой*: «Символ — это метафора с глубоким смыслом» [朱立元, 2005]. Если метафора имеет тенденцию быть совершенной, она обязательно переходит к символу, то есть по сути речь идёт о метафорическом символизме. Следовательно, метафора является основой символа, а символ, в свою очередь, создаёт метафору более совершенной.

Символ и метафора относятся, прежде всего, к переносному, а не к буквальному значению какого-либо слова. Хотя символ и метафора имеют сходства, их различия также очевидны. Так, Гадамер указывает на то, что метафора не имеет ничего общего с символом изначально. По его мнению, главная цель метафоры состоит в том, чтобы улучшить понимание одного предмета через другой и принять два предмета, имеющих связанное значение. А символ не ограничивается областью, к которой принадлежит метафора. В любом случае, «смысл символа основывается на его собственном присутствии, и его регенеративная функция получается с точки зрения того, что она показывает или выражает» [伽达默尔, 2004: 46]. Другими словами, символу не нужно приобретать смысл через значение взаимосвязи между двумя вещами, ибо его собственное существование уже имеет смысл. Однако метафора должна формировать взаимосвязанные значения между двумя

вещами (или словами), которые составляют метафору, и представить метафорические значения, которые должны быть выражены в процессе взаимосвязи и замещения.

С точки зрения Гадамера, даже если метафора и символ имеют общность, то есть они используют одну вещь (предмет) для осознания другой вещи (предмета), они также способны существовать по-разному. В его понимании метафора, *во-первых*, всегда связана с интерпретацией конкретных вещей, а символ всегда связан с когнитивной деятельностью. *Во-вторых*, символ абстрагируется от конкретной связи, к более высокому и более абстрактному смыслу. И *в-третьих*, различие между символом и метафорой заключается в том, что, с одной стороны, это полное осознание конкретного предмета, а с другой стороны, это нечто эфемерное. То есть состав метафоры неотделим от подобия: сходство является ядром метафоры, а символ почти не имеет отношения со сходством. По происхождению символ — это память фрагмента, то есть две половинки одной вещи, употребляемые с целью выражения полного смысла: символ взаимосвязан и отождествляется с памятью, сравнением, идентификацией, временем и пр. [张首映, 1999: 257].

Следовательно, если символ трансформируется непосредственно из одной вещи или одного слова в конкретное значение, тогда это его прямая замена. С другой стороны, символ фокусируется на случайное совпадение между вещами. В свою очередь это случайное совпадение, в основном, отражается на отношении между образом и значением. Тогда само изображение (образ) и сам смысл не имеют ничего общего, а только в конкретной ситуации ему (образу) дается особое значение. Таким образом, с учётом вышеприведенного анализа следует, что между символом и метафорой существует тесная связь; независимо от средств выражения или конечного значения метафора является основой символа; символ выше метафоры, и в этом смысле он метафорическая система; основное различие между символом и метафорой заключается в том, что состав метафоры неотделим от подобия,

сходство является ядром метафоры, а символ почти не имеет отношения со сходством.

Как уже отмечалось, цвет является одной из важнейших составляющих национальной и культурной жизни общества. Каждый этап развития общества оказывает важнейшее влияние на многие аспекты физиологии человека, его психологии, а так же и того, как человек воспринимает окружающую его действительность. С точки зрения лингвистики, цветовые слова являются определяющей группой слов в "словаре объективного мира", что в полной мере отражает позицию и практическое применение цвета в национальной культуре каждого языка. Изучение китайских и русских цветовых слов в идиомах, эвфемизмах и народной культуре является ключевым моментом, который помогает глубоко проанализировать культурный фон и лингвокультурную коннотацию цветовых слов в китайском и русском языках.

В связи с этим в рамках нашего исследования необходимо при изучении цветовых слов в русской и китайской лингвокультурах осуществить ранжирование прямого, переносного и символического значений слов в с учётом их отрицательного и положительного признака.

Выводы по главе 1

1. Лингвокультурология является перекрёстной дисциплиной между лингвистикой и культурологией, а язык, в свою очередь, переносчиком и объектом изучения, связью между языком и культурой.

2. Более подробно представление о цвете выражается в лексической системе языка. При помощи цветовых слов язык отражает и закрепляет абстрактные понятия, сформированные в специфических условиях трудовой, культурной и исторической жизни любого народа. Поэтому цветовые слова могут приобретать коннотацию.

3. Цветовые слова, функционируя на основе единства языка и речи, синхронии и диахронии, денотации и коннотации, не только описывают

физически реальный цвет, но и отражают национально-культурные особенности восприятия явлений действительности в сознании говорящих.

4. Особенность цветковых слов в языках народов мира состоит в том, что наряду с основным значением — обозначением цвета как физического явления, они имеют свойство приобретать широкий спектр символических значений, отражая тем самым эмоционально-этническое и социокультурное представление о нации.

5. При анализе русской и китайской лингвокультур считается необходимым выделение **шести** основных цветковых слов: *черный* 黑, *белый* 白, *красный* 红, *жёлтый* 黄 (золотой 金, как компонент жёлтого цветкового спектра), *зелёный* 绿 и *синий* 蓝.

6. Учитывая многообразие подходов к изучению цветковых слов необходимо выявить их семантический и символический потенциал, факторы, обуславливающие их сходство и различие в каждом из рассматриваемых языков, а также механизмы семантических трансформаций с целью расширения и эффективного использования в речи их семантического потенциала.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ ОСНОВНЫХ ЦВЕТОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Китайский и русский — это языки со сложной грамматикой и словообразованием. При этом, китайский язык, также, как и индоевропейские языки, к которым относится русский, восходит к общему древнему предку — ностратическому праязыку, существовавшему приблизительно в период ок. 7-12 тысячелетий до н.э [Яхонтов, 1991: 13].

Учитывая столь отдаленный период существования общего предка, корпус генетически родственных морфем китайского и русского языков восстановить затруднительно. Ситуация осложняется и тем, что китайская письменность использует не фонетический, а идеографический принцип, т.е. отвлечена от звуковой стороны языкового знака и связана со смыслом [Турбина, Лю, 2017]. В процессе развития языка менялись и сами стили китайского письма (см. приложение):

甲骨文→金文→篆书→隶书→楷书

Цзягувэнь → Цзиньвэнь → Чжуаньшу → Лишу → Кайшу

Поэтому при анализе развития смысловых значений лексических единиц китайского языка в первую очередь важен учет формирования национальных культурных ценностей.

Особо значимыми для китайской культуры основными факторами, определяющими лингвокультурную коннотацию основных цветов спектра в китайском языке, являются:

1. Представление об окружающем мире, в основе которого лежит учение о пяти стихиях природы (金 — металл, 土 — земля, 木 — дерево, 水 — вода, 火 — огонь);
2. Технологии производства и окраски шелка;
3. Традиционная китайская опера;
4. Государственная символика.

Перечисленные факторы по-разному проявляются в истории китайской культуры, но неизменно состоят в отношениях взаимовлияния.

Представление об окружающем мире в даосском учении было связано с пятью стихиями природы, пять основных цветов были связаны с пятью направлениями и четырьмя сезонами года: металл и запад связаны с белым цветом, дерево и восток с зелёным, вода и север с чёрным, огонь и юг с красным, земля и центр с жёлтым цветом. Но символика цвета многогранна, так, например, *чёрный*, с одной стороны, мог быть связан с чем-то сократившим, мрачным, но с другой стороны в национальной традиционной культуре Китая — пекинской музыкальной драме, актёр с чёрным гримом играл героя — человека честного и лицеприятного. Говоря о чёрной земле, то часто подразумевают поля с густо-зелёной пшеницей, золотистой соей и белым рисом. Но при этом с землей, как одним из главных элементов пяти стихий, связан жёлтый цвет. К нему китайцы относятся с особым почтением. Жёлтый это прежде всего цвет императора. *Надеть жёлтый халат* — значит стать императором. С другой стороны, в эпоху циньской династии считалось, что вода играет важную роль в пяти стихиях, поэтому представители высших сословий, в том числе и император, стремились носить одежду исключительно чёрного цвета. В свою очередь красный цвет приобрел свою ценность на государственном уровне, когда император Лю Бан династии Хань провозгласил себя последователем Красного Императора. При этом и по сегодняшний день положительная лингвокультурная составляющая в семантическом объеме цветового слова *красный* в китайской культуре расширяется.

На символику цвета в истории русской нации оказали влияние:

1. Языческая культура;
2. Христианская культура;
3. Государственная символика.

Особо значимые для русской культуры факторы, определяющие лингвокультурную коннотацию основных цветов спектра в русском языке, имеют, с одной стороны, языческие, с другой — христианские корни. В

дохристианский период это представления древних славян об одухотворенных силах природы. Прежде всего о матери-земле, небе-отце и их творении человеке. В эту эпоху основные цвета спектра имели большую информативную и ценностную нагрузку. Отчасти традиционная цветовая символика древних славян сохранилась в православной Руси, претерпев, однако, заметные смысловые приращения. Например, лингвокультурная коннотация красного цвета, наиболее почитаемого в дохристианскую эпоху (красный у древних славян — символ огня, жизни, совершенства; огонь изображался в виде креста, олицетворял солнце и был наделен теми же функциями; это символ здоровья и совершенства, защиты от всего дурного), в христианстве обретает существенную долю отрицательного значения, когда красный становится символом адского огня и низменных страстей. В СССР в красный цвет окрашены все значимые государственные, реликвии, и положительная лингвокультурная составляющая в семантическом объеме цветового слова красный вновь расширяется.

Рассмотрим лингвокультурную коннотацию цветообозначений основных цветов спектра в русском и китайском языках подробно.

2.1 Лингвокультурная коннотация чёрного цвета в русском и китайском языках

Лингвокультурная коннотация определяет дискурсивное значение лексем с архисемой "**чёрный**" то есть слов с корнями **чёрн-** в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке.

Прилагательное **чёрный** в русской культуре — это очень древнее слово. Его этимология уходит в общеиндоевропейские корни [Кузнецов, 1959]. Так, например, корень **-черн** → **-чьриь** (др.-рус.) является родственным **-krsnas** (др.-инд.) и **-kirsnan** (др.-прус.) дословно обозначающие — "**чёрный**". Архисема таких слов в русском языке имеет значение цвета *сажи* и *угля* [Ожегов, 1999].

В китайской культуре используется идеографический принцип письма. Иероглиф 黑 (*хэй*) претерпевал в нем определенные трансформации в написании в процессе развития языка (слева → направо):

Эволюция стилей письма иероглифа 黑 в китайском языке:

а) Стиль 甲骨文 (Цзягувэнь) = (大, 人) — человек + (面) — лицо. Указывает на наличие пятен, в виде *сажи* на лице (Цзягувэнь — гадательные надписи на костях и черепаших панцирях, датированных XIV – XI вв. до н.э.) [新华词典].

б) Стиль 金文 (Цзиньвэнь): — добавляются две точки на лице, ярко выражающие основное значение чёрного как 污点 (*ву диен*) — дословно пятно или грязная точка.

в) Стиль 金文 (Цзиньвэнь): — добавляются пятна не только на лицо, но и тело человека, т.е. все тело испачкано грязью. Это связано в первую очередь с тем, что при розжиге огня древние люди близко подносили к нему свою голову, поэтому их лицо и тело были всегда запачканы *сажей*.

г) Стиль 篆书 (Чжунаньшу): 𠃉 — в данной надписи символ, обозначающий лицо с пятном 𠃉 преобразуется в 𠃉, а сочетание символов 𠃉 𠃉 = 𠃉 преобразуется в 𠃉, утратив форму человека — 大.

Символы в подрисуночной надписи д) и е) соответствуют современной интерпретации иероглифа 𠃉 (*хэй*) в китайском языке.

Итак, в ходе проведенного анализа, следует, что первоначально иероглиф 𠃉 в китайском языке символизировал человека — запачканного *сажей*. В виду того, что современная интерпретация данного иероглифа имеет мало общего с его первоначальным написанием, архисема *чёрный*, в обоих языках одинаковая и имеет значение цвета *сажи* и *угля*.

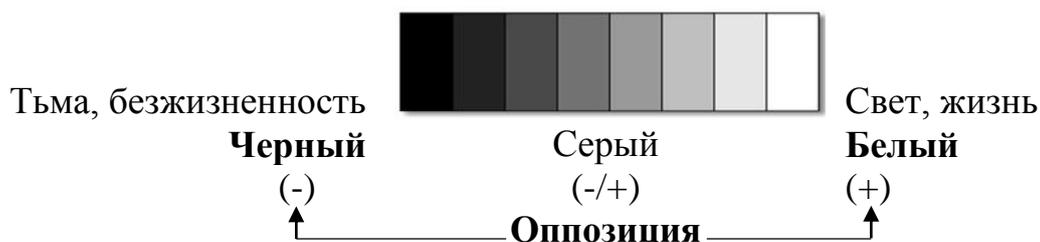
Чёрный, как и белый, по сути, цветом не является, он ахроматичен, то есть лишен цвета. Такая точка зрения рождается из данных научного эксперимента, с помощью которого И. Ньютон разложил солнечный свет на основные цвета радуги, при этом белый цвет определялся совокупностью всех цветов, а *чёрный* цвет считался лишь противоположностью белого цвета. Однако именно как противоположность белому человечество воспринимало *чёрный* ещё за долго до открытия И. Ньютона [Пастуро, 2017: 8-16]. Цвета ахроматической шкалы в цветовой композиции играют очень важную роль, поскольку они сочетаются со всеми спектральными цветами. К черному стремится любой цвет при снижении яркости (например, при уменьшении освещенности до полной темноты). Изначальная оценка *чёрного* во многих культурах была парадоксальной, поскольку, с одной стороны, его считали цветом печали и траура, мрака и зловещей бездны, колдовским и загадочным, но, с другой стороны, — цветом плодородия, богатства. Чёрный цвет считался также деловым, практичным и элегантным [там же].

Согласно китайской философии, нашим миром движет жизненная энергия, которая может принимать различные формы. Правильней будет сказать «5 движущих сил» или «5 стихий»: *металл, дерево, вода, огонь, земля* [Чжуншу, 1990: 56]. Считается, что *чёрный* 𠃉 символизирует север, поэтому

и связывают его с чем-то сокровенным и таинственным. В связи с чем *чёрный* 黑 цвет в китайской культуре имеет не только отрицательное значение, но и положительное. Так, например, лексем, обозначенные иероглифом 黑 (*хэй*), в китайском языке с одной стороны, актуализируются в значениях *почётность* и *суровость*, а с другой — *скупость*, *жадность* и *зло* [Лю Цзюньцзе, 1985: 1-7]. Тем самым *чёрный* цвет в китайской культуре имеет двойственную смысловую направленность.

При актуализации положительных или отрицательных коннотативных значений дискурсивные значения слов с корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке, формируются развитием метафорических и символических значений, которые зачастую характеризуются приращением нецветовых значений. Ассоциаты *чёрного цвета* интерпретируются в определенных когнитивных признаках, несущих прежде всего отрицательные значения.

В христианской символике цвета устанавливается основная оппозиция *чёрного* и *белого* цветов. Белый воспринимается как добро или цвет Христа, а *чёрный* — как зло и является цветом тьмы. В христианской культуре также, как и во многих религиях, говорится о том, что мир изначально был создан из тьмы [Stefano Zuppi, 2012: 136]. В Библии свет веры и христианства часто противопоставлялся *тьме, невежеству* [Демаков, 2016: 112]. Ахроматическое поле цвета, изменяющееся от *белого* (свет), и, по мере уменьшения освещенности, до *чёрного* (тьма) способствовало и формированию лексем с отрицательной лингвокультурной коннотацией:

[Лю, 2019: 43]

Чёрный в христианской символике противопоставлен *белому*. Он поглощает все цвета и свет, символизирует ад — удалённость от Бога. Поэтому в православной иконописи *чёрный* используется крайне редко: в композиции «Распятие» под Голгофским крестом обнажается *чёрная* дыра в которой видна голова Адама — первого согрешившего человека; *чёрным* пишется пещера, из которой выползает змей, поражённый Георгием. В остальных случаях используется тёмно-красный, коричневый, иногда даже и синий. Например, чёрных коней изображали синим, чтобы избежать чёрного.

Однако символика чёрного цвета приобретает совершенно иное звучание в самой церковной жизни. Она является по сути парадоксальной, так как православные, католические и протестантские священники носят чёрные облачения. Чёрный — это цвет монашества. Монашество — это «церковь в церкви» — «соль» нового общества, открывшегося во Христе [Митрополит Иларион]. Вступающий на монашеский путь отрекается от мира и всех земных интересов. Цвет монашеских одежд — *чёрный, цвет траура и смерти* так как монах умирает для мира. Но в данном случае чёрный цвет — это глубокий символ будущих «белых одежд», будущего просветления. Чёрными монашескими одеждами выражается символика предельного унижения и умирания на пути к свету и славе по примеру Христа, спустившегося в ад, чтобы прорубить врата смерти. Чернота должна преобразиться в белое и золотое сияние апокалипсического будущего века [Пастуро, 2017: 8-12].

Близкие к нейтральным прямые дискурсивные значения лексем с архисемой "*чёрный*" — слов с корнями *чёрн-* в русском языке и обозначенных иероглифом (*хэй*) в китайском языке ассоциируются, как было отмечено ранее, с цветом *сажи* и *угля* [Ожегов, 1988]. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

чёрный, как уголь, *чёрный*, как сажа —
в часто встречающихся сочетаниях со словами *вечер*, *туча*, *лицо*, *кожа* и *волосы*. Так, например, в произведениях великих русских писателей А.С.

Пушкина и А.Н. Толстого широко используется лексико-семантический потенциал слов с корнями *чёрн-*:

- «*Волосы его, недавно **чёрные**, как смоль, совершенно поседели*» [Пушкин, 2014: 219];

- «*Не понравился мне, помню, один: взъерошенный весь, ... старик, **чёрный** лицом, как земля, смотрит дико*» [Толстой, 1927].

С другой стороны, *чёрный* цвет наводит людей на мысль о *грязи*, что было использовано М. Горьким в пьесе «Мещане»:

- «*Он — с работы. Лицо у него **чёрное**, закопчённое дымом...*» [Горький, 1975]. Здесь *чёрное* лицо — это грязное лицо. В выражении актуализировано прямое значение прилагательного *чёрный*. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

- *чёрная* печь соответственно печь без дымохода;

- *чёрная* баня и *чёрная* изба, то есть курная баня и изба, которые легко загрязняются дымом.

По преимуществу нецветового характера *чёрный* также актуализируется в значении *нежий*:

- *чёрная* работа — как правило грязная, тяжёлая физическая работа, не требующая особого умения или знаний. Такую работу (*чёрную*) обычно выполняла прислуга. В дореволюционной России низшие слои населения назвались *чёрными*.

Лексемы с корнями *чёрн-* в русском языке и обозначенные иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке актуализируются прежде всего в значении «*тёмный*»:

- «*Костёр был потушен, и лес не казался таким **чёрным**, как прежде...*» [Толстой, 1964].

Выражение *чёрный лес* употребляется здесь в значении *тёмный*. Связано это с тем, что в "*чёрных*" лесах растут исключительно одни дубы, причем очень высокие. А весной появившиеся листья настолько плотно закрывают небо, что ни один лучик не проходит сквозь них, скрывая лес и делая его

темным. Аналогичным образом данная лексема раскрывается и в китайском языке:

- 昏天黑地 (*хунт иен хэй ди*) дословно — беспросветное небо, черная земля или беспросветный мрак [Цыюань, 1915];

- 月黑风高 (*юэ хэй фон гао*) дословно — черная ночь с сильным ветром, штормовая погода (об опасной обстановке или ситуации) [Цыхай, 1936-2009].

Отрицательная лингвокультурная коннотация

Переносные дискурсивные метафорические и символические значения лексем с корнем *чёрн-* в русском языке актуализируются в выражениях со словами *печаль, грусть, горе*, а также ассоциируется со смертью. В китайской лингвокультуре истоки формирования отношения людей к *чёрному* цвету восходят к Буддизму — официальной государственной религии Китая [Турбина, 2016: 20-23]. Буддизм занимал особое место во время правления династии Тан 唐朝, которая определила *чёрный 黑* цвет — как символ зла [刘钧杰, 1958: 1-7]. Данная лексема в обоих языках актуализируется в выражениях со словами *опустошение, печаль и несчастье* [Конзе, 2003]:

- 背黑锅 (*бэй хэй гоу*) дословно — нести на спине *чёрный* котёл (отдуться за чужую вину или нести ответственность за чужие проступки) [新华字典, 2004];

В русском языке:

- *чёрные* мысли — грустные, негативные мысли;

- *чёрная* судьба — горькая, несчастная судьба;

- *чёрное* время — тяжёлое время, связанное с трудностями и невзгодами;

- *чёрные* страницы истории — тяжелое время, видеть только *чёрные* стороны жизни;

- в *чёрном* расположении духа — о сильно расстроенном человеке;

- *чёрный* день — трудный день.

В художественной литературе широко используется лексико-семантический потенциал слов с корнями *чёрн-*, определяющих

отрицательную лингвокультурную коннотацию. Например, А. Блок изображает внутренний мир человека, используя слово *чёрный*:

- *«На дне твоей души, безрадостной и чёрной, Безверие и грусть...»* [Блок, 1914].

Аналогичным образом и в китайском языке прилагательное *чёрный* 黑 актуализируется в значениях: *злой, корыстный, алчный*, что возможно проследить в наиболее часто употребляемом фразеологизме:

- 黑心肠 (*хэй син чшан*) дословно — чёрное сердце (алчная, корыстная душа).

С отрицательной коннотацией *злостный* и *коварный* прилагательное *чёрный* актуализируется в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского:

- *«Настасья Филипповна будто бы в высшей степени знает, что Ганя женится только на деньгах, что у Гани душа чёрная, алчная...»* [Достоевский, 1988]. Говоря о «чёрной душе» подразумевают человека алчного, криводушного. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

- *чёрный* год — неблагоприятный год;
- *чёрное* слово — бранное слово;
- *чёрная* зависть — осознанно желаешь человеку чего-то плохого (часто, не только желаешь, но и делаешь ему зло — из зависти);
- *чёрная* неблагодарность — причинение в разных формах зла, отсутствие признательного «спасибо».

Отрицательную коннотацию лексем, раскрываемую в значениях *горе, траур* прилагательное *чёрный* актуализирует в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохов:

- *«Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой чёрное небо и ослепительно сияющий чёрный диск солнца»* [Шолохов, 2007: 768].

Так описывается картина, в которой Герой романа Григорий Мелехов, потеряв Аксинью навсегда, в горе сидит над свежей могилой. *Чёрный* здесь не

столько цвет, а сколько символ горя и смерти. Не случайно во многих культурах, в том числе и в русской, *чёрный* цвет — это цвет траура, и цвет скорби по ушедшим.

Переносные дискурсивные значения лексем с корнем *чёрн-* в русском языке ассоциируются с мифическими персонажами, например, *чёртом*, *колдуном* и *бабой-ягой* [Костомаров, 1988]. В древности на Руси суеверно полагали, что чёрт, колдун и баба-яга могут превращаться в *чёрную* кошку [Забылин, 2014: 95]. Издавна известно, что не следует отправляться в дальнюю дорогу если вам на пути встретилась черная кошка. А.С. Пушкин по дороге к собранию декабристов, увидев чёрную кошку, вернулся обратно, что и спасло ему жизнь, т.к. остальных представителей данного собрания арестовали на месте, а некоторых казнили. Согласно старинным народным приметам, чёрная кошка, пробежавшая между двумя людьми, вызывает между ними размолвку и ссору. По этому поводу в русском языке есть поговорка:

- «*Вороних лошадей (сплошной чёрной масти) для жениха и невесты не запрягают — плохая примета*» [Лаврентьева, 2006: 29].

Анализируя русские традиции, можно выделить, что представители русской культуры настороженно относятся к пятнице, выпадающей при этом на тринадцатое число. Такую пятницу русские называют *чёрной* [Костомаров, 1988]. Связано это с тем, что в средние века у россиян в суеверных представлениях *чёрный* имел значение *колдовской, чародейский* и был связан с *нечистой силой* [Короткова, 2002]:

- *чёрная* сила – нечистая сила;
- *чёрная* книга – колдовская книга;
- *чёрная* магия – волшебство, чародейство, нечистая сила.

Однако в китайской лингвокультуре символики мистицизма и её связи с чёрным цветом не прослеживается.

Тем не менее, в процессе социального развития лексема, обозначенная иероглифом 黑 (*хэй*), символизировала различные негативные понятия и значения в том числе *нечестный* и *безобразие*. Например, в древнем Китае

одной из пяти попыток было клеймение лица, которое оставалось до конца человеческой жизни:

- 抹黑 (мо хэй) — имеет смысл "мазать грязью" (клеймение лица).

Дискурсивное значение лексем прилагательного *чёрный* в русском и китайском языках довольно-таки часто употребляется в значениях *незаконный* и *закрытый*:

- *чёрный рынок* и 黑市 (хэй ши) — незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля;

- 黑钱 (хэй чиэн) — чёрные деньги, нажитые незаконным путем (взятка);

- 洗黑钱 (си хэй чиэн) — отмывание чёрных денег;

- *чёрная биржа* — неофициальная, спекулянтская биржа;

- *чёрные списки* — это тайно составленные списки неугодных властям лиц для расправы над ними;

- *чёрный нал* — это значит уход от налогов и неуплата налога;

- *чёрная воронок* — машина, сопровождающая арестанта под конвоем [Ожегов, 1988; Осипов, 2003].

- 黑社会 (хэй шыа хуэй) — чёрное общество (общество, связанное с преступлениями и криминалом, общество бандитов).

- 黑话 (хэй хуа) — чёрная речь (язык для общения между преступниками)

- 黑户 (хэй ху) — чёрный гражданин (проживающий без регистрации)

- *с чёрного хода* — действовать в обход законных путей. Или, когда говорят о входе в помещение, то слово «чёрный» актуализируется в значениях *не главный, не парадный*:

- «Она встретила меня на кухне; я ведь почти всегда к ней хожу через **чёрный** вход...» [Достоевский, 1965];

- «Парадный подъезд был закрыт. Ленька поднялся по **чёрной** лестнице и позвонил...» [Пантелеев, 1970].

В словосочетании *чёрный строй* также следует отметить коннотативное значение *контрреволюционный, крайне реакционный*, поскольку во время

культурной революции в Китае термин *чёрный* 黑 также символизировал *восстание*. В этот период времени появляется большое количество слов с иероглифом 黑:

- 黑五类 (*хэй ву лэй*) дословно — чёрная пятерка, или пять черных категорий, дискредитировавших слои населения, к которым относились: *помещики* (地主), *кулаки* (富农), *контрреволюционеры* (反革命分子), *преступники* (坏分子), *правые* (右派分子), в том числе их сыновья и дочери. Они подвергались дискриминации во всех областях гражданских свобод, социального обеспечения, обучения и принятия на работу. После проведенных реформ Китай полностью отверг Культурную революцию, а символика *чёрной пятерки* 黑五类 больше не использовалась.

В китайском языке лексема *чёрный* 黑 актуализируется в значениях *плохое влияние* или *плохой*, и также может выступать в оппозиции к другому цвету. Лексико-семантический потенциал лексем, обозначенных иероглифом 黑(*хэй*), широко используется в китайском народном творчестве, в частности в пословицах:

- 近朱者赤 (*цзин джу джыа чшы*) , 近墨者黑 (*цзин мо джыа хэй*) — ближе к "киновари" (красная краска) становится красным, ближе к туши становится *чёрным* (с кем поведёшься, от того и наберёшься — от пчёлки медку, от жучка навозцу) [汉语大词典, 1993],

- 天下乌鸦一般黑 (*тиен ся вужа и бэн хэй*) дословно — все вороны в мире одинаково *черны*.

- 黑白不分 (*хэй бай бу фэн*)» — не отличать *чёрного* от белого (не может различать хороший и плохой);

- 颠倒黑白 (*диен дао хэй бай*) — называть белое *чёрным* или принимать белое за *чёрное* (передергивать факты) [中文大辭典, 1968].

В дореволюционной России голосование при выборах предводителя дворянства осуществлялось не при помощи бюллетеней, а при помощи *чёрных*

и белых шаров [Оксман, 1979: 23], которые опускались в урну. Белый шар — это голос «за», а *чёрный* (иначе вороной) — это голос «против». Поэтому «чёрный шар» (вороной шар) — это избирательный шар, означающий голос «против». Этот факт можно отметить в письме А.П. Чехова к Л. А. Авилловой, в котором встречается фраза:

- «Я человек не серьёзный, как Вам известно, меня едва даже не забаллотировали в Союзе писателей, и Вы сами положили мне **чёрный шар**» [Чехов, 1898]. Если все шары во время выборов оказывались чёрными, то в этом случае говорили «прокатить на вороных», что обозначало «провалить выборы». В современном русском языке:

- *кинуть чёрный шар* — значит проголосовать против.

Итак, перечисленные значения определили **отрицательную** лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица №2

**Отрицательная лингвокультурная коннотация чёрного цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Тьма	+	+
2.	Злость	+	+
3.	Грусть, печаль	+	+
4.	Несчастный, хмурый	+	+
5.	Незаконный	+	+
6.	Завистливый	+	+
7.	Суровый	+	+
8.	Алчный, жадный	+	+

9.	Беспросветный (мрак)	+	+
10.	Преступный	+	+
11.	Плохой	+	+
12.	Передергивать факты (не отличить черного от белого)	+	+
Различия			
13.	Непарадный	+	-
14.	Нечестный	-	+
15.	Расстроенный	+	-
16.	Тяжелый (в знач. тяжелое время)	+	-
17.	Безобразный	-	+
18.	Мазать грязью (клеймение лица)	-	+
19.	Траурный	+	-
20.	Мифический (персонаж)	+	-
21.	Колдовской, чародейский	+	-
22.	Дискриминированный	-	+
23.	Восстание	-	+
24.	Неблагодарный	+	-
25.	Проигрышный (вороной шар)	+	-
26.	Низшие (слои населения)	+	-
27.	Нечистая сила (магия)	+	-
28.	Закрытый	-	+
29.	Криводушный	+	-

Положительная лингвокультурная коннотация

Прилагательное *чёрный* имеет не только отрицательные значения. Известно, что православные священнослужители делятся на два рода: белое духовенство и *чёрное* духовенство. Первым можно вступать в брак, при этом не требуется строго отстаивать религиозные предписания, а вторым — *чёрное* духовенство, нельзя, так как они дают обет безбрачия на всю жизнь и

обязательно чтут, и отстаивают религиозные предписания. В данном случае лексема с корнем *чёрн-* актуализируется в значении *строгий*.

Высокий статус *чёрного* в европейской культуре закрепляется также благодаря технологическому достижению — изобретению книгопечатания [McDermott, 2006: 5]. Чёрно-белая печать превратилась в своеобразный эстетический эталон и способствовала развитию явления, которое называлось *чёрно-белое* воображение. Связано это было с тем, что изображения передавались *чёрным* цветом либо его оттенками, а всё остальное оставалось на воображение читателю.

В современном обществе, с развитием науки и техники *чёрный* всё больше проникает во все отрасли экономики. Так, например, продукты сегодняшних технологий сосредотачиваются, как правило, исключительно на использовании *чёрного*: телевизоры, аудиосистемы, видео камеры, различного вида инструменты, в основе которых используется *чёрный* . Дизайнеры при создании новой идеи, будь то одежда, или жилое помещение, активно используют *чёрный* цвет, так как он символизирует «*благородство*» и «*торжество*» [现代汉语词典, 2009].

Чёрный мундир и *чёрный* смокинг — одежда для особых случаев. *Чёрный* рояль традиционно символизируют высокий класс. Писателем и сценаристом Г.Ф. Шпаликовым в песне «Громко лаяли собаки...», написанной в 1958 г. рояль сопоставляется со словом *элегантный*:

- «Громко лаяли собаки в затуманенную даль...Я пришел к тебе во фраке, *элегантный*, как рояль...». Классический фрак по сегодняшний день остаётся традиционно *чёрного* цвета.

Ранее уже упоминалось о том, что в древнем Китае, люди определяли четыре стороны света в четырёх цветах, и *чёрный* цвет является символом севера, представителем воды, одним из пяти стихий. Аналогичным образом данная лексема раскрывается и в русском языке. Так, например, особое значение *чёрный* цвет имел у восточных славян и ассоциировался с севером.

Чернигов (*Чёрная Русь*), располагался к северу от Киева — центра Киевской Руси и имел стратегически важное значение [Вернадский, 1943]. В то время у *чёрного* цвета не было ни положительного ни отрицательного значения.

С развитием китайской культуры и цивилизации *чёрный* 黑 цвет стал употребляется в значениях: *благородный, серьёзный и уважаемый*. Например, основатель династии Цинь 秦朝 (цинь чао) считал, что вода играет важную роль в пяти стихиях, поэтому в эпоху циньской династии представители высших сословий стремились носить одежду исключительно *чёрного цвета* [Переломов, 1962]. А вот во время династии Западная Хань весь год носили исключительно *чёрную* одежду, при этом разграничений между сословиями уже не было.

Также *чёрный* стал употребляться в значениях *лицеприятный и честный*. Например, как отмечалось ранее, в национальной традиционной культуре Китая — пекинской музыкальной драме, актёр с *чёрным* гримом играл героя — человека честного и лицеприятного. Например: *Бао Чжэн, Гуань Юй, Чжан Фэй, Ли Куй* (包拯, 关羽, 张飞, 李逵).

В русском языке ярким примером символического значения прилагательного *чёрный* является Георгиевская лента, сочетающая в себе *чёрный* и желтые (оранжевые) цвета. В книге «Государственные символы России. Герб, флаг, гимн» отмечается:

- «Сочетание *чёрного и жёлтого (оранжевого) цветов стало, по сути, знаком для русской армии. Именно такой была лента ордена Святого Георгия. Чёрный и золотой цвета символизировали порох и огонь...*» [Пчелов, 2002: 126]. В России носить Георгиевскую ленту является знаком патриотизма. В настоящее время георгиевская лента является символом победы над фашисткой Германией.

Прилагательное *чёрный* в китайском и русском языках актуализируются в значениях *плодородный и здоровый*:

- 黑土地 (*хэй ту ди*)» дословно — *чёрная почва / чернозём*.

Когда китайцы говорят о *чёрной* земле, то часто подразумевают поля с густо-зелёной пшеницей, золотистой соей и белым рисом. По отношению к человеку данная фраза обретает значения: *смуглая кожа, блестящие черные волосы*, что характеризует здорового и красивого человека.

Итак, перечисленные значения определили *положительную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом (*хэй*) в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица №3

**Положительная лингвокультурная коннотация чёрного цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Связанный с севером (направление)	+	+
2.	Плодородный (чернозем)	+	+
3.	Элегантный	+	+
4.	Строгий	+	+
Различия			
5.	Символизирует порох	+	-
6.	Религиозный (духовенство)	+	-
7.	Здравый	-	+
8.	Торжественный, благородный, уважаемый	-	+
9.	Высший (сословие)	-	+
10.	Честный, лицеприятный	-	+
11.	Почётный	-	+

Таким образом, объем понятия, символическое и метафорическое значение слов с корнями **черн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) в китайском языке, отражает не только особенности физического воздействия этого цвета на органы чувств человека, но и многовековую историю русского и китайского народов, их культурные ценности и развитие философского мировоззрения, эстетических идеалов.

Прилагательное *чёрный* в русской культуре является древним словом, этимология которого уходит в общеиндоевропейские корни. В связи с тем, что в китайской культуре используется идеографический принцип письма иероглиф 黑 (*хэй*) претерпевал определенные трансформации. Тем не менее, в ходе проведенного исследования было установлено, что архисема *чёрный*, в обоих языках одинаковая и имеет значение цвета *сажи* и *угля*.

В лингвокультурах обоих языков речевые значения лексем с корнем **черн-*, и обозначенных иероглифом 黑 (*хэй*) определяются этимологией и несут в себе преимущественно отрицательную лингвокультурную коннотацию. Причем в общем объеме понятий каждого языка отрицательная лингвокультурная коннотация преобладает в русском. Положительные значения: *высший*, *торжественный*, *почетный*, *здравый* и *честный* присущи исключительно китайскому языку, в котором *чёрный* имел национальную ценность на государственном уровне. С другой стороны, в русской культуре значение *чёрный* как *религиозный* — подчеркивает национальное своеобразие, выраженное, в частности, в духовном веровании.

Отрицательные значения: *дискриминированный*, *закрытый*, *безобразный* обусловлены культурным своеобразием китайского народа, в частности, — культурой проведения пыток и наказаний (штраф или тюрьма, в древнем Китае наказанием не считались). Подобных дискурсивных значений в русском языке не встречается. Аналогичную параллель можно провести и для значения *мистический* — в русском языке (символики мистицизма чёрного цвета в китайском языке нет).

При анализе лингвокультурной коннотации лексем с корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом $\frac{黑}{黑}$ (*хэй*) в китайском языке, осуществлено ранжирование значений по сходству и различию, а также по положительному и отрицательному признаку (данные значения приведены в таблицах №№ 2, 3). Результаты исследования представлены в виде круговых диаграмм на следующем рисунке.

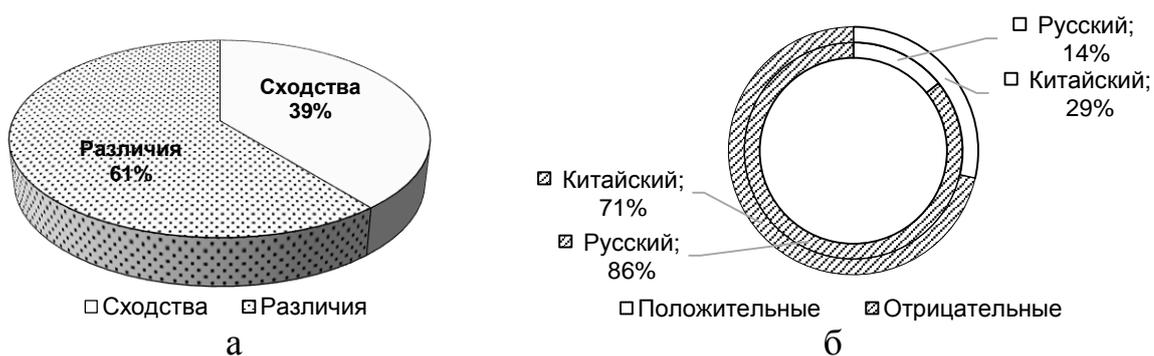

Рис.2 – Результаты анализа лингвокультурных коннотаций *чёрного* цвета в русском и китайском языках:

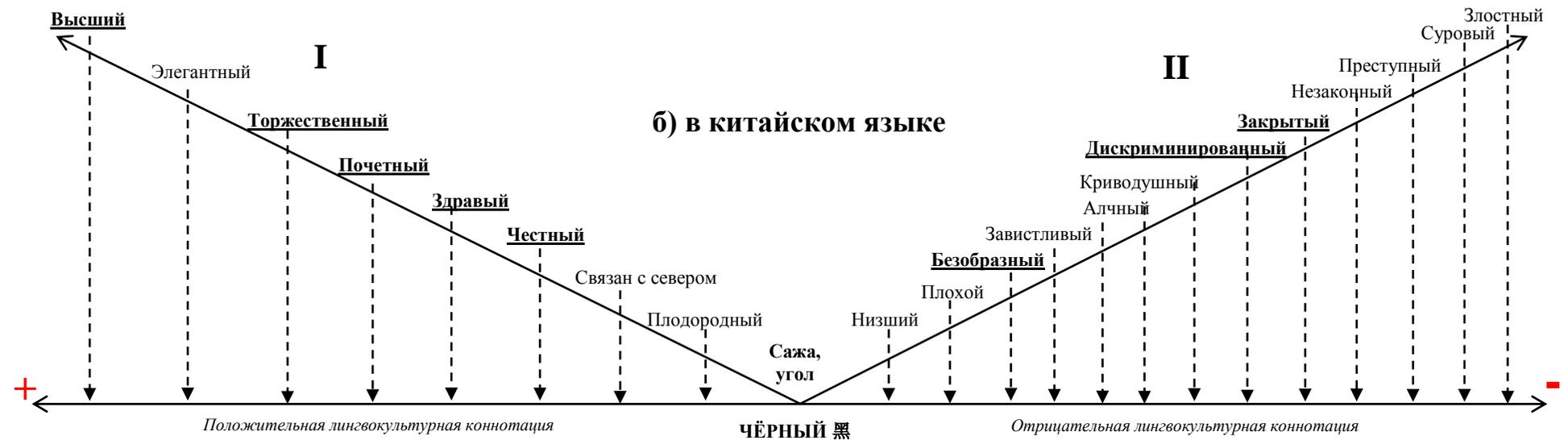
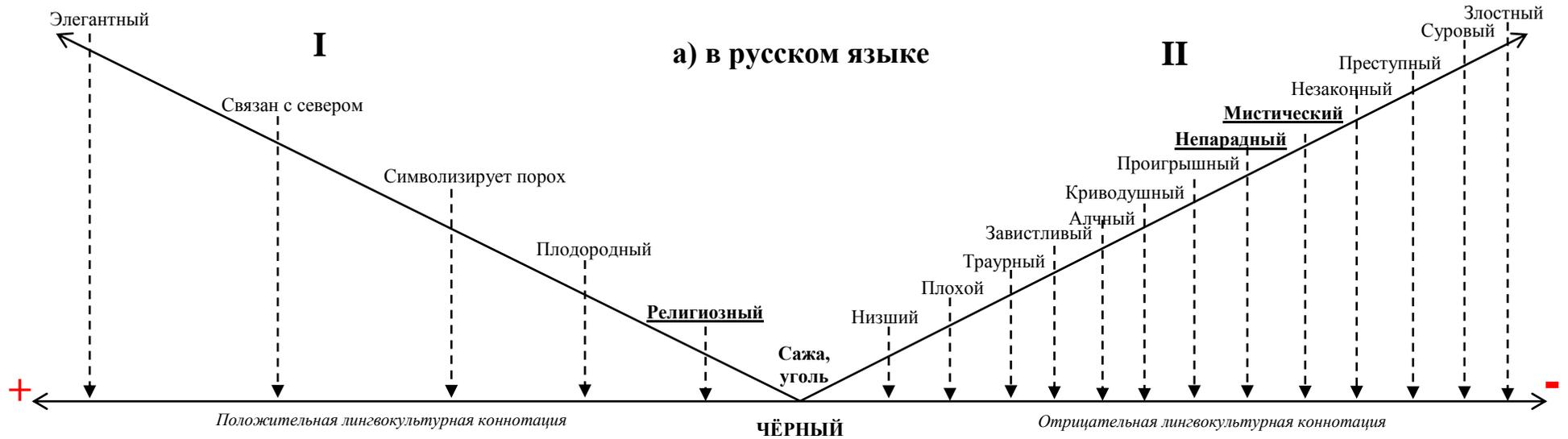
а – сходства / различия; б – положительные / отрицательные

[Лю, 2019: 51]

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что лингвокультурная коннотация слов с корнями *чёрн-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом $\frac{黑}{黑}$ (*хэй*) имеет больше различий чем сходств.

Формирование положительных и отрицательных значений можно показать также с помощью векторного анализа. На участках векторов *чёрный* → (+) и *чёрный* → (-) вертикальными сечениями показано расширение возможностей *положительной* и *отрицательной* лингвокультурной коннотации *чёрного* цвета при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений в русском и китайском языках. На участке I тензора показано расширение возможностей *положительной* лингвокультурной коннотации *чёрного* цвета в русском и китайском языках, а на участке II — *отрицательной*.

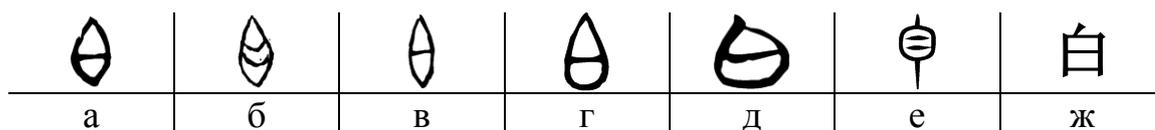
Расширение возможностей положительной и отрицательной лингвокультурной коннотации **чёрного цвета** при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений:

2.2 Лингвокультурная коннотация белого цвета в русском и китайском языках

Лингвокультурная коннотация определяет дискурсивное значение лексем с архисемой "белый" то есть слов с корнями *бел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 白 (*бай*) в китайском языке.

Этимология лексемы *белый* восходит к индоевропейскому корню **bhel-* первоначально обозначающего *сиять, блестеть* [Успенский, 2003] и впоследствии определившего происхождение общеславянского корня **belъ-* (*белый*) и древнерусского **бълый-* и **бълъ-* от которых и произошли слова *белеть, белить, белизна, белила* [Семёнов, 2003]. В китайской культуре иероглиф 白 (*бай*) претерпевал определенные трансформации в процессе развития нации (слева → направо):

Эволюция стилей письма иероглифа 白 в китайском языке:

Следовало бы отметить, что в отличие от 黑 (чёрный) лексема 白 (белый) на каждом этапе своего развития претерпевала незначительные изменения, каждая надпись символизировала образ пересечения *двух языков*. Смысл, приведенных на рисунках (а, б, в ... ж) надписей раскрывается в выражении, суть которого в следующем:

费尽口舌, 极力说明 (фэй тин коу шыа ти ли шо мин)		
费尽口舌 (фэй тин коу шыа)	极力 (ти ли)	说明 (шо мин)
1) пустить в ход всё красноречие, исчерпать всё красноречие; 2) говорить до изнеможения	1) изо всех сил; 2) всячески, настойчиво	1) объяснить, охарактеризовать, пояснить; комментировать

		2) описывать, свидетельствовать, показывать; демонстрировать 3) экспликация, легенда; мат. объяснение 4) покаяние 5) объяснение, инструкция; объяснительная записка; объяснительный; описательный
--	--	--

[<https://bkrs.info/slovo.php?ch=费尽口舌, 极力说明>]

Таким образом, выражение 费尽口舌, 极力说明, раскрывающее суть лексемы 白, определяется следующим образом:

- задействовать всё своё красноречие на объяснение чего-либо;
- добраться до истины;
- прояснить сказанное;
- донести суть сказанного;
- всё ясно и понятно;
- выяснить всё до чиста.

Следовательно, в русском языке лексемы с корнем *-бел* символизируют белизну, чистоту — *какого-либо объекта (предмета)*, а в китайском языке лексема 白 подразумевает *чистоту речи* — смысл сказанного (ясность, понятность).

Белый, как и чёрный, по сути цветом не является, он ахроматичен — т.е. лишен цвета. Ранее отмечалось, что цвета *белый* и *чёрный* являются

первоосновой цветообозначения. Однако, в отличие от чёрного, который поглащает все цвета, *белый* цвет по своей природе является первоосновой всех цветов, о чем свидетельствует открытие, сделанное в 1672 г. Исааком Ньютоном и известное как разложение белого света в спектр (см. с 60 наст. дис.). С другой стороны, цвета *белый* и черный нужно рассматривать как две равноудаленные основы, которые формируют в себе единство одного целого. Такая точка зрения имеет место быть благодаря философии даосизма, которая, определяется равновесием противоположных сил *инь* и *ян*. Это даосская концепция божественности — первоосновы, породившей Вселенную и все живое [Тун Син, 2004: 74].

В символе Тайцзи черный сегмент это *инь*, который содержит в себе белую точку, символизирующую *ян*, а белый сегмент *ян* включает в себя маленькую черную точку *инь*. Так символически отображается мысль о том, что каждое из этих двух начал содержит в себе потенцию другого, то есть *инь* и *ян* не могут существовать отдельно друг от друга. Причем две противоположности формируют взаимопроникновения двух противоборствующих сил, положительного и отрицательного [там же, 75]. Следовательно, философия даосизма раскрывает сущность *белого* как положительного начала.

Рассмотрим *белый* в русском языке. Наиболее полно лексемы с корнем *бел-* раскрыты в «Большом толковом словаре русского языка» [1998], что объясняется в первую очередь развитием русского языка, его обогащением новыми понятиями, которые находят свое отражение в конкретной лексической единице:

- *белый* — это цвет снега, молока, мела; лишённый интенсивности, дополнительной окраски или необычайно яркий, слепящий; это нейтральный цвет, который хорошо контрастирует со всеми цветами; это цвет чистоты, добра и всего самого светлого на земле. С этим цветом ассоциируются, как правило, только положительные явления [Семёнов, 2003].

В толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля отмечается следующее:

- *белый*, о цвете, масти, краске: *бесцветный, противный черному*;
- в сравнительном смысле: *светлый, бледный* (белое вино, лицо, хлеб);
- *чистый, незамаренный, незапятнанный* (белый платок, рубашка, белая бумага, белый пол);
- *стар. белый или обельный, свободный от подати* (например: *белая земля, белое место* — доньше называется земля церковная; *белые крестьяне* — свободные от всех податей и повинностей).

Итак, в приведенных словарных статьях мы наблюдаем, что с одной стороны **белый** — это *яркий*, один из самых чистых цветов, но с другой стороны, *яркому* противопоставляется *бледный*. Следовательно, символика *белого* цвета двойственна и парадоксальна. Так, например, В.В. Кандинский, рассуждая о *белом* цвете, отмечал:

- «*белый цвет воздействует на нашу психику как великое безмолвие. Это безмолвие не мертво, оно полно возможностей...*

... *белый цвет звучит, как молчание, которое может быть внезапно понято*» [Кандинский, 1992: 68].

Двойственность и парадоксальность *белого* обусловлены тем, что дискурсивные значения лексем с корнями *бел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом *白* (*бай*) в китайском языке формируются приращением метафорических и символических значений зачастую по преимуществу нецветового характера.

Так, например, *белый* — это цвет востока или запада, то есть тех крайних точек, в которых каждодневно "рождается" или "умирает" солнце [Пастуро, 2006]. Следовательно, в том и ином случае белый цвет обозначает *переход*. Если говорить про западный **белый** → **тусклый** (приглушенный) — то это цвет *увядания, смерти*. В свою очередь восточный **белый** → **яркий** (насыщенный) — это цвет *рассвета, возрождения*. Следовательно, символика *белого* цвета выражает начало и конец дневного повседневного мира. При этом

смерть, как завершение жизни, есть переход — то есть соединение видимого и невидимого нам мира, иными словами — нового начала [там же]. В истории китайской культуры с древних времен и по сегодняшний день сохраняется страх и отчасти презрение к белому 白 цвету. Это объясняется двумя основными причинами:

- *во-первых*, это влияние китайского мировоззрения, в основе которого лежит учение о пяти элементах [Бань Гу, 1990], где белый 白 символизирует 金 металл и соответствует западу или закату. Как отмечалось ранее, на закате "умирает" солнце, гнездятся птицы, наступает тьма, что вызывает страх и тревогу. Поэтому белый — как символ запада, (заката) в китайской культуре ассоциируется с таинственностью, тревогой и смертью [Карапетьянц, 1991];

- *во-вторых*, в китайской культуре лексемы, обозначенные иероглифом 白(бай), актуализируются в значении цвета грусти и траура. Белые цветы, белая обувь и белая одежда являются неотъемлемым атрибутом траурной церемонии:

- *«На главных воротах вывесили банты из белой ткани, а новые параллельные надписи в зале заклеили белой бумагой...»*

... В доме Фаня собралась вся городская знать, чтобы выразить ему своё соболезнование» [У Цзинь-цзы, 1959: 64].

В знак соболезнования к близким и уважения к умершему родственники и друзья носят черные повязки на рукавах, но белый является символом утраты и опустошения. К примеру, смерть императора, обязывала жителей страны нести траур за белым столом — 白色的桌子 (бай сыа да джуо дзы), во время траурной церемонии возлагать белые бумажные цветы — 白色的花 (бай сыа да хуа) — символ памяти по ушедшим, и сама траурная церемония проходила в белом зале — 白色的房间 (бай сыа да фан диен). Причем одежда должна быть из тонкой ткани, а на голове только белая повязка [У Цзинь-цзы, 1959: 84].

актуализируются в значении *чистота* и *нежность*, а также символизирует *день и солнечный свет* [Лаенко, 1998: 135].

В старославянском мире всевысших божеств подразделяли на *Белобога* и *Чернобога*. Белобог являлся богом удачи и счастья, а Чернобог — богом зла. В древнерусском языке белый цвет связан со светом и сопоставляется с *радостью, истиной* и *счастьем*. Например, *свет счастья, свет истины* [Гаврилов, 2002: 281]. В связи с этим в христианской культуре *белый* цвет символизирует чистую мораль, и всегда обозначает *невинность души, чистоту* и *святость жизни*. *Лилия* и *ландыш* (первые майские белые цветки) являются воплощением *невинности* и *чистоты* [Комаров, 1941]. С другой стороны, *белый* парик на голове судьи говорит о его *беспристрастности* [там же], т.е. о чистых помыслах, без предвзятости.

Образы ангела и святых предстают перед нами, как правило, в *белом* одеянии, при этом образ черта и прочей нечистой силы предстают в *чёрном*, выступающим в оппозиции к *белому* (см. с 66 наст. дис.). Так, например, в поэме «Двенадцать» А. Блок лексему *белый* актуализирует в символическом значении образа Иисуса Христа:

*«Так идут державным шагом,
Позади — голодный пёс,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз-
Впереди — Иисус Христос».*

До конца XV века абсолютное большинство упоминаний о *Белой Руси* относятся к территории Великого Новгорода (Западная Европа) [Злыднева, 2002]. Тем самым *белый* — символизирует запад (направление). Однако, если для китайской культуры запад (закат) ассоциируется с *таинственностью*,

тревогой и *смертью*, то для русской культуры *белый* — как символ запада, раскрывается исключительно в позитивном образе. Кроме того, важность *белого* цвета в русской культуре подчеркивается и государственным флагом, в котором *белый*, является одним из трех цветов символизирующего *благородство* и *долг*. Это, по сути, цвет *нравственной чистоты*, цвет *христианской веры*, цвет *вечности* [Пчелов, 2002: 101].

Положительная лингвокультурная коннотация

Переносные дискурсивные метафорические и символические значения лексем с корнем *бел-* в русском языке и обозначенной иероглифом 白 (*бай*) в китайском языке, актуализируются в значениях *свободный*, *благородный*:

- *белая Русь, белые крестьяне* — согласно словарю Даля, это свободная Русь, свободные от всех податей и повинностей крестьяне [Белы, 2005: 307];

- *белый билет* — жаргонное название справки, дающей освобождение от призыва в армию [Злыднева, 2002];

- *белая кость* — человек знатного происхождения. В 14-15-ом веках только супруги великих князей могли надевать белую одежду при проведении культовых церемоний и ритуалов. Следует отметить, что истоки формирования выражения *белая кость* восходят к тюркскому «*Аксюек*», «*Ак*» — *белый*, «*сюек*» — *кость*. Так по-тюркски называли высшую знать.

В китайском языке:

- 白璧无瑕 (*бай би у сиа*) дословно — на *белой* яшме ни малейшего изъяна, подчёркивается совершенство людей или вещей.

- 清白 (*чин бай*) дословно — *чистота* и *белое*, в данном случае лексема актуализируется в значениях *непорочный*, *порядочный*.

Лексико-семантический потенциал лексем с корнями *бел-* широко используется и в русском народном творчестве, в частности в пословицах:

- «*Рубаха черна, да совесть бела*»;

- «*Бело* твоё платье, а душа ещё *белей!*» [Снегирев, 2014];

- *Белый лист* — с самого начала, начать с "нуля" (по-новому).

Аналогично данная лексема актуализируется и в китайском языке:

- *白卷* (*бай джиан*) дословно — белый лист (с чистого листа);

- *白手起家* (*бай шоу чжи тиа*) дословно — белыми руками начать дело, создать благополучие собственным трудом, добиться чего-то с "нуля".

Лексема *белый* в каждом из рассматриваемых языков актуализируется в выражениях раскрывающих *красивый* образ. Например, в древнерусской культуре *белый* и *красота* сопоставлялись как синонимы: *белое* лицо, *белые* руки, *белое* тело и т.п. Считалось, что нет ничего более красивого, чем *белые* облака, *белый* лебедь, и *белые* цветы [Гребельский, 1993]. В китайском языке описание красивого образа актуализируется в выражении:

- *唇红齿白* (*чшун хун чшы бай*) дословно — губы *красные* и зубы *белые*.

При этом оба цвета выступают не в оппозиции, а в дополнении к образу.

Следует отметить, что в китайской культуре человек с *белой* кожей является эталоном красоты в Китае:

- «*Женским идеалом, во времена династии Хань, выступала почти неземная белая кожа*» [叶军, 2000: 44-48];

- «*Хотя личико у вас, государевой любимицы, и белое, но коже недостает аромата, поэтому пудра будет вам очень полезна. Если долго ее втирать, то лицо станет подобно белой яшме...*» [Ли Жу-чжень, 1953: 292];

- «*Яркие губы, тонкие брови и ясные глаза выделялись на его нежном белом лице*» [Ли Жу-чжень, 1953: 292].

А *белые* и большие уши считались признаком благородства [У Цзинь-цзы, 1953: 138].

Цвет кожи напрямую был связан с социальным классом и указывал на происхождение человека. Так, например, если кожа темная, то, скорее всего, человек работает в полях, а это значит — человек беден. У женщины всегда должна быть красивая кожа, иначе будут принимать её за крестьянку. Общество, которое гонится за богатством и статусом, не хочет выглядеть как бедные, работающие на улице и занятые ручным трудом люди.

Лексико-семантический потенциал лексем с корнем *бел-*, имеющих подобные дискурсивные значения раскрывается в китайской поэзии:

*На зависть красавицам, платье с цветами,
Огнями сверкают узоры на нем;
Редка меж красавиц подобная внешность, —
Как холм благовоний, граненый нефрит;
Затмила красавиц изящной осанкой, —
Так мчится дракон, словно феникс парит.
Что может сравниться с ее белизною?
Под снегом цветущая слива весной.
Что может сравниться с ее чистотою?
Под инеем лотос осенней порой.*

[Цао Сюэ-цин, 1958: 82]

В данном случае лексема с корнем *бел-* (*белизна*) актуализируется в значении *чистота*, *женственность*, и сопоставляется с цветком лотоса, который, в свою очередь, считается на Востоке символом совершенной красоты. Ему посвящено множество стихов. Встречаются также и упоминания лотоса в стихотворениях на другие темы. Очень часто лотос фигурирует в китайской живописи (我国传统的绘画), что повлияло на формирование семантики лексем, обозначенных иероглифом 白 (*бай*). Так, например, в настоящее время социальный статус, а также приверженность к профессии, имеющей высокую социальную значимость в китайской культуре (аналогично и в русской), актуализируются в выражениях:

- 白领 (*бай лин*) дословно — белые воротнички, работники умственного и интеллектуального труда, имеющие высшее образование;
- 白衣天使 (*бай и тиен шыя*) дословно — ангелы в белой одежде (врачи, медперсонал).

Лексема *белый* также актуализируется в значениях, раскрываемых образы пожилых людей:

- 白发苍苍, 白发苍颜 (*бай фан цан цан, бай фан цан ен*) дословно — **белые** волосы, **тусклое** лицо. Описывается образ старика. При этом в китайском языке **белый** выступает в оппозиции к жёлтому цвету:

- 白叟黄童 (*бай соу хон тон*) дословно — **белый** старик и **желтый** ребенок (старость и молодость);

- 一个白发苍苍的老人 (*и гэ бай фа цан цан да лао жэн*) дословно — седовласый старик;

- 白头偕老 (*бай тоу си лоу*) дословно — белыми волосами до старости, счастливое супружество до глубокой старости;

Лексема **белый** в русском и китайском языках по преимуществу нецветового характера актуализируется в значениях **законный, честный, внятный, тщательный**. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

- «**белый** доход» — это значит **законный, честный** доход. Аналогичным образом данная лексема раскрывается в выражениях «**белый** бизнес», «**белая** работа», «**белые** деньги» и «**белый** нал». В данной категории лексема **белый** выступает в оппозиции к **чёрному**: «**чёрный** доход», «**чёрный** нал» и др. (см. с. 67 наст. дис.):

- 黑白不分, 颠倒黑白 (*хэй бай бу фэн, диэн дао хэй бай*) дословно — назвать **белое** **чёрным** — не отличать хорошее от плохого;

- 白皮书 (*бай пи шу*) дословно — **белая** книга или официальный (законный) правительственный документ в Китае.

- 明明白白 (*мин мин бай бай*) дословно — значит очень понятно;

- 真相大白 (*джэн сян да бай*) дословно — истинное положение;

- «**белый** хлеб» — хлеб из муки высшего сорта или тщательного помола.

В дореволюционной России голосование при выборах предводителя дворянства осуществлялось не при помощи бюллетеней, а при помощи **чёрных** и **белых** шаров [Оксман, 1979: 23]:

- «**белый** шар» символизировал согласие.

В русском языке лексемы с корнем *бел-* актуализируются в выражениях, символизирующих *чистоту, бессмертие*. Например, свадебное платье невесты, как правило, *белого* цвета. Однако поистине традиционным на Руси всегда считался красный цвет подвенечного наряда (красный сарафан) — *красивый, нарядный, лучший*. При этом традиция выходить замуж в *белом* платье по историческим меркам не такая уж древняя, так как прорыв в мире моды свадебного *белого* платья произошёл в 1840 г. [Hannah, 1999].

В массовую моду это явление ввела Коко Шанель во второй половине XX века [Павлищева, 2011: 258]. В русской культуре *белый* и по сегодняшний день остается основным *цветом* свадебной церемонии. Однако данная лексема несет в себе двойственную парадоксальность, так как с одной стороны, *белый* это цвет *чистоты, непорочности*, а с другой — цвет *перерождения*, а перерождение всегда связано со смертью. Обусловлено это тем, что, выходя замуж, невеста тем самым "умирает" для своего прежнего рода, но при этом перерождается в новом.

Дискурсивные значения лексем с корнем *бел-* актуализируются в значениях *чистый, без злого умысла*:

- *белая* зависть — то есть чистая зависть, без злого умысла [Даль, 2017];
- *белая* изба, *белая* баня — чистые, не пропитанные дымом (изба и баня с дымоходом).

Дискурсивное значение лексем, обозначенных иероглифом 白 (*бай*) в китайском языке актуализируются в значениях *объяснять, излагать*, например, в театральной опере или фильме:

- 道白, 旁白 (*доу бай, пхан бай*) — монолог, голос за кадром или ремарка.

Итак, перечисленные значения определили **положительную** лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *бел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 白 (*бай*) в китайском языке. Очевидно, что положительная лингвокультурная коннотация в русском языке выражена более ярко, чем в китайском. Следовательно, дискурсивные значения лексем с корнями *бел-* можно отнести к восточному **белому** → **яркому (насыщенному)**.

Результаты анализа лингвокультурной коннотации белого цвета в русском и китайском языках представлены в следующей таблице.

Таблица №4

**Положительная лингвокультурная коннотация белого цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Добрый	+	+
2.	Чистый	+	+
3.	Тщательный	+	+
4.	Красота, красивый образ	+	+
5.	Невинность, непорочность	+	+
6.	Символизирует запад (направление)	+	+
7.	Законный, честный	+	+
8.	Добиться с нуля	+	+
9.	Интеллектуалы (белые воротнички)	+	+
10.	Светлый	+	+
11.	Благородный	+	+
Различия			
12.	Божественный, святой	+	-
13.	Согласие	+	-
14.	Положительное начало	-	+
15.	Символизирует металл	-	+
16.	Внятный	-	+
17.	Справедливость	-	+
18.	Правильный	-	+

19.	Свободный, самостоятельный	+	-
20.	Беспристрастный	+	-
21.	Вечность	+	-
22.	Знатный	+	-

Отрицательная лингвокультурная коннотация

В древнем китайском языке лексема, обозначенная иероглифом 白 (*бай*), имела ограниченный объем понятий с меньшим количеством положительных значений, чем черный цвет 黑 [叶军, 2000]. Отрицательные значения лексем, обозначенных иероглифом 白 (*бай*) обусловлены развитием шелковой промышленности [Турбина, Лю, 2016: 21]. Белый, неокрашенный шелк имел гораздо более низкую стоимость, что объясняет происхождение значений 没有颜色的 прозрачный, т. е. 空的 пустой, не имеющий определенного смысла и значения. Так, например, в период династии Хань *белый* 白 ассоциировался, прежде всего, с низким происхождением: *белая* одежда на человеке подчеркивала его низкий социальный статус, а лексема актуализировалась в значениях *незначимый, бедный, пустой, отсталый*, что в свою очередь обусловлено формированием устоявшихся оборотов:

- *一穷二白* (*и чуон ар бай*) дословно — во-первых, *бедные*, во-вторых *белые*; данная лексема раскрывается в значении *косный*. В данном случае *белый* в значении *бедный* — то есть тусклый, приглушенный (*невзрачный*). Экономическая бедность и культурная отсталость в регионе материкового Китая подразумевает, что *бедный* — это слабо развитая промышленность и сельское хозяйство, а *белый* в свою очередь относится к низкому уровню культуры, то есть безграмотности [新华字典, 2014].

Подобные дискурсивные значения лексем с корнем *бел-* в русском языке актуализируются в выражении:

- «*белые пятна*» — пустые места, то есть малоисследованные или неисследованные районы земли, или указывает на такой вопрос, который нуждается в ответе и разрешении;

В китайском языке:

- 白字 (*бай цзы*) дословно — белые иероглифы, не имеющие смысла;
- 白话 (*бай хуа*) дословно — белая речь (пустая);
- 白干 (*бай ган*) дословно — белое дело — делал работу, а результата нет;
- 白费劲 (*бай фэй дин*) дословно — впустую потратить много сил, напрасные старания;
- 像我们白来了外国一次 (*сян во мэн бай лай лыа вэй гуо и цзы*) дословно — зря съездить за границу;
- 白白浪费时间 (*бай бай лан фэй ши диэн*) дословно — тратить «белое время» (впустую), напрасная трата времени;
- 白高兴 (*бай гоу син*) дословно — напрасная радость (белая радость);
- 空口说白话 (*кон коу шуо бай хуа*) дословно — пустой рот белый разговор, болтать языком без доказательств, пустые слова;
- 打白条 (*да бай тхиоу*) дословно — дать белую расписку, дать вексель вместо наличных денег, в итоге не заплатить деньги;
- 白吃白喝 (*бай чшы бай хые*) дословно — бесплатно есть бесплатно пить, жить на готовом харче;
- 白日做梦 (*бай жи цзуо ман*) дословно — сны среди бела дня (что-то нереальное, несбыточная иллюзия; пустые фантазии).

Лексико-семантический потенциал лексемы *белый* в обоих языках актуализируется в коннотативном значении *контрреволюционный*, то есть действующий против народной власти или направленный против неё. Так, например, в это время в русском языке появляются новые словосочетания: «белая армия», «белый террор», «белая гвардия», «белый офицер» и «белый мятеж» [Ратьковский, 2016: 427], которые вступили в оппозицию с лексемами «красная армия», «красный террор», «красная гвардия». Аналогичным образом лексема 白 (*бай*) раскрывается в китайском языке:

- 白区 (*бай чуй*) дословно — белый район;

- 白军 (*бай джюнь*) дословно — белая армия;
- 白色恐怖 (*бай сыа кон бу*) дословно — белый террор;
- 白色政权 (*бай сыа джен чуэн*) дословно — белая власть;
- 白色暴动 (*бай сыа бао дун*) дословно — белый мятеж;
- 举白旗 (*чжуюй бай чи*) или «белый флаг» — признавать себя побеждённым, в таком случае белый цвет — это сигнал капитуляции.

В Толковом словаре великорусского языка В.И. Даля, Словаре современного русского литературного языка, в Большом толковом словаре русского языка семантическое поле лексемы *белый* по преимуществу нецветового характера актуализируется в значениях *неправильный, ненормальный*:

- «*белые стихи*» — это значит нерифмованные стихи;
- «*белая ворона*» — так говорят о редком, необычном по своим качествам человеке, резко выделяющимся из среды других людей.

Лексема *белый* по преимуществу нецветового характера и имеющая отрицательную лингвокультурную коннотацию в русском языке актуализируется во фразеологизмах в следующих значениях:

- «*доводить до белого каления*» — лишить кого-либо самообладания, сильно разозлить, рассердить.
- «*показать белое перо*» — проявить трусость.

Лексико-семантический потенциал слов с корнями *бел-*, определяющих отрицательную лингвокультурную коннотацию, широко используется и в русских суевериях, например, «*белая баба*» является предвестницей несчастья. Предвещать несчастья в поверьях русских крестьян мог и мужчина в белом:

- «*Он появлялся в лесу, был высокого роста, одет в белое, с лентой через плечо*» [Власова, 2008].

Подобные дискурсивные значения актуализируются и в китайской поэзии:

Владыку Бай-ди я хочу одарить

*достойной его чистотой,
Безмолвно изящество этих цветов
во мраке осенних ночей* [Цао Сюэ-цинъ, 1958: 509].

Бай-ди (Белый император) — имя мифического императора, которому поклонялись как повелителю змей, оборотней и т.д. [там же: 867].

Среди сонма пестрых персонажей появлялась **белая** длинная фигура Учана. Это — посланец ада за душой умирающего, сама Смерть. Костюм Учана и грим изображали глубокий траур: весь **в белом**, подпоясан веревкой из соломы, на ногах соломенные сандалии, на шее — связка жертвенных денег из серебряной бумаги, в руках дешевый веер из банановых листьев. Плечи у него приподняты, волосы распущены, брови опускались углом. Учан — символ возмездия, в своем высоченном белом колпаке с надписью «*И за тобой пришел!*» [Конрада, 1970: 78].

В китайском языке лексема 白 (*бай*) — по преимуществу нецветового характера и имеющей отрицательную лингвокультурную коннотацию, актуализируясь со словами *неопытный*, *неблагодарный* в следующих выражениях:

- 白眼儿狼 (*бай йар лан*) дословно — белоглазый волк, неблагодарный, бесчувственный человек;

- 白面书生 (*бай миен шу шэн*) дословно — с белым лицом, новичок в науке или молодой неопытный человек.

В русском и китайском языках слово белый / 白 имеет также значение неисследованный:

- *белое* пятно в русском языке обозначает неисследованную территорию (край, район) или неразработанную часть, с другой стороны, в китайском языке выражение:

- 空白点 (кун бай диен) дословно переводится как пустое белое пятно. Однако для китайского языка данное выражение употребляется только в научной сфере.

Итак, перечисленные значения определили *отрицательную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *бел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 白 (*бай*), в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица №5

**Отрицательная лингвокультурная коннотация белого цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Контрреволюционный	+	+
2.	Проигрыш, капитуляция	+	+
3.	Пустой, незначимый	+	+
4.	Неисследованный	+	+
5.	Неудача	+	+
6.	Старость	+	+
7.	Мифические персонажи	+	+
Различия			
8.	Трусливый	+	-
9.	Грусть, траур	-	+
10.	Бедный	-	+
11.	Культурно отсталый	-	+
12.	Неопытный, слабый	-	+
13.	Низкий (социальный статус)	-	+
14.	Неблагодарный	-	+
15.	Даром (жить на готовом харче)	-	+
16.	Рассердить	+	-
17.	Дешёвый	-	+

В ходе проведенного анализа было установлено, что лексемы с корнем - **бел-* в русском языке и обозначенные иероглифом 白 (*бай*) в китайском языке по своей этимологии являются пересекающимися за исключением того, что символизирует *чистоту* как материальную — в русском языке, чистоту нематериальную (не имеющей вещественной формы) — в китайском языке. В обоих языках *белый* и *черный* рассматриваются как две равноудаленные основы, которые формируют в себе единство одного целого. Согласно христианской символике и даосской концепции божественности, *белый* 白 (*бай*) являлся первоосновой, породившей Вселенную и все живое.

В лингвокультурах обоих языков речевые значения лексем с корнем **бел-* и обозначенных иероглифом 白 (*бай*), определяются этимологией и несут в себе преимущественно положительную лингвокультурную коннотацию. В общем объеме понятий каждого языка отрицательная лингвокультурная коннотация преобладает в китайском языке.

При анализе лингвокультурной коннотации лексем с корнями *бел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 白 (*бай*), в китайском языке осуществлено ранжирование значений по сходству и различию, а также по положительному и отрицательному признаку (данные значения приведены в таблицах №№ 4, 5). Результаты исследования представлены в виде круговых диаграмм на следующем рисунке.

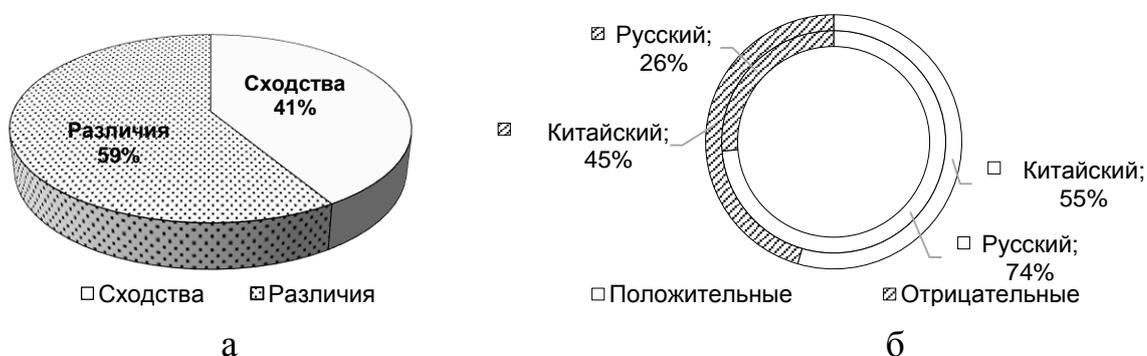

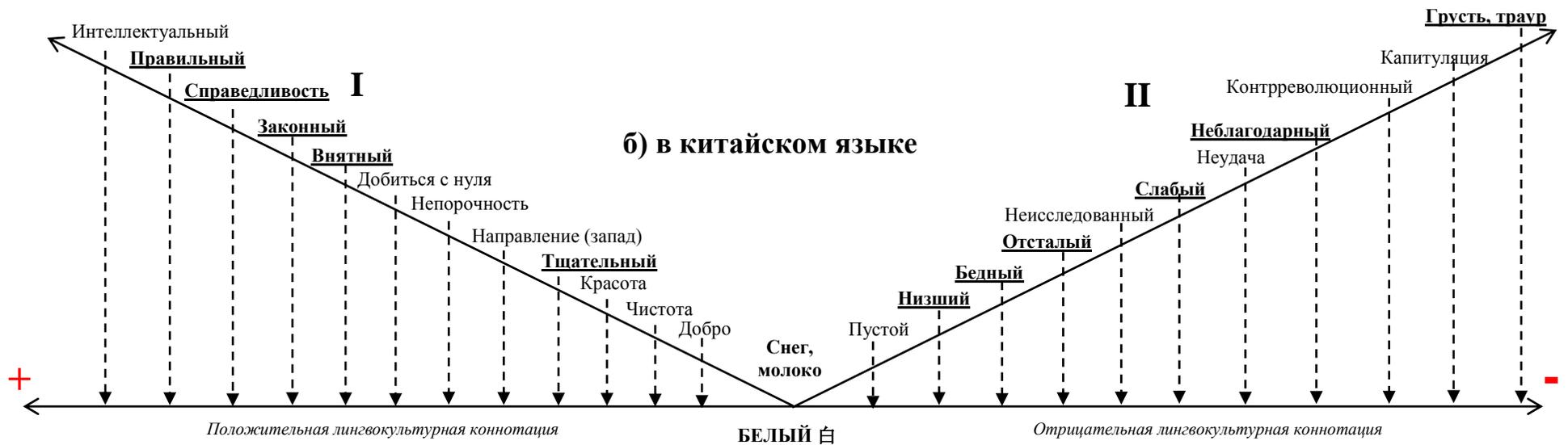
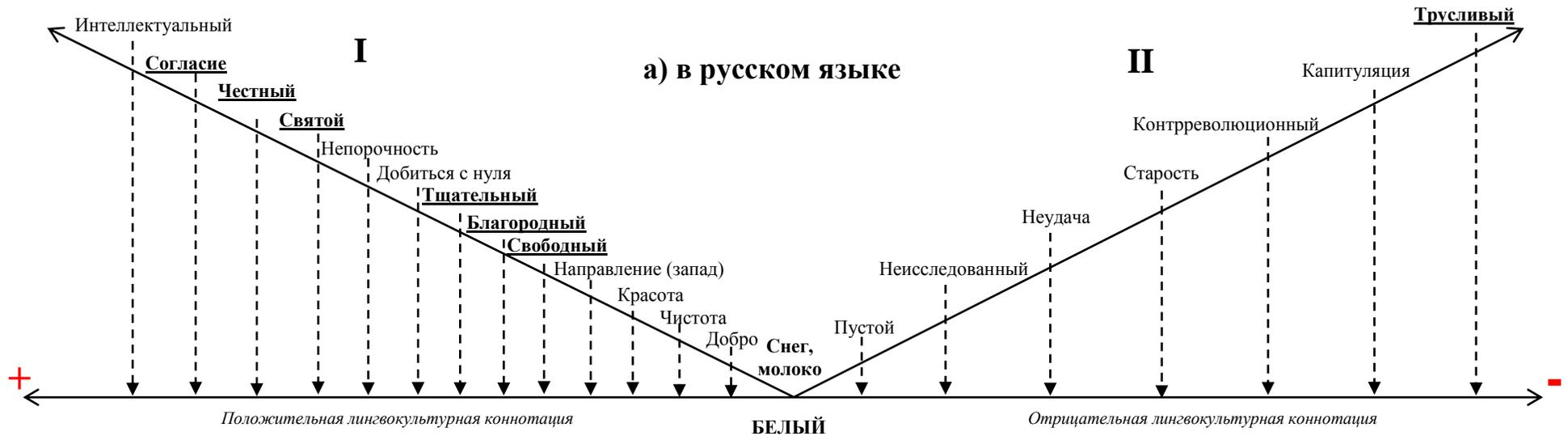
Рис. 3. Результаты анализа лингвокультурных коннотаций *белого* цвета в русском и китайском языках:

а – сходства / различия; б – положительные / отрицательные

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что лингвокультурная коннотация слов с корнями *бел-* в русском языке и лексем обозначенных иероглифом *白 (бай)*, имеет больше различий, чем сходств.

Формирование положительных и отрицательных значений можно показать также с помощью векторного анализа. На участках вектора *белый* → *яркий, насыщенный* (+) и *белый* → *тусклый, приглушенный* (-) вертикальными сечениями показано расширение возможностей *положительной* и *отрицательной* лингвокультурной коннотации *белого* цвета при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений в русском и китайском языках. На участке **I** тензора показано расширение возможностей *положительной* лингвокультурной коннотации *белого* цвета в русском и китайском языках, а на участке **II** — *отрицательной*.

Расширение возможностей положительной и отрицательной лингвокультурной коннотации *белого цвета* при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений:

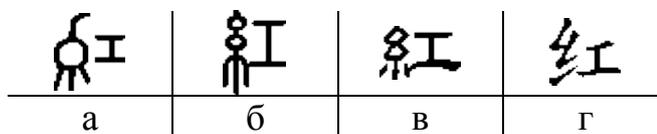

2.3 Лингвокультурная коннотация красного цвета в русском и китайском языках

Лингвокультурная коннотация определяет дискурсивное значение лексем с архисемой "красный" то есть слов с корнями *-крас* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 紅 (*хон*) в китайском языке.

Этимология прилагательного красный в русском языке происходит от праславянского **krasъnъ(jь)*, от которого также произошли: старославянский **krasъnъ* — *красивый, прекрасный*; словенский **krásan*, чешский **krásný* — *прекрасный*, словацкий **krasny* и польский **krasny* — *прекрасный, пригожий* [Шанский, 1985]. Причем значение *красный* было вторично по отношению к *красивый, прекрасный*.

В китайской культуре иероглиф 紅 (*хон*) претерпевал определенные трансформации, при этом, правая часть иероглифа оставалась без изменений на протяжении всего времени развития языка (слева → направо):

Эволюция стилей письма иероглифа 紅 в китайском языке:

а) стиль 金文 (Цзиньвэнь): 𠄎^工 = 𠄎 (糸, 丝) это — шёлк, шёлковая нить (ткань) + 工 (工, 精致) — тщательный (точный), ручная работа. В итоге сочетание символов 𠄎^工 обозначало тщательно изготовленное шёлковое изделие.

б) стиль 篆书 (Чжуаньшу): в данном стиле происходит замена 𠄎 на 𠄎 в итоге лексема красный обозначается — 𠄎^工:

染成浅赤色的高级丝帛 (жан чхан тиенхья сыа дыа гао ди сы джы пиэн) дословно — *высококачественная шелковая ткань, окрашенная в красный цвет* [白话版《说文解字》, 2014].

в) стиль 隶书 (Лишу): происходит замена левой части на в итоге был получен новый иероглиф 红 — красный, символизирующий богатство и празднование.

г) стиль 楷书 (Кайшу): современная интерпретация иероглифа 红 (хон).

Итак, на первом этапе исследования установлено, что этимология русского слова **красный** восходит к праславянскому корню **krasъnъ(jь)* и ассоциируется в значениях *красивый, прекрасный*. В свою очередь, истоки формирования иероглифа 红 (хон) с учетом его трансформаций в процессе развития китайского языка восходят к технологии окрашивания шелка. Причем, как отмечалось ранее, правая часть иероглифа не претерпевала значительных изменений и дословно обозначала тщательно (или старательно, аккуратно, внимательно) выполненную работу, что в итоге и способствовало прекрасному внешнему виду создаваемого изделия (шелка). Следовательно, истоки формирования русского и китайского цветового слова **красный** имеют и схожую культурную коннотацию — **красный (红)** — значит прекрасный.

Красный 红 — это особый цвет. Его почитают как русские, так и китайцы [汤洵, 2005]. Исторически сложилось так, что *красный цвет* играет в жизни человека важнейшую роль. Не случайно слово, обозначающее «красный», появляется во всех языках сразу за словами «чёрный» и «белый» [彭文钊, 2006]. Согласно теории электромагнитного излучения (теории Максвелла), *красный цвет* имеет максимальную длину волны видимой части спектра, которая воздействует на светочувствительные элементы глаза и вызывает световые и цветовые ощущения [Maxwell, 1865: 459-512]. В частности, цветовой порог спектра изменяется от более теплых тонов (*красный*) к более холодным (*синий*). Поэтому архисема слов с корнями *крас-* и лексем, обозначенных иероглифом 红 (хон) в русском и китайском языках одинаковая и имеет значение цвета *солнца, огня, крови* [Зиновьева, 1991: 68], *спелых ягод земляники* и *яркого цвета мака* [Ожегов, 1999], которые актуализируют прямые значения прилагательного *красный*.

Психологи и специалисты по цвету отмечают, что *красный* — это не только один из первых цветов в истории различных культур человечества, это еще и один из первых цветов в истории каждого человека. Считается научно установленным фактом то, что младенец начинает первым распознавать именно красный цвет [Базыма, 2005: 96]. Поэтому и детские игрушки изготавливаются чаще всего именно красного цвета (красный мяч, красное ведерко для песка, красный велосипед, красная пожарная машина и пр.).

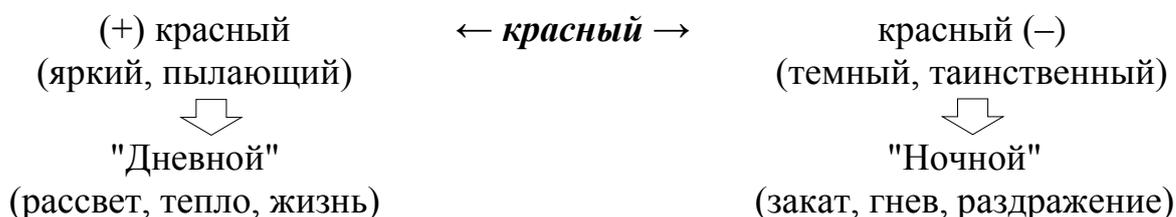
Ассоциаты *красного цвета* интерпретируются в определенных когнитивных признаках, несущих в себе прежде всего положительные значения. Так, например, *солнце, огонь и кровь* ассоциируются с *теплом, жизнью и пробуждением*. В повседневной речи лексемы, обозначающие *красный* используются очень широко. При этом значения раскрываемых образов *красного цвета* в той или иной мере достаточно ясны для восприятия, например, аленький цветочек символизирует силу любви, алая заря — символ тревожного или радостного ожидания (является знаком судьбоносных перемен), а красные щеки — явный признак *здоровья*. Наряду с этим, символика красного цвета передает сильные эмоциональные переживания: *сгорать от нетерпения или сгорать от страсти*. Обусловлено это тем, что волнение, например, учащает сердцебиение, в силу чего происходит прилив крови к лицу и поэтому оно краснеет.

Восприятие *красного цвета* многогранно, а иногда и противоречиво. Например, *красный* — как *цвет огня* (то есть яркий, пылающий), с одной стороны, символизирует *радость, красоту, любовь, полноту жизни*, а также воплощает в себе воинскую доблесть и связан, так или иначе, с восприятием красоты тела. Его можно охарактеризовать как "*дневной*" *красный*. Но с другой стороны, *красный* — как *цвет крови* (то есть темный, багряный), может символизировать *боль, гнев, вражду, месть, войну и искупление*. Обусловлено это тем, что кровь является неотъемлемой частью внутренней среды организма человека, а её потеря несет за собой необратимые процессы нормального функционирования, вплоть до летального исхода. При этом и по сей день

существуют теории о том, что кровь является местом пребывания души человека [Каменецкий, 1908-1913].

В христианской иконографии роза представляет собой чашу, в которую стекает кровь распятого на кресте Иисуса Христа. Розы мистическим образом символизируют раны на его теле, оставленные гвоздями. То есть алая (багряная) роза несет в себе цвет жертвенного кровавого искупления человечества. Аналогичные ассоциации, связанные с красным, есть во многих культурах: *красный*, как цвет крови, связан с древнейшими ритуалами и жертвоприношениями, которые, как правило, происходили на закате; его можно охарактеризовать как *"ночной" красный (таинственный)*.

Следовательно, символика красного цвета формирует два начала которые определяют, с одной стороны, *положительную* лингвокультурную коннотацию (*"Дневной" красный*), а с другой стороны — *отрицательную* лингвокультурную коннотацию (*"Ночной" красный*):

Положительная лингвокультурная коннотация

Красный цвет, согласно «Толковому словарю», является в русской культуре наиболее употребительным и распространённым [Ожегов, 1999]. Русские издревле придают большое значение символике этого цвета, сохранившейся до наших дней. Например, *красный цвет* являлся неотъемлемым атрибутом одежды русских князей. В древности люди научились получать пурпур из пурпурной улитки. Процесс обработки был очень трудоемким, поэтому только князья и дворяне могли носить красное. В Византии только императрица могла иметь красные сапоги. Пурпурный, как правило, символизировал цвет суверенной власти. В славянской культуре в особенности великие князья предпочитали практически все колориты

пурпурного: алый, багряный, вишнёвый, рябиновый и червлёный. Например, в поэме «Слово о полку Игореве» князь Игорь поднимал червлёные щиты и червлёный стяг [Лихачёв, 1995].

В китайской культуре значение *красного цвета* 紅色 (*хон сыя*) имеет многовековую историю. Он является одним из самых почитаемых [汤洵, 2005]. Красный цвет ассоциируется с *огнём* (одной из пяти стихий) [Пушкарская, 2014: 81-95], а с другой — символизирует *юг* (одну из четырёх сторон света). Так же, как и в русской культуре, где *красный цвет* географически ассоциируется с югом, поскольку *Червонная (Красная) Русь* территориально располагалась к юго-западу от Киева [Исаевич, 1969: 286]. *Красный* цвет является самым ярким и заметным среди других цветов, поэтому он может побуждать человека к действиям, мотивирует его (наиболее активно воздействует на человека):

- 紅日三竿 (*хон жыя сан ган*) дословно — *красное солнце поднялось высоко*, что для представителей китайской культуры является неким призывом к действию, достижению новых высот и побед.

Истоки формирования ассоциатов *красного* 紅 цвета в китайской культуре восходят к древним временам, когда люди поклонялись Богу солнца и огня. Одно из первых упоминаний о красном цвете датируется временем правления династии *Шан*, когда *красный* обозначался иероглифом 赤 (*чи*), хотя по значению данная лексема больше соответствовала бледному оттенку *красного цвета* — розовому. Формированию значения данной лексемы способствовала технология окрашивания шелка, которая укоренилась во времена правления династии *Чжоу* и *Цинь*.

Коренные изменения произошли во времена правления династии *Хань*, когда смысловое содержание лексемы, обозначенной иероглифом 赤 (*чи*), расширилось, а со временем данная лексема и вовсе утратила своё первоначальное значение. Формирование значения лексемы, обозначенной иероглифом 紅 (*хон*), произошло только тогда, когда Император *Лю Бан*

династии Хань провозгласил себя последователем *Красного Императора* 赤帝. С этого времени *красный цвет* 红 (хон) стал чрезвычайно популярным в китайской культуре и остаётся таковым по сей день. В период династии Тан лексема, обозначенная иероглифом 赤 (чи), окончательно утратила значение "розовый" и приобрела значение *красный*. В настоящее время *красный* может обозначаться иероглифами 赤 (чи) и 红 (хон), при этом последний является наиболее употребительным. Их совместное употребление 赤红 (чи хон) формирует дискурсивное значение *темно-красный* [赵晓驰, 2007].

Красный цвет в китайской культуре символизировал императорскую власть и являлся ранговым цветом знати. Так, например, в династии Тан (618 – 907 гг.) крыши дворцов, барьеры, столбы, двери, элементы декора были выкрашены исключительно в *красные* цвета. Ярким примером является *Гугун* (запретный город — бывший императорский дворец в Пекине), при входе в который открывается прекрасный вид *красных* сооружений. В древности визитные карточки высокопоставленных служащих также были исключительно красного цвета [李红印, 2004]. С развитием китайской цивилизации объем понятий лексем с иероглифом 红 (хон) расширялся. Так, например, в период династии Сун *красный цвет* стал также атрибутом простого народа, а во времена правления династии Мин и Цин лексема, обозначенная иероглифом 红 (хон), актуализируется в дискурсивных значениях *торжество* и *радостное событие*.

До начала XVI века прилагательное *красный* в русской культуре не имело значения цвета, а обозначало качество и своим значением было приравнено современному слову *красивый (прекрасный)* [Пастуро, 2018]. Дискурсивные значения слов с корнями *крас-* в русском языке, раскрывающиеся в *переносных (не цветовых)* интерпретациях и определяющие положительные значения, актуализируются в следующих выражениях, например, «*Красная площадь*» — площадь, расположенная в центре Москвы. Однако следует обратить внимание на то, что с момента

своего существования площадь сменила несколько названий. С 1434 г. в летописях упоминаются названия «Торг», «Пожар» [Александров, 1987: 18-32], обязанные своей этимологией тому, что площадь являлась центром общественной жизни, где происходили различного рода мероприятия: торговля, казни и прочие события. На площади собирались огромные массы людей, создавалась суeta — как на «Пожаре», а цвет *огня*, как было отмечено ранее, является прямым значением, раскрывающим архисему слов с корнями *крас-*. В современной интерпретации «Красная площадь» означает «Красивая» [Бугаева, 2018: 124-135]. Кроме того, сооружения на площади выстроены из красного кирпича, что подчеркивает приверженность к *красному* — как основному цвету суверенной власти в российской культуре. Таким образом, *красный* по преимуществу нецветового характера может актуализируется в русской культуре в значениях не только *красивый*, но и *главный*.

В русских сказках и былинах девичья красота раскрывается в выражении «*красна девица*». В стилистике разговорного языка того времени часто можно было встретить выражение «*ты красно выглядишь*», что равнозначно — *ты прекрасная*. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях «*красный цветок*», «*красная одежда*», «*красная жизнь*», «*красный товар*» и т.д. [Бирих, 2005: 81]. В современном русском языке слово «*красный*», в рассматриваемом дискурсивном значении постепенно было вытеснено однокоренным словом «*красивый*». Лексико-семантический потенциал слов с корнями *крас-* в данной категории широко используется в русском народном творчестве, например, в пословицах [Михельсон, 2004]:

- «*На чужой стороне, и весна не красна*», что равнозначно — где бы ты не был, а дома лучше; в дали от дома и *яркость* весенних красок не так проявляется;

- «*Без обеда не красна беседа*» — на голодный желудок и беседа не в радость;

- «*Не красна изба углами, а красна пирогами*» — хороша та изба, в которой к столу приглашают (*о гостеприимстве хозяина*);

- «В людях — весна красна, а дома — зимушка лютая» — на людях красивый, счастливый, а внутри — холодный, черствый (о человеке);

Также используемые в пословицах лексемы с корнями *крас-* могут выступать в оппозиции к другому цвету:

- «И в красне живут, и в черне живут» — как в достатке (*красне*), так и в бедности (*черне*) живут. Аналогичным образом слова, обозначенные иероглифом 紅 (*хон*), актуализируются в выражениях:

- 紅白喜事 (*хон бай си ши*) дословно — *красные и белые события*, то есть — свадьба и похороны;

- 桃紅柳綠 (*тао хон ли люй*) дословно — *персиковое дерево краснеет, ива зеленеет*. В данном примере раскрывается яркость весенних красок (красота весеннего пейзажа);

- 近朱者赤, 近墨者黑 (*тинь чжу джыя чшы, тинь муо джыя хэй*) дословно — тот, кто близок к киновари — *красен*, кто близок к туши — *черен* (схожи по смыслу с русскими пословицами — *с кем поведёшься, от того и наберёшься: от пчелки медку, от жучка навозцу*).

В русском языке:

- «Серенькое утро – красный денёк». Обычное утро, не предвещавшее ярких событий, которые, однако, произошли днем.

Лексико-семантический потенциал слов с корнями *крас-* ярко проявляется и в художественной литературе:

- «Хорошо весной,
Красен белый свет,
на простор душа прорывается...» [Дрожжин, 1904: 86].

В данном примере лексема с корнем *крас-* актуализируется в выражении «Красен белый свет» — то есть мир прекрасен.

- «Играйте же, дети, растите на воле.

На то вам и красное детство дано...» [Некрасов, 1979: 136].

В данном примере дискурсивное значение выражения *красное детство* актуализируется в значениях *счастливое, беззаботное*. Кроме того, данная лексема актуализируется в выражении: «*красные дети*» — то есть *хорошие, послушные дети* (по отношению к родителям — *иметь сына и дочь*):

- «*Детей у Колотухина всего только двое было, сын да дочь — красные дети, как в деревнях говорится*» [Печерский, 1996: 686].

- «*Красные зори,*

Красный восход,

Красные речи

У красных ворот.

И красный на площади Красной Народ» [Лебедева-Кумач].

В данном примере лексема с корнем *крас-* актуализируется в следующих значениях: «*Красные зори*» — *красивые*; «*Красный восход*» — *яркий*; «*Красные речи*» — *правильные, достойные*; «*Красные ворота*» — *парадные*; «*Красная площадь*» — *главная (красивая)*; «*Красный народ*» — *почётный*.

Дискурсивные значения лексем, обозначенные иероглифом 紅 (*хон*), в китайском языке, как и в русском, обобщённо актуализируются в выражениях, связанных с женской красотой и их нарядами:

- 红颜 (*хон йен*) дословно переводится как *красное лицо*, что равнозначно слову *красавица*;

- 红妆 (*хон джуан*) дословно — *красный макияж*, также данная лексема может употребляться в значениях: *женские наряды, женская красота*.

Следует отметить, что в древности китайские женщины часто натирали себе щёки *красными румянами* для подчеркивания своей красоты [詹人凤, 1997: 135]. Однако красота имела и обратную сторону, в частности красавицы довольно-таки часто не могли выйти замуж, найти себе соответствующую пару. Вследствие этого в китайской культуре закрепилось выражение:

- 红颜薄命 (*хон йен бо мин*) — *красивые (красные) женщины страдают от несчастной судьбы*. Также в китайской культуре данная лексема

актуализируется в выражениях *脸色红润* (*лиен сыа хон жуи*) или *脸蛋红彤彤的* (*лиен тан хон тон тон дыа*) дословно — румяное лицо или лицо ярко-красного цвета, что равнозначно — *здоровый, бодрый* (о человеке).

Дискурсивные значения слов с корнями *крас-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом *红* (*хон*), в китайском языке, могут иметь значения *почётный, торжественный*. Например, «*красный угол*» — место для уважаемого гостя, особое (почетное) место. Подобные дискурсивные значения также актуализируются в выражениях: «*красная изба*», «*красный уголок*», причем последнее формируется на основе словосочетания «*красный угол*» и является в свою очередь местом или помещением в каком-либо учреждении, отведённым для культурно-просветительной работы:

- «*Красному гостю красное место!*» [Люстров, 2011: 98], в данном контексте лексема *красный* актуализируется в значении *важный (особый)*:

- «*Милости просим, милости просим! — радушно приглашает отец гостей за стол и отводит дяде Роде самое почётное место — в красном углу, под образами*» [Смирнов, 1968: 246]. Данная лексема также актуализируется в выражении «*красная доска*» или доска *почёта*. Студенты, окончившие высшие учебные заведения с отличием, получают *красный* диплом.

- «*Громадные барыши и убытки чередовались между собой. Это переменное счастье проходило красной нитью через всю его жизнь и придавало ей особенно интересную окраску*». «*Красной нитью (проходить)*» — о какой-нибудь мысли, идее, тенденции или отчетливо выделяться, господствовать (В романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы»).

Аналогичным образом в китайском языке лексема, обозначенная иероглифом *红* (*хон*), актуализируется в выражениях:

- *红人* (*хон жэн*) дословно — *красный человек* или человек, имеющий популярность, а также вызывающий доверие у людей;

- *红得发紫* (*хон дэ фа дзы*) дословно: *красный имеет оттенок фиолетового* — о человеке *влиятельном, важном, известном*;

- 大红大紫 (да хон да дзы) дословно — *большой красный, большой фиолетовый* — о человеке 1) находящимся в центре внимания; 2) которому доверяют, которого ценят или у которого процветает карьера.

Дискурсивные значения слов с корнями *крас-* в русском языке могут иметь значения «драгоценный, первоклассный», например, «красный зверь» — это наиболее *ценный* зверь для охотника (медведь, тигр и т.п.), также и «красная дичь» — это лучшая (ценная) болотная дичь; также и «красный лес» имеет значение хвойный (голубая ель считается самой ценной из вида хвойных) [Бирих, 2005: 102].

В русском, как и во многих языках мира, есть выражение «красная книга», в которой формируются редкие и ценные виды животных и растений, находящиеся под угрозой исчезновения. Сейчас во многих странах ведутся работы по созданию охранных *красных книг* природы. Данная лексема также раскрывается в выражении «красная цена» — лучшая (оптимальная) цена товара. Например, "ему красная цена 100 рублей". Следовательно, покупатель не согласен с ценой, предлагаемой продавцом [Кузнецов, 1998].

Лексемы с архисемой *красный* могут развивать нецветовые дискурсивные значения «*процветание, развитие, успех*» и символизировать финансовое благополучие — *红火 (хон хуо)*, счастливую судьбу — *红运 (хон юнь)*. Вера в скорую удачу при виде *красного цвета* является частью традиционной китайской психологии испокон веков. Например, церемония открытия выставки, или закладки фундамента начинается с разрезания ножницами красной ленты у входа (аналогично и в других культурах, включая русскую). Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

- *红红火火 (хон хон хуо хуо)* — данная лексема дословно переводится как *красный огонь*, и часто актуализируется в значении *благие начинания*;

- *万紫千红 (ван дзы циен хон)* дословно — *расцветают тысяча красных цветов*, что означает — *процветание бизнеса*;

- *红运 (хон юин)* дословно *красное везение* или *большое везение (успех)*;

- 红利 (хон ли) — дословно *красная прибыль* — получение дивидендов, выплата предприятием прибыли акционерам или дополнительного вознаграждения рабочим и служащим;

- 分红 (фэн хон) дословно *распределять красное*, то есть — распределение дивидендов.

- 开门红 (кай мэн хон) дословно — *открыть дверь и увидеть красное*, то есть получить положительные результаты с самого начала своей деятельности (успешное начало дел).

В китайской культуре существует легенда о том, что *красный 红 цвет* способен избавлять от злых влияний и сил. Согласно этой легенде, в древнем Китае каждый год в один и тот же день на деревню нападал зверь — *няньшоу 年兽*. Он разорял комнаты, калечил людей. Люди боялись его и в этот день уезжали из домов в горы. Пришедший в деревню старец, предложил выход из этого положения, но ему, естественно, никто не поверил. И в тот день старик и ещё один человек остались в деревне вдвоем. Двери и окна домов они заклеили красной бумагой, зажгли красные свечи, взрывали красные фейерверки, и были одеты в красную одежду. Когда люди вернулись в деревню, они удивились тому, что старец был в безопасности, а деревня осталась в сохранности и без повреждений. С этого времени люди использовали этот способ для изгнания зверя [袁珂, 2015: 112]. Кроме того, *красный пояс*, повязанный вокруг талии и *красное бельё*, являются символом защиты себя от всякого зла в год судьбы (год рождения человека по циклическому знаку, соответствующему определенному животному, в этот год определялась судьба человека).

Красный 红 цвет в китайской культуре является символом любви, радости, счастья, торжественного и радостного события, цветом благих пожеланий, без которого также невозможно обойтись в свадебных церемониях *红事 (хон шы) — красное событие*; *花红 (хуа хон) — свадебные подарки*. Символом любви является *красная угловатая фасоль — 红豆 (хон доу)*.

Истоками формирования данного значения лексемы 紅 в китайской культуре является легенда, согласно которой мужчина, ушедший в военный поход, оставил свою жену одну. Плача, жена читала молитву из-за тоски по своему мужу, но когда её слёзы пересохли, из глаз пошли капли крови, по своей форме напоминающие красную (угловатую) фасоль. Они стали укореняться и прорастать в большое дерево. После этого *красная* (угловатая) фасоль стала символом верности 紅豆相思 (*хон доу сиан сзы*) дословно — красные бобы вдохновляют память о любви — *помни меня* [Из поэзии времён династии Тан]. По сей день китайцы испытывают особое чувство к *красной* фасоли. Влюбленные используют красную фасоль как символ любви, даря друг другу подарки с символикой красной фасоли — по аналогии, как и в европейской культуре в день Святого Валентина влюбленные дарят друг другу валентинки или подарки с изображением сердца.

Лингвокультурные коннотации *красного цвета* раскрывается также в народном творчестве. Например, в китайской культуре известна народная сказка о *Лунном старце* (также известен как божество брака), который определял брачные узы с помощью "*красных линий*". Первое упоминание о нём было в книге *Ли Фуяни* династии *Тан*, согласно которой герой *Вэй Гу* встретился в одной из гостиных со старцем, который писал брачную книгу при свете луны. Прочитав её, герой *Вэй Гу* действительно вступил в брак с той женщиной, описание которой было приведено в этой книге. Данная история в скором времени получила огласку, хотя люди так и не узнали имя этого старца. Поэтому его так и стали называть — *Лунным старцем*, а ту гостиницу в которой они впервые встретились, — *гостиницей обручения*. Сейчас история о том, что *Лунный старец* вяжет красные линии и определяет брачные узы широко распространена:

«Судьба своей нитью свяжет за тысячу ли». Эта нить хранится у Лунного старца, и если люди предназначены друг для друга самой судьбой, он красной нитью тайно свяжет ноги им обоим, и пусть семьи их будут

разделены хоть морем, все равно молодые люди, связанные этой нитью, станут супругами» [Цао Сюэ-цин, 1958: 819]

В результате этого лексемы, обозначенные иероглифом 紅 (*хон*), стали актуализироваться в выражениях:

- 紅娘 (*хон ниан*), 紅线 (*хон сен*) дословно — брачный дипломат, то есть человек ведущий переговоры между двумя семьями (сваха) [王实甫];

- 紅绳系足 (*хон шен си зу*) дословно — *красный шнурок опутал ноги влюбленных*, что значит — *помолвка свершилась*.

В китайской культуре очень популярным украшением является красный китайский узел:

- 紅色中国结 (*хон сыа джун гуо диен*), который символизирует *узы брака, гармонии и любви*.

Во время свадебной церемонии широко используется *красный цвет*: красная дверь, красные занавески, красные покрывала, красные простыни, красные подушки, красные свечи и т.д. Красный цвет в Китае символизирует двойное счастье. В наиболее радостные моменты жизни представители китайской культуры предпочитают красную одежду — 披紅插花 (*пи хон чша хуа*). Например, невеста надевает красное платье и красную фату — 披紅戴花 (*пи хон дай хуа*), паланкин, закрывающий её лицо во время свадебной церемонии, а к костюму жениха прикреплен красный цветок. Всё это добавляет красок и веселья свадебной церемонии.

В свадебном обряде русской народной культуры также реализуется продуцирующая символика *красного цвета*. После обряда венчания невеста облачалась в праздничный, яркий, обычно красный сарафан, который символизировал начало *новой жизни*. Помимо этого, в XI-XIV вв. на голову русских невест надевали венок, представлявший собой полоску ткани или обруч из металла, охватывавший лоб и скреплявшийся на затылке. Сарафан русской невесты был необычайно красивым. Он демонстрировал навыки и мастерство рукоделия будущей жены и хозяйки, а также материальное

благополучие семьи. Красный цвет издавна включали в одеяние невест. Так, например, лексико-семантический потенциал лексем с корнями *крас-* раскрывается в русско-народных песнях:

«*Не шей ты мне, матушка, Красный сарафан...*» — песня дочери, которая не хочет уходить из родного дома к чужим людям — замуж. Таким образом, красный сарафан — это «скорбное» платье девушки, «умершей» для своего прежнего рода и «возродившейся» в другом — новом роде (доме).

Кроме свадебных церемоний, *красный цвет 红色* в китайской культуре стал неотъемлемой частью празднования Нового года. На встрече нового года по лунному календарю повсеместно присутствует *красный цвет*. Это пожелания счастливого нового года, которые пишутся на красных открытках, одежда, включающая красный цвет, либо тона красного цвета. К основным элементам культуры празднования нового года в Китае относятся:

- *大红灯笼 (да хон дын лоу)* — *красные фонари* — неотъемлемый атрибут китайского Нового года. На празднике весны также все дома украшаются красными фонарями. Фонари в Китае — больше, чем просто устройства для освещения. Они по праву считаются основным символом китайской культуры и символом *яркости* и *счастья*. Во время празднования Нового года гигантские фонари на площади *Тяньаньмэнь* создают самую тёплую, счастливую и радостную атмосферу празднования. Китайские красные фонари являются неотъемлемой частью национальных праздников Китая. На Празднике фонарей пятнадцатого числа первого лунного месяца тёплый красный цвет, излучаемый фонарями, создаёт праздничную атмосферу за семейным столом и вселяет надежду на последующий Новый год. Полагается, что такие фонари делают дом уютней, прогоняют злых духов, а также создают атмосферу гармонии.

- *红色对联 (хон сыа дуи лиан)* — *красные парные надписи* также являются неотъемлемой частью празднования китайского Нового года. Они представляют собой двустихия, в которых представители китайской культуры высказывают свои пожелания и выражают надежды на свершения

определенных событий в наступающем новом году. Красные парные надписи служат как прекрасным украшением, так и защитой от злых духов. Красными парными надписями украшают ворота, двери зданий, квартир и прочие элементы декора. Лексемы, обозначенные иероглифом 紅 (хон), актуализируются в красных парных надписях в следующих двуступенчатых (читаются сверху вниз):

Первая парная надпись		Вторая парная надпись	Третья парная надпись			
新	佳	一 年 四 季 春 常 在	万 紫 千 红 永 开 花	年	岁	Каждый год открывает нам благоприятную картину; С каждым годом приходят счастье и деньги в наш дом.
春	节			年	岁	
福	吉			顺	平	
旺	祥			景	安	
迎	开			开	发	
好	门			红	大	
运	红			运	财	
Праздник весны, счастье на подъёме, приветствуем удачу;		Круглый год всегда весна (молодость, активность, рост, красота);		Каждый год открывает нам благоприятную картину;		
Праздничный день, благоденствие, хорошее начало дел.		Разнообразие красок в природе, постоянное процветание.		С каждым годом приходят счастье и деньги в наш дом.		

Также одним из видов декоративно-прикладного искусства в Новый год является наклеивание красных бумажных узоров на окна — это обычай северо-западной части Китая, который имеет свои истоки ещё с времени правления династии Шан и Чжоу. Вырезание из бумаги передается из поколения в поколение. В настоящее время узоры в виде цветов или животных часто используются в качестве украшения интерьера дома [高永奇, 2004].

- 红色烟花和鞭炮 (хон сыа иен хуа хья биен пао) — красные фейерверки и хлопушки. Китайцы зажигают фейерверки и хлопушки во время специальных празднеств, например, в Новый год или на свадебной церемонии. Китайцы полагают, что красные фейерверки и хлопушки могут не только издавать шум, принести удачу, но и отпугнуть злых духов.

- 红包 (хон бау) — красный конверт. Чтобы не прогадать с подарком, китайцы предпочитают дарить детям красный конверт с деньгами. Красный цвет конверта символизирует огонь, который защищает от неудач. Это

чрезвычайная популярная традиция. Во время Праздника Весны дети дарят взрослым пожелания с просьбой подарить им «счастливый» конверт. Вот почему дети так любят *красный 紅 цвет!* При этом сумма должна быть обязательно *чётной*. На свадьбу деньги дарят также в красном конверте. На конвертах обычно изображаются «счастливые» иероглифы с пожеланиями долгой жизни и процветания.

Празднование дня рождения или юбилеев также не обходится без *красного цвета*. Так, например, престарелые представители китайской культуры в свой день рождения надевают одежду красного цвета и угощают всех праздничными *красными персиками 紅桃 (хон тао) — символами долголетия* [姚小平, 1988]. При этом на стене, позади престарелых, клеится красная бумага с иероглифом *寿 (шоу) — долголетие*. В данном случае *красный цвет* символизирует *благопожелание и здоровье*.

В русской культуре в новогодней символике также используется красный цвет. Например, символ нового года — Дед Мороз (в красной шубе), снеговик — с красным шарфом и т.д. Согласно лунному календарю китайской культуры каждый год соответствует конкретному правящему животному и стихии, по которой определяется и цвет правящего животного: например, 2017 — год *красного* (огненного) петуха; 2018 — год *желтой* (земляной) собаки; 2019 — год *желтой* (земляной) свиньи; 2020 — год *белой* (металлической) крысы и т.д. Тем не менее перенятая европейцами культура претерпела определенные изменения, в частности, европейцы выбирают одежду в новый год по цвету правящего животного, однако в китайской культуре традиционным и по сей день остается красный, не важно какая стихия и какое правящее животное приходит в тот или иной год.

Особая социокультурная коннотация слов с корнями *крас-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом *紅(хон)* в китайском языке, связана с историческими событиями и актуализирует, например, значения «*социалистический, революционный*». В старославянской мифологии петух

являлся олицетворением огня, а Бог огня нередко изображался в виде огненно-красного петуха. Фразеологизм «пускать красного петуха» связан с именем Степана Разина. В детстве Разин наворачивал лён на хвост петуха, и поджигал. Петух метался вверх и вниз, из стороны в сторону пока не спалил всю усадьбу помещика. Кто-то спросил Разина, кто поджигал? На что он отвечал, что красный петух поджигал. С тех пор выражение "красный петух" употребляется в созначениях поджигателя или революционного руководителя. В середине 17-ого века Разин организовал восстание с целью низвергать Крепостное право. Но восстание было подавлено, и царь приговаривал Разина к смертной казни. Данный фразеологизм распространён по сей день.

После Октябрьской революции происходит закрепление новых переносных значений прилагательного «красный» в русском языке. Красный становится цветом советской республики. Первая регулярная армия стала называться «Красной армией», а её солдаты — «Красноармейцами». «Красная звезда» — одна из первых советских эмблем регулярной красной армии, возникшей в период времени весна-осень 1918 г. Первый орден советского государства — орден «Красного знамени». Также символика красного цвета в этот период времени стала актуализироваться в выражениях: «красный район», «красная гвардия», «красная власть», «красные коммунисты» и пр. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик — официальный символ СССР (красное полотно с серпом и звездой в левом верхнем углу) — символ героической борьбы советского народа, руководимого КПСС, за построение социализма и коммунизма, где серп и молот означают незыблемый союз рабочего класса и колхозного крестьянства. Красная пятиконечная звезда на флаге СССР — символ конечного торжества идей коммунизма на пяти континентах земного шара [БСЭ]. В настоящее время *красный цвет* также занимает ведущее место в государственной символике России. *Красный* является одним из трёх основных цветов государственного флага. В русской культуре национальными цветами считаются *красный, синий и белый* цвета. Такое сочетание цветов флага

впервые было определено ещё в 1699 г. Петром I и символизировало — военно-морской флот:

«Флагъ его царского величества московского, расдѣленъ на трое, верхняя полоса бѣлая, средняя сѣная, нижняя красная. На сѣней полосѣ солотой съ царскою каруною вѣнчанъ двоеглавоі орель, имѣющей въ сердцѣ красное клеімо, съ серебрянымъ святымъ Георгіемъ безъ смія» [Алярд, 1911].

По сообщениям голландских газет того времени *«стоял купленный Россией 44-пушечный фрегат, построенный в Роттердаме»* [Басов, 2004: 46] (позже Пётр I переименовал корабль «Святое пророчество»). В настоящее время бело-сине-красный флаг является официальным в Российской Федерации. *Красный цвет* символизирует мужество и великодушие, *красный* — это цвет силы, символ жизни [БРЭ, 2004].

В китайской культуре *красный* 紅 является и по сегодняшний день основным цветом государственного флага КНР. Государственный флаг представляет собой ярко-красное полотнище с пятью золотыми звездами. Ярко-красный цвет флага символизирует великую и священную коммунистическую революцию, а также власть коммунистической партии Китая. Флаг 五星红旗 (у син хон чинь) символизирует кровь павших революционных борцов, а также цвет революции. 红领巾 (хон лин динь) пионерский красный галстук, является обязательным атрибутом пионеров — это часть красного флага, и символизирует победу революции. Эта традиция была основана 13 февраля 1922 г. в Советском Союзе и заимствована социалистическим Китаем. В настоящее время в китайской культуре *красный цвет* ассоциируется с революционными движениями. Китайские рабочие и крестьяне боролись за своё освобождение под красным флагом 红旗 (хон чи). Со времен Октябрьской революции политическое значение *красного* 紅 цвета применимо в особом значении в китайской лингвокультуре. В дни революционной борьбы:

- освобождённые районы назывались *红区* (хон чюй) — *красными районами*;
- армия освободителей называлась *红军* (хон джюнь) — *красной армией*;
- режим, установленный руководством пролетариев *红色政权* (хон сыа джен чшуэн) — *красной властью*;
- *红色娘子军* (хон сыа неан дзы джюнь) — *женский освободительный отряд*;
- *红色根据地* (хон сыа кэн джюй ди) — *красная революционная база*;
- символом пролетарской революции также была *红星* (хон синь) — *красная пятиконечная звезда*. Во время революции — *красный* был основным цветом, который затмил все остальные [Li Hongyin, 2007: 108].

Особое влияние на формирование лингвокультурной коннотации нации оказывает религия. В Китайской культуре буддизм и даосизм являются главными религиями. Даосизм — национальная религия, которая, наряду с этико-политическим учением конфуцианства и пришедшим из Индии буддизмом, составляет так называемую триаду учений, которые лежат в основе духовной культуры всего Китая. Дискурсивные значения слов данной лексико-семантической категории актуализируются в выражениях *看破红尘* (кон по хон чен) дословно — *багровая пыль / прозреть в бренном мире*. В современной интерпретации *看破红* (кон по хон) обозначает *понимание* или *осмысление* чего-либо.

В 988 году нашей эры в качестве официальной религии Киевской Руси великий Киевский князь Владимир установил христианство. Красный в Христианстве символизирует кровь Христа, пролитую ради спасения людей, а следовательно, и его любовь к людям. Красным отмечали в календаре радостные события, посвященные Христу, Богородице и святым. Из церковного календаря к нам пришла традиция выделять красным цветом праздничные даты [Степанов, 1992]. Красный в данной интерпретации

является цветом огня, веры, а также царственного торжества справедливости и победы над злом.

«Красная горка» — первая неделя после праздника пасхи — является одним из народных праздников красной весны с кострами, хороводами, ярмарками, а также это хорошее время, чтобы сыграть свадьбу. Таким образом, потенциал красного цвета более ярко выражен и в христианстве в силу того, что в данной лексико-семантической категории раскрывается прямое значение красного цвета.

Итак, перечисленные значения определили положительную лингвокультурную коннотацию лексем с архисемой "красный", то есть слов с корнями *крас-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 紅 (*хон*), в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица 6

**Положительная лингвокультурная коннотация красного цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Цвет солнца, огня и крови	+	+
2.	Красивый, прекрасный	+	+
3.	Цвет любви	+	+
4.	Почётный	+	+
5.	Драгоценный	+	+
6.	Властный (цвет суверенной власти)	+	+
7.	Первоклассный	+	+
8.	Социалистический, революционный	+	+

9.	Передовой, главный	+	+
10.	Счастливый, радостный	+	+
11.	Гостеприимный, добрый	+	+
12.	Торжественный	+	+
13.	Богатый (жить в достатке)	+	+
14.	Здоровый, бодрый	+	+
15.	Удачный	+	+
16.	Хвойный (лес)	+	+
17.	Символизирует Юг (направление)	+	+
18.	Редкий (вид)	+	+
19.	Мужество, великодушие	+	+
20.	Освободительный (красная армия)	+	+
Различия			
21.	Перерождение (брачный красный сарафан)	+	-
22.	Развитие, успех	-	+
23.	Популярный (находящийся в центре внимания)	-	+
24.	Призыв к действию	-	+
25.	Процветание (бизнеса)	-	+
26.	Успешное начало	-	+
27.	Получение дивидендов	-	+
28.	Прозреть (в бренном мире)	-	+
29.	Финансовое благополучие	-	+
30.	Теплота, страсть, романтика	-	+
31.	Парные надписи	-	+
32.	Подарочный конверт	-	+
33.	Символ защиты (от всякого зла)	-	+
34.	Воспоминания (о любимых)	-	+

35.	Символ гармонии (связаны узами брака)	-	+
36.	Брачный дипломат	-	+
37.	Символ нового года	-	+

Отрицательная лингвокультурная коннотация

Ранее отмечалось (стр. 105 наст. дис.), что осмысление *красного цвета* многогранно, а иногда и противоречиво, поэтому в русской и китайской культурах также формируются дискурсивные значения слов с корнями *крас-* и обозначенные иероглифом 紅 (*хон*) в *переносных* интерпретациях, определяющих *отрицательные значения*. Так, например, в обеих культурах *красный цвет* ассоциируется с чем-либо *запретным, опасным*. Например, красный цвет светофора означает запрет движения. Красная карточка судьи во время футбольного матча символизирует грубое нарушение правил игры (спортсмен должен уйти с поля).

Красный цвет в китайской и русской культурах употребляется для описания эмоционально-экспрессивного состояния человека, вызванного злостью, стыдом, волнением, застенчивостью, завистью, враждой или ненавистью. Лексико-семантический потенциал слов, обозначающих красный цвет, актуализируется в выражениях:

- 脸红筋暴 (*миан хон тин бао*) дословно — лицо краснеет, вены вздуваются. Данный фразеологизм в китайской культуре используется для описания человека раздраженного или находящегося в гневе;

- 面红耳赤 (*миан хон ар чшы*) дословно — покраснеть до корней волос и ушей;

- 面红耳热 (*миан хон ар рыа*) дословно — жар от красных ушей. Обычно употребляется при описании человека нервного, нетерпимого, в редких случаях застенчивого. Аналогичным образом соответствующая лексема раскрывается и в русской лингвокультуре, например, «*красный как рак*» — о смущённом человеке;

- 面红颈赤 (миан хон цзин чшы) дословно — красное лицо и шея, описывается состояние человека, вызванное волнением или стыдом. Также и в русском языке часто можно встретить фразеологизм «лжет и не краснеет»:

«Прискорбно смотреть на молодых людей: они совсем нынче отучились краснеть и потуплять глаза»

[Салтыков-Щедрин в «Письмах к тетеньке»].

- 见钱眼红 (тиан чшан еан хон) дословно — при виде денег глаза становятся красными / при виде денег даже у слепого глаза раскрываются (быть жадным, алчным к деньгам). 仇人见面分外眼红 (чоурен тинмиан фэн вэй ян хон) дословно — при виде недруга глаза загораются гневом. Аналогично и в русском языке — «глаза налились кровью»:

«А, бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и нальются, и сейчас же за кинжал»

[в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»].

В древнем Китае в Ямэнь (правительственное учреждение) для записи имени преступника применялись красные чернила. Истоки данной интерпретации *красного* восходят к легенде о том, что Янь-ван (владыка ада) записывал в своей книге *жизни и смерти* имена красным цветом. С тех пор иероглифы, написанные красным цветом, символизировали мертвых или приговоренных к смертной казни. В китайской культуре писать имена красным цветом и по сегодняшний день не приемлемо (это своего рода табу). Кроме этого, в китайской культуре известно ещё одно упоминание по поводу красного цвета: письмо, написанное красными чернилами предвещает прекращение переписки, подрыв дружбы и связи. В русской же культуре с *красным* также сопоставляются многие мифологические персонажи. Например, в старорусских произведениях глаза, кожа, зубы чертей и ведьм изображались *красным цветом* [Померанцева, 1975: 125].

Итак, перечисленные значения определили **отрицательную** лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *крас-* в русском языке и

лексем, обозначенных иероглифом 紅 (хон), в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица 7

**Отрицательная лингвокультурная коннотация красного цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Опасный, запретный	+	+
2.	Нервный, возбужденный	+	+
3.	Стыдливый, смущенный	+	+
Различия			
4.	Завистливый	-	+
5.	Алчный	-	+
6.	Закат	-	+
7.	Мифологические персонажи	+	-
8.	Казнь	-	+

В лингвокультурах обоих языков речевые значения лексем с корнем *крас-, и обозначенных иероглифом 紅 (хон), определяются этимологией и несут в себе преимущественно положительную лингвокультурную коннотацию. При этом в общем объеме лексем отрицательная лингвокультурная коннотация преобладает в русском языке, в свою очередь, в китайском — положительная. Положительные значения: *первоклассный, процветающий, успешный, мужественный* и *страстный* присущи исключительно китайской лингвокультуре, в которой *красный* имеет и по сегодняшний день национальную ценность на государственном уровне.

При анализе лингвокультурной коннотации лексем с корнями крас- в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 紅 (хон), в китайском языке, осуществлено ранжирование значений по сходству и различию, а также

по положительному и отрицательному признаку (данные значения приведены в таблицах №№ 6, 7). Результаты исследования представлены в виде круговых диаграмм на следующем рисунке.

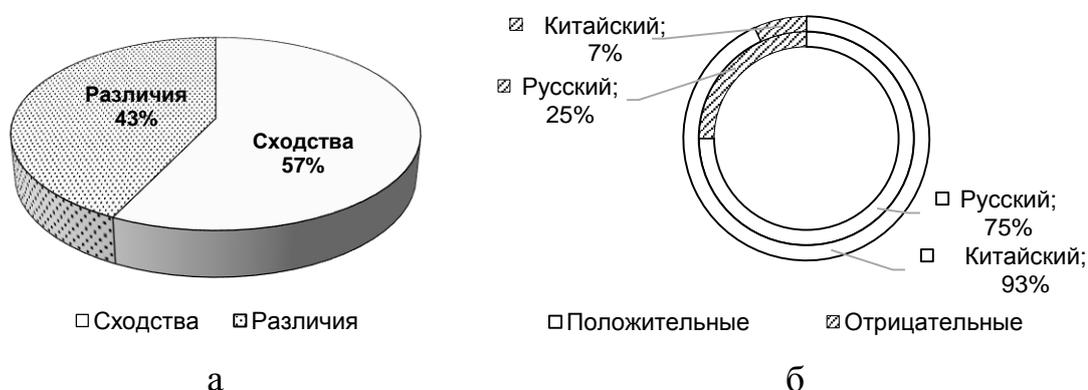
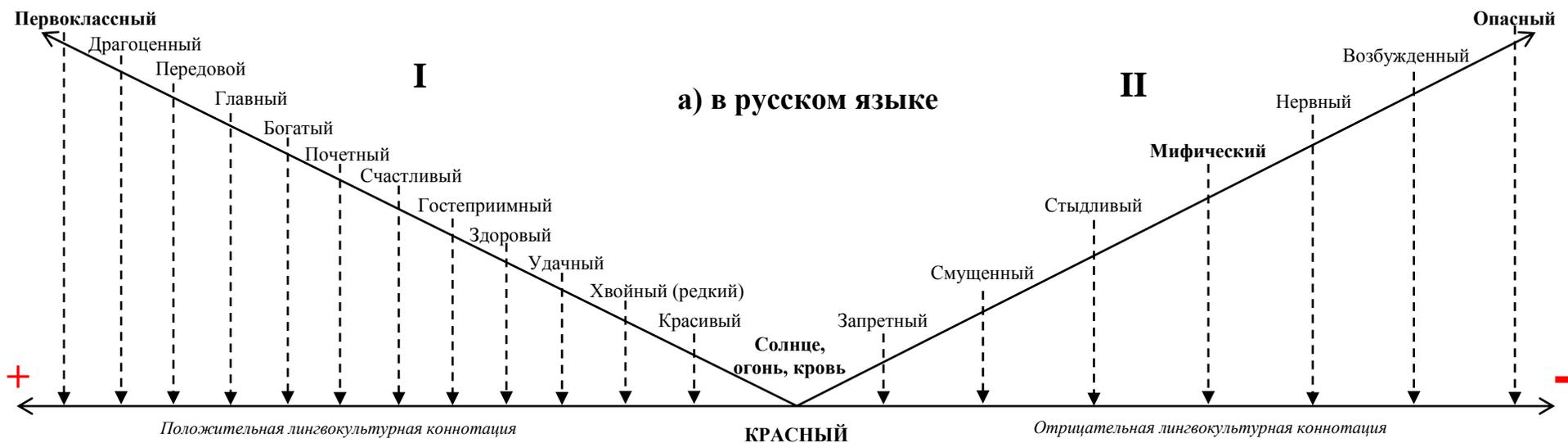

Рис. 4. Результаты анализа лингвокультурных коннотаций *красного цвета* в русском и китайском языках:

а – сходства / различия; б – положительные / отрицательные

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что лингвокультурная коннотация слов с корнями *крас-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом *紅* (*хон*), имеет больше сходств, чем различий. Обусловлено это также и тем, что истоки формирования русского и китайского цветового слова *красный* имеют и схожую культурную коннотацию — *красный* (*紅*) — значит прекрасный. Формирование положительных и отрицательных значений можно показать также с помощью векторного анализа. На участке вектора *красный* → *красный* (*яркий, пылающий*) — "дневной" и *красный* → *красный* (*темный, таинственный*) — "Ночной", вертикальными сечениями показано расширение возможностей положительной и отрицательной лингвокультурной коннотации красного цвета при речевой актуализации цветовых слов с приращением переносных метафорических и символических значений в русском и китайском языках. На участке I тензора показано расширение возможностей *положительной* лингвокультурной коннотации *красного* цвета в русском и китайском языках, а на участке II — *отрицательной*.

Расширение возможностей положительной и отрицательной лингвокультурной коннотации **красного цвета** при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений:

2.4 Лингвокультурная коннотация жёлтого цвета в русском и китайском языках

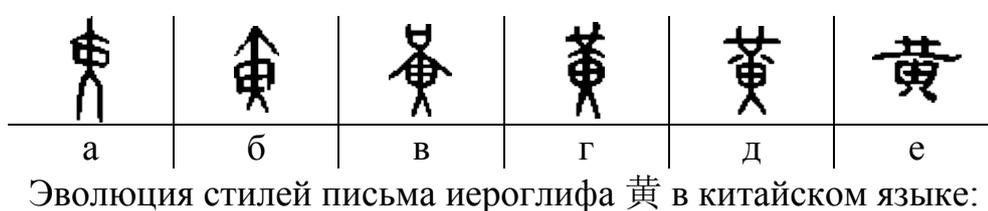
Лингвокультурная коннотация определяет дискурсивное значение лексем с архисемой "*желтый*", то есть слов с корнями *желт-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黄 (*хуан*), в китайском языке.

Жёлтый определяется как один из основных цветов солнечного спектра, средний между оранжевым и зелёным цветами. *Жёлтый* имеет множество оттенков и полутонов: желтоватый, светло-жёлтый, лимонный, кремовый, тёмно-жёлтый и т.д. Этимология русского слова *жёлтый* восходит к индоевропейскому корню **ghel-*, от которого происходит праславянский корень **žьltь-* [Нечипуренко 1988: 57], давший основную ветвь цветообозначения *желтый* в русском языке с ещё несколькими праславянскими корнями, от которых произошли слова, обозначающие близкие к жёлтому цвета, окрашивающие субстанции и предметы: '*жълчъ=жолчь*' *žьl-k-ь* [Срезневский 1983] и развившиеся от него праславянский корень **zьlць-* ('*жёлчь*') [Бернштейн 1974: 255], а также корень **zelen-* (в рус. диал. *зель* '*зелень*'). К индоевропейскому **gholt-*, фонетическому варианту **ghel-*, восходят и праславянские корни **zolto-* — ('*золото*') и **zolkь-* ('*рассвет*', '*зоря*') с семой *блестеть*, *сверкать*. Следовательно, символика жёлтого цвета определяется двумя полюсами его многочисленных оттенков. С одной стороны, это *тёплый*, *красно-золотой* — это прежде всего *блеск солнца*, *жёлтый цвет жизни*. Но, с другой стороны, несущий негативный диапазон значений *жёлтого цвета*, который связан с холодным, резким зеленоватым оттенком — *гниющий*, *грязный*, *вызывающий* тем самым ассоциации *болезни*, *раздражении*, *смерти*.

В Китае лингвокультурная коннотация *жёлтого* цвета имеет многовековую историю, которая берёт своё начало от первых династий китайских императоров: Яньди (炎帝 — *Огненный император* — общий употребительный термин для многих ранних лидеров китайского племени. Этот период датируется между 6000 и 5500 лет назад или 2000-3000 гг. до н. э.

— легендарная династия, потомки Шэньнуна 神农) и Хуанди (黄帝— Жёлтый император — 2711 г. до н.э - 2597 г. до н.э.) [张清常 1991]. Считается, что китайская нация происходит от Жёлтого императора, чем и объясняется жёлтый цвет кожи его потомков, которых в силу этого называют хуан чжон жэн — жёлтой расой (黄种人), а всю страну (Китай) — хуан туди — жёлтой землей (黄土地).

В китайской культуре иероглиф 黄 (хуан) в процессе развития нации претерпевал определенные трансформации (слева → направо):

а) Стиль 甲骨文 (Цзягувэнь): данный иероглиф получен посредством объединения символов (箭竿) дословно — стрела и — мишень (центр). Сам иероглиф обозначал стрелу пронзающую мишень. Чтобы лучше видеть центр мишени (цель), его мазали землёй.

б) Стиль 甲骨文 (Цзягувэнь). В мишени добавлена горизонтальная линия , подчеркивающая центр мишени (попасть в яблочко или в центр).

в) Стиль 甲骨文 (Цзягувэнь). В иероглиф добавляется знак , чтобы отличить его от схожего символа .

г) Стиль 金文(Цзиньвэнь). Изменена верхняя часть иероглифа .

д) Стиль 金文(Цзиньвэнь). Произошла замена символов на (форма которого похожа на огонь), получен новый иероглиф .

е) Стиль 隶书 (Лишу). Современная интерпретация иероглифа 黄.

Смысл приведенных на рисунках (а, б, в ... е) надписей раскрывается в выражении, суть которого в следующем:

中原土地的颜色 (джун юэн туди дые ен сыя)		
中原 (джун юэн)	土地 (туди)	说明 (шо мин)
1) центральная равнина, середина равнины 2) Чжуньюань (историческая область, в широком смысле весь бассейн Хуанхэ, в узком - окрестности Хэнань) 3) обр. Китай	1) земля; грунт; почва; участок земли; земельная площадь 2) территория (напр., страны) 3) качество почвы и расположение участка 4) правильное использование земли (обработка, выбор культур, орошение, севооборот и т. д.) миф. 5) дух земли.	1) цвет; [внешний] вид 2) краски, окраска, тон, колорит; 3) краситель, пигмент

[<https://bkrs.info/slovo.php?ch=中原土地的颜色>]

Таким образом, *жёлтый* символизирует Центр мира, Поднебесную империю. *Желтый* — это обозначение элемента "Земля", обладающего свойствами плодородия. Указывая на Поднебесную и землю, жёлтый цвет символизирует стабильность, опору, закон, успех и вечность [刘钧杰, 1985: 1-7]. Наряду с этим, формирование и становление китайского этноса связано с бассейном протекающей по жёлтой земле реки Хуанхэ (黄河 — жёлтая река) — великой реки Китая, которую китайцы с любовью называют «наша мать-река». В Китае *желтый* цвет и по сей день остается священным и является

символом императорской власти [Турбина, Лю, 2018]. На Руси *жёлтый* цвет воспринимался как *златовидный*, а золото — как *световидное*. Блеск золота вполне естественно воспринимался с древнейших времен как *светоносность*, как застывший солнечный свет, потому что у древнего человека солнце — это Царь и Бог, отсюда вытекает высокая символическая значимость золота. Свое наибольшее распространение *жёлтый цвет* 黄色 получает вслед за *красным*.

Тем не менее, символика *жёлтого* цвета в китайской и русской культурах двойственна и может символизировать, наряду с положительными значениями, отрицательные:

- 黄泉 (*хуан чуан*) дословно — загробный мир, в данном словосочетании жёлтый цвет символизирует смерть;

- 黄鹤 (*хуан хэ*) дословно — жёлтый журавль, символ бессмертия.

Двойственность и парадоксальность *жёлтого* обусловлены прежде всего тем, что дискурсивные значения лексем с корнями *желт-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黄 (*хуан*), в китайском языке формируются, как правило, приращением метафорических и символических значений зачастую по преимуществу нецветового характера.

Таким образом, этимологически прилагательное *жёлтый* в русском и китайском языках имеет семантическую связь:

- со значением *тусклого (мутного), зелено-жёлтого* цвета;
- со словом *желчь*, включая его переносные значения *раздраженное состояние, гнев*;
- с цветovým прилагательным *золотой*;
- со словами, содержащими сему *блестеть, сверкать*, включая слова *рассвет, заря* [Слёзкина, 2005; Турбина, Лю, 2018].

Перечисленные значения определили лингвокультурную коннотацию лексем с корнем *желт-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黄 (*хуан*), в китайском языке, где наряду с архисемой *цвет солнца, яичного желтка* — один из основных цветов спектра (нейтральное значение),

обозначилась оппозиция '*жётый яркий, блестящий, тёплый*' ↔ '*жёлтый тусклый (мутный), бледный, холодный*', с положительными и с отрицательными значениями соответственно. В силу этимологического родства цветковых прилагательных *жёлтый* и *золотой* последнее входит в лексико-семантическое поле цветовой палитры «жёлтый» как *жёлтый блестящий*, где по признаку *яркий* занимает центральную позицию среди лексем с положительными прямыми, метафорическими и символическими значениями:

(+) яркий (блестящий, тёплый)	← <i>жёлтый</i> →	тусклый (-) (мутный, холодный)
[Турбина, Лю, 2018]		

Положительная лингвокультурная коннотация

В китайской лингвокультуре, в сравнении с русской, *жёлтый цвет* имеет ярко выраженную положительную коннотацию и представляет гораздо более значимую ценность. Почётным *жёлтый* цвет считается в Китае и благодаря тому, что он символизирует одну из пяти стихий, а именно землю — центр пяти направлений, что придает ему значение государственности и возводит в ранг основного отличительного цвета императорской власти в Китае, являющегося символом достоинства и мощи подобной солнцу [詹人凤 1997]. *Жёлтый* символизирует *мудрость, цивилизацию* и *благоприятные перспективы*, так как является цветом Будды. *Жёлтый* — духовный цвет буддизма. Так, например, буддийские монахи носят шафранно-жёлтые одежды как знак стремления к свету и просветлению [李红印, 2004]. В древности *жёлтый* всегда был исключительным цветом императора, только император мог носить *黄袍 (хуан пао)* — *жёлтый халат* (с изображением дракона). Простые же люди и подданные не имели права одеваться в *жёлтое*:
 - «... на почетном месте увидели самого государя. Он был одет во всё *жёлтое*» [Ли Жу-чжень, 1959: 336].

- *黄袍加身* (*хуан пао тиа шен*) дословно — надеть на себя жёлтый халат, обозначало — стать императором. При этом императоры жили в *жёлтых* дворцах, ходили по *жёлтым* дорожкам, ездили в *жёлтых* императорских повозках:

- *«И только тогда появились восемь евнухов, которые чинно и важно шествуя, несли на плечах расшитый фениксами светло-желтый императорский паланкин с позолоченным верхом»*

[Цао Сюэ-цин, 1959: 245];

- *皇榜* (*хуан пан*) дословно — жёлтое (императорское) объявление — это высочайший манифест императора;

- *黄马褂* (*хуан ма гуа*) дословно — жёлтое пальто, которое надевалось поверх китайского халата.

- *«Всем бросился в глаза человек с огромным желтым зонтом...»*

[Ли Жу-чжень, 1959: 333].

Жёлтый зонт — атрибут власти правителя области.

В китайской лингвокультуре лексема, обозначенная иероглифом *黄* (*хуан*), актуализировалась со словами *благоприятный, счастливый*, что обусловлено появлением *黄历* (*хуан ли*) — жёлтого календаря. Его создателем, как известно из китайской истории, был император *Хуанди* (упоминалось выше) в честь которого и появилось выражение *黄历* (*хуан ли*) — жёлтый календарь, созданный на основе Китайского лунного календаря. В нём отмечались даты благоприятных дней (например, свадьба и т.п.). Появление данного календаря способствовало и формированию выражений с использованием *黄* (*хуан*), например, для обозначения дня, который соответствовал важному делу:

- *黄道吉日* (*хуан дао ди жы*) дословно — назывался *счастливым* днём.

- *«На лбу появилось желтое пятнышко — знак того, что скоро тебе будет счастливое знамение»*

[У цзин-цзы, 1959: 204].

Подобные дискурсивные значения раскрываются и в творчестве русских писателей, например, А.С. Пушкин в Послании к Юдину писал:

- ...*Минуты счастья золотые*
Пускай мне Клофо не совет;
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемогнее поэт

[Пушкин, 1959-1962].

С другой стороны, *жёлтый* — это по сути цвет вечности, подобно тому, как вечным металлом почитается *золото* (золото и по сегодняшний день остается одним из драгоценных металлов). Именно с точки зрения вечности обусловлено присутствие *жёлтого* цвета и металла *золота* в христианской традиции. Поэтому лексема *золотой* в русском языке актуализируется в значениях *благородный*, *божественный* и *императорский*. Так, например, *золотая* мантия и *золотой* крест является неотъемлемыми атрибутами священнических облачений. При этом *золотой* является основным цветом в христианской иконописи [Никольский, 2013]. *Золотой* также был и основным цветом символики царской власти. Например, с фотографии из Коронационной книги Александра II (1856 г): Мантия, Держава, Скипетр, Императорские короны, Бриллиантовый знак на цепи и звезда ордена Апостола Андрея Первозванного, государственное знамя, большая государственная печать, вензеля, аграф и золочёный меч. *Золотым* также предстает и *Двуглавый орёл* — Государственный герб России [Пчелов, 2002].

В китайской культуре *жёлтый* является одним из основных цветов, имеющих место на государственном флаге. Государственный флаг является ярко-красным полотнищем с пятью золотисто-жёлтыми звездами, которые находятся в левом верхнем углу. Одна звезда больше по размеру, чем другие, и символизирует коммунистическую партию Китая (КПК), другие четыре звезды символизируют представителей китайского народа. Государственный флаг Китая символизирует то, что китайский народ способен преодолеть все трудности, победить всех врагов и отбить нападение любого захватчика, а

также готов успешно строить новую жизнь под руководством коммунистической партии Китая.

Золотой 金 (тин) — значит ослепительный, ценный, почетный. Подобные дискурсивные значения актуализируются в силу того, что *жёлтый* — цвет золота, а золото — драгоценный металл. Это и способствовало формированию выражений по преимуществу нецветового характера с лексемами, обозначенными иероглифами 黄 (хаун) и 金 (тин):

- 黄金时间 (хаун тин ши диан) дословно — золотое время (ценное, самое подходящее);

- 黄金周 (хаун тин джоу) дословно — золотая неделя, выходная неделя (нерабочее время в Китае — это первая неделя мая и первая неделя октября).

- 黄金时代 (хаун тин ши дэй) или — золотой век (период полного расцвета в политике, экономике, культуре). Про *золотое время* — про молодость (аналогично и в русском языке);

с лексемами, обозначенными иероглифом 金 (тин) — **золотой**:

- 金碧辉煌 (цзинбин хуэй хуан) дословно — блеск и великолепие;

- 一诺千金 (и но тиан тин) дословно — одно обещание — тысяча золотых, по аналогии и в русском языке — «*обещание дороже денег*»;

- 一寸光阴一寸金 (и цун гян инь и цун тин) дословно — один дюйм времени, один дюйм золота. В русском языке — «*время – деньги*» — дорожить каждой минутой. Подобное дискурсивное значение раскрывается в русской поэзии, так, например, А.С. Пушкин в "Воспоминания в Царском селе" писал:

- ... *Края Москвы, края родные,*

Где на заре цветущих лет

Часы беспечности я тратил золотые,

Не зная горестей и бед

[Пушкин, 1959-1962].

- 金口玉言 (цзин коу юо юэнь) дословно — золотые уста и яшмовые речи.

В древности это были слова императора, а сегодня — это обозначает не изменять сказанному;

- 金玉良言 (тин юй лян ян) дословно — ценный совет;

- «На каждой бутылочке были наклеены жёлтые этикетки ...видимо, это очень дорогая эссенция! ... — Это подарок государя...— Разве ты не видишь, что этикетка желтая? Так что храни эту эссенцию ... и не расходуй ее зря» [Цао Сюэ-цин: 465];

Лексема 黄 (хаун) — золотой, актуализируется в значении богатый в следующем выражении:

- 飞黄腾达 (фэй хуан тен да) дословно — 飞黄 (фэй хуан) переводится как легендарный (волшебный) конь, 腾达 (тен да) — высоко скакнуть; то есть — сделать стремительную карьеру, быстро пойти в гору, получить важную должность, преуспеть, быстрое продвижение в чинах и званиях.

- «Разве у вас нет разницы между знатными и простыми людьми? — По нашим обычаям, — ответил старик, — все, от императора до простого народа, хоть и носят шапки и одежду ученых, но по цвету и качеству разные. Самым почетным считается желтый цвет...»

[Ли Жу-чжень, 1959: 216].

- «Два сияющих дня

В желтом зале ты будешь сидеть,

Вознесенный судьбою»

[У цзин-ц зы, 1959: 107].

Сидеть в желтом зале — значит находиться на службе. Служить императору — почётное звание.

Лексико-семантический потенциал жёлтого раскрывается в произведениях китайского народного творчества и олицетворяет мифических персонажей:

- «Тут они увидели, что за Куйсином появились четыре властителя пещер, совершенно необычных на вид ... в желтом управляет всеми чешуйчатыми, и зовут его бог Чешуйчатых»

[Ли Жу-чжень, 1959: 12].

Жёлтый — это также цвет осени, цвет богатства урожая, поэтому говоря о *жёлтом* мы, прежде всего, ассоциируем его с золотисто-жёлтой пшеницей, соей и жёлтым поливным рисом:

- 收获一片金黄 (*шоу хуо и пиан тин хуан*) дословно — собрать золотой урожай (хороший, богатый).

В китайском языке лексема 黄 актуализируется в значении *нереальный, сверхъестественный*. Например, в китайской культуре известна история о бедном ученом — Лу Шэне [沈既济], уснувшем в гостинице в Ханьдане. Пока для него варили кашу, ему приснилось, будто он попал в чудесную страну, женился, обзавёлся детьми, сделал карьеру и умер в возрасте 80 лет. Но когда он проснулся, то был немного в отчаянии, от того, что это был всего лишь сон. С тех пор, говоря о прекрасном (сверхъестественном) сне, лексема 黄 актуализируется в выражении:

- 黄粱美梦 (*хуан лиан мэи ман*) дословно — прекрасный, нереальный сон.

В китайском языке лексема 黄 актуализируется в значении *усердный, работать с душой*:

- 黄卷青灯 (*хуан тин чин тан*) дословно — жёлтый свиток, зеленая лампа. То есть человек старается, просвещает себя, учится, получает знания (в частности, в древности так проходила подготовка к экзаменам).

Дискурсивное значений лексем *жёлтый* в китайском языке по преимуществу нецветового характера символизирует продукцию промышленно развитых стран Юго-Восточной Азии (Тайланда, Южной Кореи и т.д.) [Бурак, 2014].

Итак, перечисленные значения определили *положительную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *желт-* в русском языке и

лексем, обозначенных иероглифом 黃 (*хаун*) в китайском языке. Тем не менее, как было отмечено ранее, символика *жёлтого* цвета в китайской и русской культурах двойственна и может иметь отрицательную лингвокультурную коннотацию. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица 8

**Положительная лингвокультурная коннотация жёлтого цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Благородный	+	+
2.	Властный	+	+
3.	Блестящий	+	+
4.	Богатый (в т.ч. урожай)	+	+
5.	Драгоценный	+	+
6.	Императорский, царский	+	+
7.	Не изменять сказанному	+	+
8.	Ценный совет	+	+
Различия			
9.	Земля (центр пяти направлений)	-	+
10.	Мудрость	-	+
11.	Раса	-	+
12.	Река	-	+
13.	Государство	-	+
14.	Благоприятное начало	-	+
15.	Прекрасный (сон)	-	+
16.	Счастливый	-	+
17.	Сверхъестественный	-	+
18.	Почётный	-	+

19.	Просвещение (учеба)	-	+
20.	Духовный (цвет буддизма)	-	+

Отрицательная лингвокультурная коннотация

Дискурсивные значения лексем с корнем *жёлт-* в русском языке ассоциируются в значении *тревога, печаль*. В первую очередь благодаря тому, что *жёлтый* — это и цвет осени, то есть время, когда увядают цветы, желтеет трава и листья, а это неизбежно ассоциируется с *грустью*, так, например, Симонов в стихотворении «Жди меня...» писал:

- *«Жди меня, и я вернусь.*

Только очень жди.

Жди, когда наводят грусть

Жёлтые дожди ...»

[Симонов, 2004].

Здесь поэт называет непрерывные мелкие дожди, которые вызывают чувство грусти — *жёлтыми* дождями.

Подобные дискурсивные значения актуализируются и в китайском языке при этом могут ассоциироваться даже со *смертью*.

- *«Жизнь моя позади,*

я до Желтых истоков дошла.

О родные мои!

Вы должны бы себя оградить

поскорей от житейского зла»

[Цао Сюэ-цин, 1958: 92].

«До Желтых истоков дошла», так автор романа *Сон в красном тереме* изображает завершение жизни, увядание, подобно осенним опавшим листьям:

- *«Грусть и тоска на душе —*

к Желтым истокам приблизился путь»

[Цао Сюэ-цин, 1958: 95].

- *人老珠黄 (жен лао джу хуан)* дословно — пожилой человек;

- 黄脸婆 (*хуан лиан по*) — пожелтевшая жемчужина.

Жёлтый цвет в русском и китайском языках может также ассоциироваться с *болезнью*. Например, цвет кожи больного, как правило, *жёлтого* цвета. В русской культуре часто можно услышать: "у него нездоровый, *жёлтый* цвет лица". В китайском языке подобное дискурсивные значения актуализируются аналогичным образом:

- «*Это все были истощенные, болезненного вида люди с желтыми, исхудалыми лицами*». [Ли Жу-чжень, 1959: 662].

- «*Лицо у нее было изжелта-бледное, а вид совершенно измученный...*» [У цзин-ц зы, 1959: 601],

- «*Она была очень хороша собой, только цвет лица у нее был землисто-желтый, а живот вздут, как барабан. Долго смотрел на нее До Цзю гун, не понимая, что это за болезнь*» [Цао Сюэ-цин, 1958: 264];

- 面黄肌瘦 (*миан хуан ти шоу*) дословно — иметь голодный и болезненный вид;

- 蜡黄 (*ла хуан*) — дословно, стать жёлтого (воскового) цвета — описание лица больного. Подобные дискурсивные значения актуализируются в значении *изможденный*, так, например, в стихотворении 醉花阴 (*цзуй хуа янь*) Ли Цин-чжао отмечает:

- 人比黄花瘦 (*жен ти хуан хуа шоу*) дословно — люди тоньше желтых цветов — описывается *изможденный* человек.

Подобные дискурсивные значения в русском языке актуализируются в названиях болезни. Например, *жёлтая вода* — глаукома, *жёлтая лихорадка*, *желтуха*.

В китайской лингвокультуре жёлтый цвет лица является также признаком *волнения* и *гнева*:

- «*Лицо Цзя Ляня, стоявшего за спиной Фын-цзе, от волнения пожелтело*» [Цао Сюэ-цин: 296];

- «*Лицо его пожелтело от злобы, глаза выкатились, брови поднялись. Никогда еще Си-жэнь не видела его в состоянии такого гнева*»

[Цао Сюэ-цин, 1958: 413].

Жёлтый цвет ассоциируется с сумасшествием. Например, больницу для душевнобольных называют *жёлтым домом*. *Жёлтый дом* — это разговорный термин, который обозначает психиатрическую лечебницу:

- «*Зорин никогда мне не признавался, что он сошёл с ума; а, напротив, уверял меня, что если доктора и смотрители жёлтого дома не безумные, так по одному упрямству и злобе не хотят видеть, что у него вместо правой ноги отличная гитара*» [Загоскин, 1834].

Стены в психиатрических лечебницах всегда красили, как правило, в *жёлтый* цвет. Считается, что этот цвет является *успокаивающим* для пациентов.

Дискурсивные значения лексем к корнем *желт-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黃 в китайском языке, актуализируются в значении *подлый, продажный, предательский, вздорный*:

- «*жёлтый профсоюз*» — это профсоюз, который идёт на компромисс с капиталистами;

- «*жёлтая пресса*» — это беспринципная пресса, в которой печатаются только бульварные новости, гонится за сенсациями, сплетнями;

- *黄皮书* (*хуан пи шу*) или *黄色刊物* (*хуан сы кан ву*) дословно — жёлтая книга или жёлтая пресса (литература непристойного характера в Китайской культуре находится по настоящее время под официальным запретом партии);

- «*жёлтый билет*» — паспорт на *жёлтом* бланке, который официально выдавался в дореволюционное время (перед 1917-ым годом) представительницам с низкой социальной ответственностью (проституткам).

Подобные дискурсивные значения происходят от комикса «*The Yellow Kid*» который печатался в 1894 - 1898 годах в газетах «*New York World*». Интересный факт, что Джозеф Пулитцер, ставший пионером в желтой журналистики, смог захватить внимание читателей. Под его руководством

выходила газета с ежедневным тиражом в один миллион штук. По другой версии, название пошло от оттенка низкокачественной дешёвой бумаги, на которой печатались низкопробные издания.

В христианской символике *жёлтый* цвет принято считать символом *измены, обмана, разлуки и ревности*. Иуда Искариот — один из двенадцати апостолов, предал Иисуса за тридцать серебряников. Как известно в это время Иуда Искариот был облачен в жёлтое одеяние, в силу чего, жёлтый цвет стал сопоставляться в значении *пренебрежение, предательство* [Груббар, 2011: 25]. *Жёлтые* цветы имеют особое коннотативное значение для русских: считается, что *жёлтые* цветы символизирует *измену, ревность и разлуку*. Однако актуализация лексемы в данном значении была позаимствована из одной восточной легенды, в которой говорится, что *красные* розы разоблачили неверную жену некоего пророка, *пожелтев* прямо у неё в руках [Матназаров, 2015: 1496]. Она повествовала о том, что когда в 612-ом году *Мохаммед* отправился на войну с израильтянами, его молодая жена *Айша* дала клятву, что даже не посмотрит в сторону другого мужчины. Но её сердце слабо. Молодой перс увлёк жену пророка. Царедворцы говорили ему о том, что его жена изменила ему, но Мохаммед не верил. Для доказательства муж приказал бросить в дворцовый фонтан алую розу. Если цвет розы поменяет цвет, то подтвердится факт измены. С тех пор жёлтые розы символизируют измену. Поэтому дарить *жёлтые* цветы в русской культуре не полагается, особенно влюбленным.

Лексико-семантический потенциал подобных дискурсивных значений раскрывается в творчестве Ю. Гвоздарёва:

- «Уже в далёкое время он имел символический смысл измены. Да и в наше время жёлтые цветы символизируют разлуку, измену»

[Гвоздарев, 1988: 125].

В азбуке цветов России *жёлтые* цветы имеют много символических значений, несущих, прежде всего отрицательную лингвокультурную коннотацию:

- жёлтая гвоздика символизирует *я разочаруюсь в тебе*;
- жёлтая лилия — *легкомысленный, обманчивый*;
- жёлтая акация — *любовь "изгладилась"*.

В китайском языке дискурсивные значения лексем, обозначенных иероглифом 黄 (хуан), актуализируются со словами *слабый, молодой, сопливый*:

- 黄毛丫头 (*хуан мао йя тоу*) дословно — сопливая девчонка. Этим выражением описывается молодая незрелая девочка;

- 黄口小儿 (*хуан коу сяо ер*) дословно — желторотый юнец. Подобное дискурсивное значение способствовало формированию выражения:

- 黄花闺女 (*хуан хуа гуэй ньюй*) дословно — жёлтый цветок или незамужняя.

- «*потерпеть неудачу*». Данное значение встречается в разговорном языке, например, 事儿黄了 (*ши хуан лыа*) — дословно обозначает провалить дело.

Прилагательное *жёлтый* в русском и китайском языках символизирует *предупреждение*. Например, *жёлтый* цвет светофора предупреждает о наступающем прекращении движения, а во время футбольных матчей *жёлтой* карточкой судья предупреждает игрока о грубом нарушении правил игры.

В китайском языке дискурсивные значения лексем с иероглифом 黄 (*хуан*) актуализируются в значении *пустой*:

- 信口雌黄 (*син коу си хуан*) дословно — пустые обещания.

В китайской поэзии *жёлтый* актуализируется в значении *безжизненный, унылый* подобно тому, как увядает осенняя листва:

- 金井边的梧桐秋叶渐黄，珠帘不卷可知夜里飞霜。
熏笼玉枕有如容颜憔悴，静卧愁听南宫漏声悠长。

Дословно — осенние листья китайского "зонтичного" дерева становятся желтыми, когда стоишь возле резной чаши, даже за закрытыми шторами, чувствуется ночной туман. Красавица увядает возле подушки с нефритом и

рамами над жаровней (системы древнего отопления) во дворце в комнате императора. Девушка лишена молодости, свободы и счастья, в одиночестве слушает, как проходит её время. Это бессонная ночная ситуация из трагической жизни девушки.

Перечисленные дискурсивные значения определили *отрицательную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *желт-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黄 (*хаун*) в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица 9

**Отрицательная лингвокультурная коннотация жёлтого цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Грусть	+	+
2.	Болезнь	+	+
3.	Непристойный	+	+
4.	Слабый, молодой, сопливый	+	+
5.	Предупреждение	+	+
6.	Неудача (провалить дело)	+	+
Различия			
7.	Сумасшествие	+	-
8.	Подлый, предательский	+	-
9.	Измена, ревность	+	-
10.	Низкий (кас. соц. ответственности)	+	-
11.	Легкомысленный	+	-
12.	Символ смерти / бессмертия	-	+
13.	Изможденный	-	+
14.	Неудача	-	+
15.	Пустой	-	+

При анализе лингвокультурной коннотации лексем с корнями *жел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 黄 (*хаун*) и 金 (*тин*) в китайском языке осуществлено ранжирование значений по сходству и различию, а также по положительному и отрицательному признаку (данные значения приведены в таблицах №№ 7, 8). Результаты исследования представлены в виде круговых диаграмм на следующем рисунке.

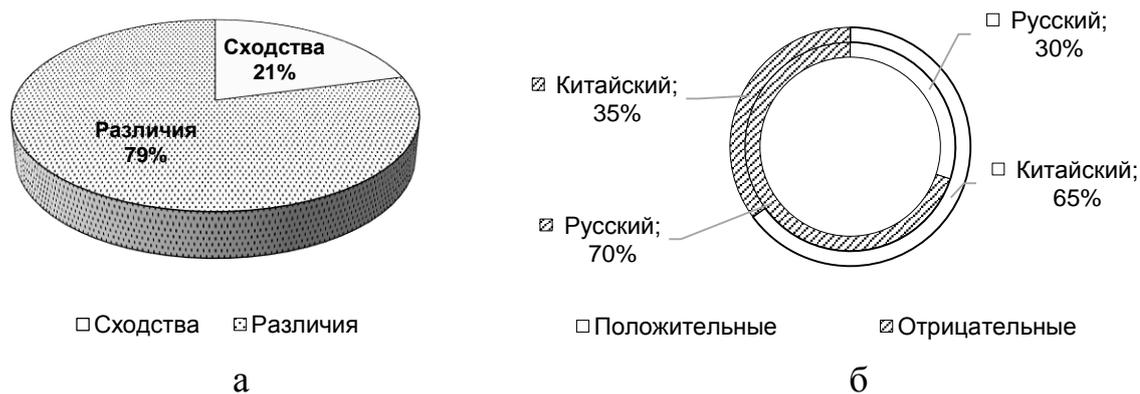

Рис. 5. Результаты анализа лингвокультурных коннотаций *жёлтого цвета* в русском и китайском языках:

а – сходства / различия; б – положительные / отрицательные

В силу этимологического родства цветочных прилагательных *жёлтый* и *зеленый* последнее вносит в именованную цветовую палитру «жёлтый» бледные жёлто-зеленые тона, которые по признаку *холодный тусклый (мутный)* составляют оппозицию *ярким золотым* тонам, а для вербализующих их словесных знаков характерна отрицательная лингвокультурная коннотация.

На участке вектора *жёлтый* → *жёлтый (жёлто-зеленый) тусклый* вертикальными сечениями показано расширение возможностей отрицательной лингвокультурной коннотации жёлтого цвета при речевой актуализации цветочных слов *жёлтый, желтизна, желтеть (пожелтеть)* с приращением переносных метафорических и символических значений.

В лингвокультуре русского языка лексемы с корнями, восходящими к индоевропейскому корню **ghel-*, (корни *желт-, золот-, зелен-*), в жёлтом цветовом спектре отображают явную положительную коннотацию только

лексем с корнем *золот-*. Лексемы с корнем *желт-* имеют либо нейтральную (с прямым значением), либо отрицательную коннотацию, а лексем с корнем *зелен-* — ярко выраженную отрицательную коннотацию. Примечательно, что если десигнат речевого знака — «золото как металл, деньги» — включает негативный компонент смысла, то его десигнатором становится лексема с корнем *желт-*, ср.: *жёлтый металл (золото), жёлтый дьявол (деньги)*. В русском языке речевые значения лексем с корнем *желт-* определяются этимологией и несут в себе по преимуществу отрицательную лингвокультурную коннотацию, обусловленную ассоциациями с бледными мутно-жёлтыми и зелено-жёлтыми оттенками, за исключением тех случаев, когда данные лексем обозначают «жёлтый» как один из основных цветов спектра и не имеют в своей семантике метафорических и символических приращений. Если десигнат цветового слова, соотносимого с желтым спектром, включает положительную оценку, его десигнатором становится не *жёлтый*, а *золотой* [Турбина, Лю, 2018].

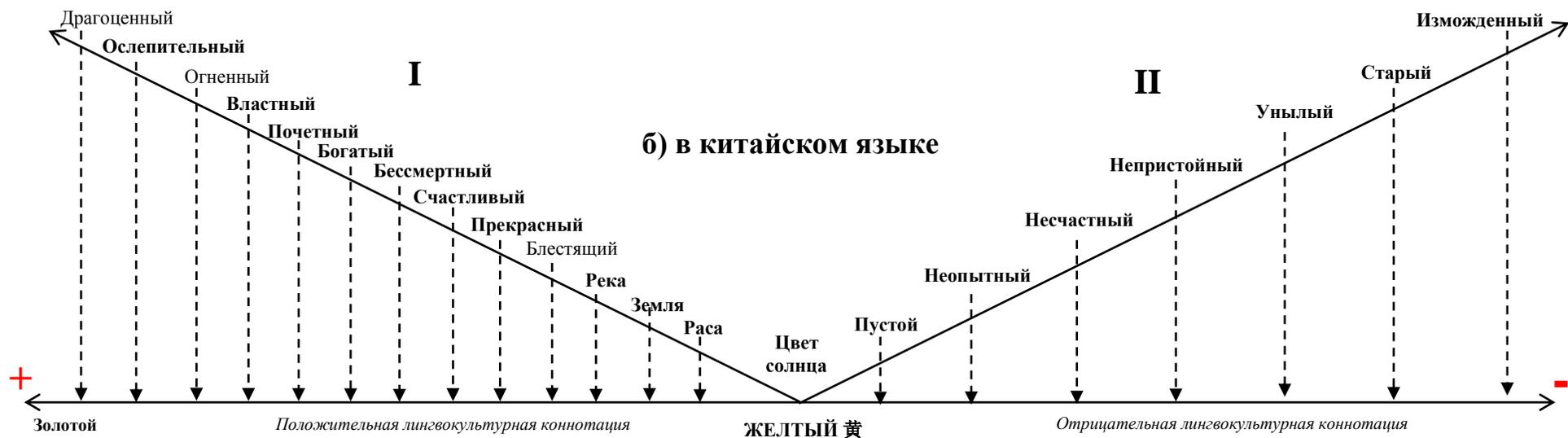
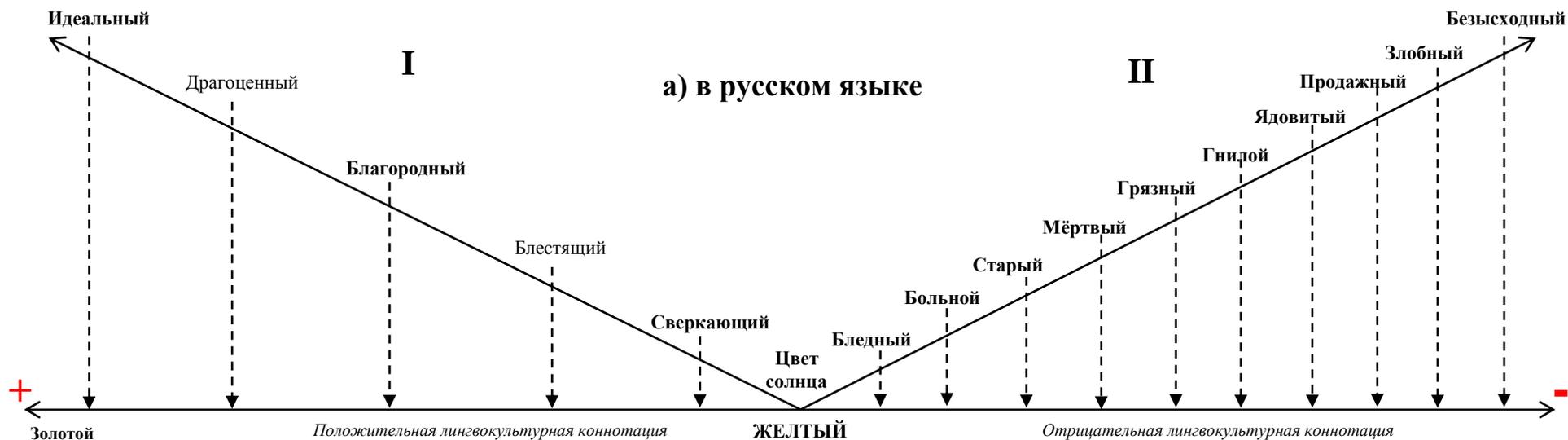
В лингвокультуре китайского языка для усиления в речевом значении положительной коннотации используется одновременное употребление цветковых слов 黄 и 金 (*жёлтый* и *золотой*). Однако несмотря на то что в китайской культуре жёлтый цвет заметно более отмечен почтением, чем в русской, отрицательные метафорические и символические значения, хотя и в меньшем количестве, но всё же имеются. Они, как и в русской лингвокультуре, основаны на ассоциациях с *тусклыми (мутными), бледными, холодными* оттенками в жёлтой цветовой гамме.

Таким образом, лингвокультурная коннотация желтого цвета в русском и китайском языках имеет больше различий, чем сходств: в китайской культуре жёлтый цвет традиционно имеет национальную ценность на государственном уровне, в силу чего в китайском языке 黄 (жёлтый как один из основных цветов спектра) имеет больше положительных значений, а 金 (золотой) и 黄 (желтый) являются синонимами и взаимозаменяемы. В целях

усиления положительного значения в речи они могут употребляться вместе, дополняя друг друга. Отрицательная коннотация жёлтого цвета не свойственна китайской культуре и связана в основном с бледными и тусклыми оттенками жёлтого.

Формирование положительных и отрицательных значений можно показать также с помощью векторного анализа. На участках вектора *жёлтый* → *яркий, блестящий, тёплый* (+) и *жёлтый* → *тусклый, мутный, холодный* (-) вертикальными сечениями показано расширение возможностей *положительной* и *отрицательной* лингвокультурной коннотации *жёлтого* цвета при речевой актуализации цветových слов с приращением переносных метафорических и символических значений в русском и китайском языках. На участке **I** тензора показано расширение возможностей *положительной* лингвокультурной коннотации *жёлтого* цвета в русском и китайском языках, а на участке **II** — *отрицательной*.

Расширение возможностей положительной и отрицательной лингвокультурной коннотации *жёлтого цвета* при речевой актуализации цветочных слов с приращением переносных метафорических и символических значений:

2.5 Лингвокультурная коннотация зелёного цвета в русском и китайском языках

Лингвокультурная коннотация определяет дискурсивное значение лексем с архисемой "зеленый" то есть слов с корнями *зел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 绿 (*люй*), в китайском языке.

Согласно дефиниции этимологического словаря русского языка Г.А. Крылова, прилагательное *зелёный* образуется от праславянского корня **zelb-*, давшего основную ветвь в развитии цветообозначения *зелёный* в русском языке. Тем не менее, данный корень является последователем в развитии системы цветообозначений, т.к. первоначально восходит к индоевропейскому корню **ghel-*, давшему основу образования прилагательного *жёлтый* [Нечипуренко 1988: 57]. Поэтому прилагательное *зелёный* является этимологически родственным прилагательному *жёлтый*. В родственных славянских языках корень *zelenъ-* употребляется в значении цвета растений.

Иероглиф 绿 (*люй*) претерпевал определенные трансформации в написании (слева → направо):

Эволюция стилей письма иероглифа 绿 в китайском языке:

- а) Стиль 甲骨文 (Цзягувэнь): = (糸, 丝品 — шёлковое изделие) + (录, 井水 — колодезная вода) .
- б) Стиль 篆书 (Чжуаньшу): происходит замена обеих частей иероглифа, левая часть меняется на , а правая на . В итоге образуется новый иероглиф .
- в) Стиль 楷书 (Кайшу): современная интерпретация иероглифа 绿.

Следует отметить, что левые части иероглифов 绿 (зелёный) и 红 (красный) идентичны и связаны с технологией изготовления шёлка.

Смысл приведенных на рисунках (а-в) иероглифов раскрывается в следующих выражениях:

- 绿, 被染成井水色即青中带黄的丝帛 (люй, бэй жан чен дин шуй сы ди чин жон дай хуан да си бо) дословно — зелёный, шёлковое изделие окрашено в цвет колодезной воды, т.е. цвет ярко-синий (зелёный) с желтоватым оттенком [白话版《说文解字》];

- 绿, 丝帛呈青黄色 [蓝色与黄色调和的颜色] (люй, сы бо чен тин хаун сы [лан сы хуан сыюнхансы тиаха да енсы]) дословно — зелёный, шёлковое изделие окрашено в цвет колодезной воды [цвет смешения синего и жёлтого] [白话版《说文解字》].

Итак, в ходе проведенного анализа следует, что лексема с иероглифом 绿 сопоставляется в значении цвета колодезной воды — в китайском языке, в свою очередь лексема с корнем *зел-* — с цветом растений в русском языке. В русском языке наиболее полно лексемы с корнем *зел-* представлены в «Большом толковом словаре русского языка»: *зелёный* — это один из основных цветов солнечного спектра, находящийся между жёлтым и голубым; это цвет травы, весны, зелени; связанный с насаждением растительности; состоящий из свежей зелени; приготовленный из свежей травянистой части съедобных растений [БТС, 1998]. По мнению Мишеля Пастуро, помимо основного цвета природы, *зелёный* — это цвет свободы, здоровья, гигиены, спорта и экологии [Пастуро, 2018: 7].

Зелёный в цветовой палитре — это срединный цвет — посредник между теплом и холодом, "верхом" и "низом", так как равноудален от ярко-красного (огненного) раскаленного ядра Земли и чистого синего неба [БТС, 1998]. *Зелёный* — это ободряющий и освежающий цвет. Поэтому *зелёный* — это прежде всего цвет весны, времени, когда пробуждается природа, распускаются растения и мир насыщается зелёными красками. Большинство районов Китая расположены в умеренном климате, где каждое время года ассоциируется с цветом: *весна* — с *зелёным*, *лето* — с *красным*, *осень* — с *жёлтым*, *зима* — с

белым цветом. *Зелёный* — это цвет очистительных вод так же, как и красный — цвет огня [Пустаро, 2017]. В этот период времени без преувеличения чувствуешь оживающую жизнь. Так, например, сам процесс жизни зарождается в красном и достигает своего цветущего состояния в *зелёном* [там же]. В этой цветовой символике можно увидеть значение взаимной дополнительности полов, то есть мужчина оплодотворяет женщину, а женщина вскармливает ребёнка и кормит мужчину. Так, например, согласно китайской философии мужское — это импульсивное, центробежное и красное. А женское — это рефлексивное, стремящееся к центру и *зелёное* [姚小平, 1988]. В этом состоит равновесие микрокосма человека и макрокосма природы. В то же время *зелёный* цвет проводит человека через полный цикл от первых ростков весны до финального увядания и разложения, в данном случае речь идет о зелено-желтом цвете, несущем в себе негативный диапазон значений, — *неприятный, гниющий*.

Следовательно, символика *зелёного* цвета формирует два начала которые определяют, с одной стороны, *положительную* лингвокультурную коннотацию (зелёный, насыщенный), а с другой стороны — *отрицательную* лингвокультурную коннотацию (зелено-желтый, увядающий):

(+) зелёный (насыщенный)	← <i>зелёный</i> →	зелено-желтый (–) (увядающий)
-----------------------------	--------------------	----------------------------------

Близкие к нейтральным прямые дискурсивные значения лексем с архисемой "зелёный" — слов с корнями *зел-* в русском языке и обозначенных иероглифом 绿 (*люй*) в китайском языке, ассоциируются, как было отмечено ранее, с цветом *травы, растений, весны* [БТС, 1998]. Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях:

- 绿肥红瘦 (*люфэй хоншоу*) дословно — густо-зелёный лес;
- 绿草如茵 花红柳绿 (*люйцао руин хаохонлюйю*) — густо-зелёная, зелёная трава и листья;

- зелёные деревья — 绿树 (люй шу);
- зелёная трава — 绿草 (люй цао);
- зелёная листва — 绿草 (люй е).

Положительная лингвокультурная коннотация

В китайском языке **зелёный** ассоциируется с бамбуком. Бамбук прорастает исключительно на юге, в более мягком климате. В глубокой древности люди для письма использовали бамбуковые дощечки, процесс изготовления которых включал много операций, одна из которых называлась:

- 杀青 (ша чин) дословно — высушить воду, и зелёный бамбук превратится в жёлтый [马红超, 2010: 3-7].

Со временем люди стали этот последний этап связывать с окончанием рабочей деятельности:

- 名留青史 (мин люй чин ши) дословно — прославить (запечатлеть) своё имя в истории [там же: 3-7].

В древнем Китае цвет соотносился со временем года. Например, одежду *зелёных* тонов надевали во время встречи весны, а сама церемония проходила на *восточной* стороне города [Ли Хунинь, 2007: 6]. *Зелёный* цвет успокаивает зрение после длительного контакта с красным, а через зрение — чувство и разум. В христианской символике *зелёный* это возрождающий цвет святого духа — *цвет надежды*. В русской иконописи *зелёный* символизирует вечную жизнь и вечное цветение. В сакральных символах *зелёный* — это символ земной жизни Христа и святых. В китайской культуре лексема *зеленый* актуализируется в дискурсивных значениях — весна, дерево, Юпитер, Зеленый дракон [Цзинь Фунянь, 2003: 26]. В китайской мифологии Чин-лун — Зеленый дракон является стражем Востока. Это страшное с виду зелёное чудовище на самом деле чрезвычайно благожелательно к людям. Зелёный цвет Чин-луна является олицетворением весны, в силу чего лексемы с корнем *зел* и обозначенные иероглифом 绿 (люй), актуализируются в дискурсивных значениях *спокойный, умиротворяющий*.

Легенда, излагаемая в *Летописи династии Цзинь*, гласит о том, что Го Пу, известный даосский комментатор и ученый, получил в молодости от своего учителя *зелёный мешок* с книгами по медицине, гаданию, астрономии и другим отраслям наук, из которых он и почерпнул свои обширные знания [Лу Жу-Чжень, 1959: 778]. Следует отметить, что и по сегодняшний день *зелёный* является основным цветом фармацевтов, разрабатывающих лекарства: вывески аптек чаще всего окрашены в зелёные тона, то есть в данном случае *зелёный* — это цвет здоровья. Кроме этого, к целебным свойствам *зелёного* цвета часто прибегали люди тех профессий, которые требуют сильного напряжения зрения: гравёры, скульпторы, офисные работники. Поэтому *зелёный* цвет ввиду своих особых целебных свойств и по сей день имеет широкое распространение в обеих культурах. Так, например, в русской культуре *зелёная* яшма является камнем жизни и здоровья, оберегом для матерей и младенцев, развивает силу предвидения и исцеляет [Вуайо, 2001]. Говоря о целебных свойствах, необходимо отметить и *綠茶 (люй ча)* — *зелёный* чай. Поднебесную принято считать родиной чайной камелии: здесь чай стали пить более 4 тысячи лет назад. Говоря слово *茶*, китайцы имеют в виду именно зелёный чай. Китай является основным мировым поставщиком элитных и редких зелёных сортов, а четыре зелёных чая входят в знаменитую десятку лучших китайских сортов [姚小平, 1988].

Зелёный — это также символ красоты, подобной той, которую весна привносит в наш мир. Так, например, в китайском народном творчестве о красоте *зелёного* упоминается в следующих строчках:

- «*А там, за рекой, в чьем-то подернутом **зеленоватой** дымкой поместье взмывают среди тополей качели. Да, до чего ж в самом деле прекрасна весна!*» [Цзин Пин-мэй, 2016: 164];

«— *Для того чтобы полностью отразить красоту этого места; его следовало бы назвать аромат роз среди **зелени** яшмы, — ответил Бао-юй*»

[Цао Сюэ-цин, 1958: 238].

В русском языке завораживающая красота *зелёного* подчеркнута в выражении:

- «*зелёные глаза*» — значит красивые, пленительные глаза.

Говоря о профессиях, следует также отметить, что в Китайской культуре лексема *зелёный* 绿 символизирует *социальные службы*. Например, неотъемлемым атрибутом почтового автомобиля, почтового ящика и формы почтальонов является *зелёный* цвет:

- 绿色天使 (люй сы тьян ши) дословно — «*зелёный ангел*» (о почтальонах).

- 绿色服务 (люй сы фу ву) дословно — *зелёная служба* (служба социального обеспечения или общественного благосостояния).

Подобные дискурсивные значения в русском языке не встречаются.

Зелёный в обоих языках выступает символом растений и охраны природы. Близкие к нейтральному дискурсивные значения лексем, обозначенных иероглифом 绿 (люй) в китайском языке и лексем с корнями *зел-* в русском языке актуализируются в выражениях:

- «*зелёный друг*» — символизирует дерево;

- «*зелёное золото*», «*зелёное море*», «*зелёный океан*», «*зелёная кладовая*» и «*зелёная нива*» — всё это символизирует лес;

- «*зелёная аптека*» — символизирует лекарственные растения.

- 绿色产业 (люй сы чай ей) — экологически чистое производство;

- 绿色消费 (люй сы сяо фэй) — экологически чистые продукты.

Семантические ассоциации создают риторические связи между «*зелёным*» и «*защитой окружающей среды*». Представители китайской культуры с особым трепетом относятся к природе и всему тому, что прорастает на Земле. Например, в китайской культуре есть верования по поводу того, что если стать свидетелем цветения *циннан*, то это предвещает просвещение. Запечатлеть его расцвет вместе с цветами *ложу* — расцвет человеческой культуры (просвещение). Цветы *жуйшэн*, которые цветут в

течение девяти месяцев подряд, — вечное счастье нации. Цветы *маньтоло*, в свое время «падавшие с неба», когда Будда проповедовал свои ученья, — повсеместную тишь и благодать [詹人凤, 1997].

Сейчас все эти цветы являются редчайшими сокровищами, цветение которых несет в себе счастье — безмерное, как небо [Лу Жу-Чжень, 1959: 45]. Следует отметить, что китайцы в последние годы ведут активную работу по озеленению страны (идёт массовая посадка деревьев), что способствовало формированию значения лексем:

- *绿色革命* (*люй су гу мин*) дословно — *зелёная революция* (характерно и для русского языка). Изначально данная лексема относилась к продвижению сельскохозяйственных технологий. В 1960-х годах развитые страны Запада стали продвигать производство зерна и сельскохозяйственных технологий в некоторых частях Азии, что в итоге способствовало развитию данного направления в Китае. В настоящее время ведутся работы по использованию методов гибридизации, культивирования карликовых растений и растений, устойчивых к удобрениям для повышения урожайности и качества продовольственных культур.

- *绿色金库* (*люй сы дзинь ку*) дословно — *зелёное хранилище*; относится к некоторым районам южного Китая, имеющим хороший климат, способствующий росту растений, а также имеющим богатые природные ресурсы.

- *绿色耕耘* (*люй сы гун юн*) дословно — *зелёное сельское хозяйство*: учебная программа, которая трансформирует концепцию сельских учителей, повышает их профессиональный уровень и ускоряет рост подготовки специалистов для сельской местности. Так, например, Лю Синьхуа, сельский житель из деревни Пужаоси, был удостоен чести возглавить «Ассоциацию Редких Саженцев». Он один из первых, кто смог выявить их состав и ценность для здоровья человека. Чтобы стимулировать продажи этих саженцев, городское правительство построило уникальный рынок «Редких Саженцев» с

годовым объемом продаж около 10 миллионов юаней. Это способствовало формированию значения лексемы:

- *绿色银行* (*люй сы ин хан*) дословно — *зелёный банк*: редкие саженцы, которые имеют потенциальную пользу для здоровья человека могут быть преобразованы в экономическую ценность. Вследствие этого лексема с корнем *绿* (*люй*) получила дискурсивное значение *выгода, польза* [詹人凤, 1997]. В другом случае данная лексема относится к энергосберегающим проектам, направленным на продвижение инновационных продуктов и поддержку малых и средних предприятий.

- *绿色证书工程* (*люй сы чен шу гон чен*) дословно — *зелёный сертификат инженерии*, инициированный и реализованный Министерством сельского хозяйства Китая, направленный на внедрение сельскохозяйственных научно-технических достижений и повышение качества и условий труда рабочих.

- *绿色规划* (*люй сы гуй хуа*) дословно — *зелёное планирование*: комплексный и долгосрочный план развития возобновляемых источников энергии, переработанных материалов, водных ресурсов, защиты окружающей среды и борьбы с загрязнением.

- *绿色 GDP* (*люй сы GDP*) дословно — *Зелёный ВВП*: относится к созданию структуры системы учета ресурсов и окружающей среды, подходящей для региона; проведению обследований потерь загрязнения и проведению экологического учета. Это способствовало формированию лексемы:

- *绿色奥运* (*люй сы ау юй*) дословно — *Зелёная Олимпиада*. В 2008 г. Китай достиг требуемого уровня озеленения территории, а также существенно снизил уровень вредных производственных выбросов в течение времени, указанном Олимпийским комитетом, за что и был удостоен провести Международные летние Олимпийские игры в Пекине.

- 绿色屏障 (люй сы пин жан) дословно — зелёный барьер: связан с усилением строительства прибрежной лесной системы Китая и укреплением региональных проектов по экологической безопасности и устойчивости к морским стихийным бедствиям.

В современной торговле правительство-импортер стремится защищать экологическую среду, ограничивать импорт и защищать внутренний рынок. Для этой цели отводятся природоохранные законы и принимаются строгие нормы и правила, а также создаются *строгие* технические стандарты защиты окружающей среды и разрабатываются требования к упаковке продукции. Установление громоздких процедур инспекции, сертификации и их утверждения, внедрение системы экологической маркировки и наложение экологических барьеров импортируемой продукции способствовало формированию значения лексемы:

- 绿色贸易壁垒 (люй сы мау ю пи еу) дословно — зелёный торговый барьер.

В Китае очень активно продвигается программа «атмосфера зелёного роста детей», включающая три основных аспекта: содействие идеологическому и нравственному воспитанию в начальных и средних школах; добросовестное выполнение работы по семейному воспитанию и социальному воспитанию несовершеннолетних; укрепление лидерства, совершенствование механизмов идеологического и нравственного воспитания несовершеннолетних:

- 为孩子营造绿色成长氛围 (вэй хай зы юн жао лусы чен жан фэн вэй) дословно — создание атмосферы зеленого роста для ваших детей или создание здоровой и устойчивой среды для молодежи. Данное мероприятие способствовало формированию выражения:

- 惨绿少年 (кан люй шан ниан) дословно — талантливый юноша с большим будущим.

- 绿色食品 (люй сы ши пин) дословно — *зелёная еда*, соответствующая сертификации QS (Quality Safety). Содержимое и качество пищевых продуктов, упомянутое в сертификации QS, включает: мониторинг биологических и химических добавок к основному продукту, отслеживание даты и места производства, знака качества продукции и др. Подобные дискурсивные значения имеются и в русском языке.

Движение «зелёных» в русском и китайском языках — это движение, одним из основных принципов которого является борьба за гармонию человека с природой, за сохранение окружающей среды, поддержание экологического баланса, противодействие выбросам загрязняющих веществ, противодействие развитию атомной энергетики, созданию атомных электростанций и защите природных ресурсов:

- 绿色关怀 (люй сы гуан хуай) дословно — *зелёные защитники*.

- 绿色运动 (люй сы юй дон) дословно — *зелёное движение*.

Зелёный цвет в общепринятом представлении является символом *мира*. Истоки формирования подобных дискурсивных значений восходят к Библейской легенде. Согласно этой легенде Бог в наказание устроил людям потоп:

- *И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их* [Книга Бытия. Глава 6].

Бог сделал исключение только для Ноя и его семьи, предупредив того о потопе. За это время Ной успел построить ковчег таких размеров, чтобы в нем уместились многие виды животных и птиц. После свершения потопа Ной выпустил голубя с надеждой узнать, отступила ли вода. На его удивление голубь возвратился с *зелёной* оливковой ветвью. С тех пор *зелёная* оливковая ветвь стала символом *мира* (перемирия).

Зелёный — значит *безопасный*. Подобные дискурсивные значения имеют место в обеих культурах:

- 开绿灯 (кай люй дён) дословно — дать зелёный свет, то есть разрешить кому-нибудь что-либо сделать, открыть доступ. Когда на светофоре загорается зелёный цвет, пешеходы могут безопасно перейти через дорогу.

- 绿色通道 (люй сы тун дао) дословно — зелёный канал. Означает удобный, быстрый и доступный сервисный канал.

- «зелёная улица» — обозначает свободный путь на всём протяжении и без препятствий для осуществления чего-либо;

- «зелёная волна» — обозначает, что всё происходит без задержек;

- 绿色食品 (люй сэ ши пи) дословно — безопасная, полезная еда.

В русском языке лексема с корнем *зел-* раскрывается в значении *открытый*:

- «зелёный театр» — это амфитеатр под открытым небом, не просто концертная площадка, особый стиль жизни, своеобразная культурная марка. Посетители Зеленого театра — люди особые. Интеллигенты, задорные эстеты и яркие личности. Зеленый театр не только объединяет культурных единомышленников, но и предоставляет трибуну для легендарных исполнителей.

Зелёный — символизирует распространенную во всем мире американскую национальную валюту. Данное значение наиболее часто встречается в русском разговорном языке. На сленге современных россиян американские доллары называют — *зелёные, зелень*. Подобные дискурсивные значения в китайском языке не встречаются.

Зелёный в китайском языке символизирует *достижение*. Подобное дискурсивное значение раскрывается в выражении:

- 绿林好汉 (люй лий хао хэн) — сплотиться для достижения общей цели.

Перечисленные дискурсивные значения определили *положительную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *зел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 绿 (люй) в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

**Положительная лингвокультурная коннотация зелёного цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Весна	+	+
2.	Жизнь, надежда	+	+
3.	Здоровье, исцеление	+	+
4.	Красота	+	+
5.	Безопасный	+	+
6.	Благодатный	+	+
7.	Чистый	+	+
8.	Качественный	+	+
9.	Строгий (кас. требований)	+	+
10.	Защищенный (кас. окр. среды)	+	+
11.	Спокойный, умиротворяющий	+	+
12.	Ободряющий	+	+
13.	Природный	+	+
14.	Дерево	+	+
14.	Хранилище (кас. лесных насаждений)	+	+
15.	Символ мира	+	+
16.	Открытый, доступный (дать зелёный свет)	+	+
17.	Олимпиада (летняя)	+	+
Различия			
18.	Просвещение	-	+

19.	Юпитер	-	+
20.	Дракон	-	+
21.	Достижение	-	+
22.	Расцвет (нации)	-	+
23.	Выгода, польза	-	+
24.	Талант	-	+
25.	Деньги (американская валюта)	+	-
26.	Театр	+	-

Отрицательная лингвокультурная коннотация

Наряду с рассмотренными положительными значениями лингвокультурная коннотация *зелёного* цвета в русском и китайском языках имеет отрицательные значения. Например, *зелёный с желтоватым оттенком* часто ассоциируется с болезнью, тоской и неприятными сверхъестественными явлениями. Человеческая кожа бывает самых разных оттенков, но она никогда не бывает *зелёной*. Для человека грязно-зелёные создания обычно представляются скользкими и неприятными. Эти значения происходят от цвета плесени, гниющих органических веществ, злобных мифологических животных (змеи, ящерицы, аллигаторы и прочие). С другой стороны, фантасты представляют пришельцев с зеленоватой кожей. Такой *зелёный* цвет несёт в себе явную негативную символику и ассоциируется со словами *разложение, злоба, зависть, тоска, безумие*.

Так, например, в произведениях китайского народного творчества *зелёным* олицетворяют мифических персонажей:

- «Тут они увидели, что за Куйсином появились четыре властителя пещер, совершенно необычных на вид. У первого был зеленый лик и выдающиеся вперед клыки ... ведает он всеми зверями, покрытыми шерстью, является их царем; его зовут бог Зверей» [Ли Жу-чжень, 1959: 12].

Зелёный — это атрибут чужого пространства, где обитает нечистая сила. В южнославянских заговорах на «*зелёную гору*», «*зелёную траву*», «*зелёное*

дерево» изгоняются злые духи. *Зелёный* цвет характеризует персонажей народной мифологии: *зелёные* волосы у лешего, русалки, водяного; водяной *зелёного* цвета и т.д. [Забылин, 2014: 368].

С. Эйзенштейн о символике зелёного писал:

«Цвет возрождения души и мудрости, он одновременно означал моральное падение и безумие».

[Эйзенштейн, 1974]

В. Кандинский о зелёном («О духовном в искусстве»):

«...зеленое в царстве красок есть то же, что в царстве людей — буржуазия: это есть бездвижный, собою вполне довольный, со всех сторон ограниченный элемент. Оно подобно жирной, здоровенной, бездвижно лежащей корове, способной лишь к жеванию и пережевыванию и глядящей на мир глупыми, тупыми глазами».

[Кандинский, 1911]

Кандинский подчеркивал, что постоянное отсутствие движения является свойством усталых людей, и после некоторого периода времени, легко может наскучить. Поэтому картины, написанные с преобладанием *зелёных* тонов, по его мнению, передают отрицательную символику.

Аналогичная параллель может быть проведена и в китайском языке, так, например, в древнем Китае *зелёный* был цветом одежды, символизирующей средней или низкий класс чиновника, а также алчность и жадность [Ма Хунчао, 2010: 5]. В Ханской династии человек в низком положении обязательно носил *зелёный* головной платок, а в династии Мин было установлено, что девушки легкого поведения обязательно должны были носить зелёное полотенце. Подобные дискурсивные значения лексем в китайском языке актуализировались в выражениях:

- *绿帽子 (люй сы тьян ши)* дословно — зелёная шапка или рогоносец (о мужчине). "Носить зелёную шапку", обозначало, что у мужчины неверная жена. Данная ассоциация сохранилась и по сей день, вследствие чего китайских мужчин редко встретишь в головном уборе зелёного цвета.

- 看到金子, 他眼睛都绿了 (кан дао тин дзы, та яндин дао люй ла)
дословно — *при виде золота, глаза зазеленели* или *при виде золота, глаза засверкали*. В данном случае *зелёные глаза* выражаются в значении *жадный взгляд*.

- «— Ты бунтовать! — позеленев от злости, выкрикнул Цзинь Жун»

[Цао Сюэ-цин, 1958: 145].

В данном случае *зелёное лицо* обозначает *злость*.

- «...затянутые тонким зеленым шелком окна придавали всему помещению скромный вид»

[Цао Сюэ-цин, 1958: 243].

- «...ветер и луна в зелёном окне — образное выражение, символизирующее любовь девушки из бедной семьи»

[Цао Сюэ-цин, 1958: 864].

В данном случае, *зелёный* символизирует *скромность* и *бедность*.

- «Вы отдали предпочтение зелёному» — значит, полюбили презренную наложницу. Несет *уничжительный* смысл

[Ли Жу-чжень, 1959: 781];

В русском языке подобные дискурсивные значения не встречаются.

В китайском языке *зелёный* цвет иногда выражается другим иероглифом 青 (произносится *цин*) и актуализируется в значениях *злой, грубый*:

- 气得脸发青 (*ци дели фан цин*) дословно — *зеленеть от злости*;

- 绿脸 (*люй лиан*) дословно — *зелёное лицо*. В пекинской музыкальной драме 绿脸 (*зелёное лицо*) обозначает, что данный герой *опрометчивый, грубый*.

Лексемы, обозначенные иероглифом 青 (*цин*) в китайском языке, и лексемы с корнем *зел-* в русском языке актуализируются в значениях *незрелый, неопытный*. Так, например, если плоды или ягоды имеют *зелёный* цвет, то они ещё не созрели. В переносном же значении «*зелен виноград*» — означает, что человек ещё молод и неопытен:

- 青涩 (*цин сыя*) дословно — "зелёный ячмень", то есть неопытный;
- 青涩岁月 (*цин цоу суо юе*) дословно — незрелый;
- «Кутузов знал, что не надо срывать яблоко, пока оно зелено. Оно само упадёт, когда будет зрело»

[Толстой, 1863-1869];

Подобные дискурсивные значения актуализируются и в русском народном творчестве в пословицах:

- «Зелен виноград не вкусен, млад человек не искусен» — значит, ещё не достиг соответствующего возраста или не имеющий опыта.

Подобные дискурсивные значения актуализируются в выражениях: «зелёная молодёжь»; «зелёный работник»; «зелёный юнец»; «молодо-зелено»:

- «У меня там четверо, совсем зелёные комсомольцы»

[Островский, 1932];

- «Зелёная ты, Павлуха, голова! ... Чувствую я, что уж быть бычку на верёвочке. Э-хе-хе!»

[Горький, 1956: 232].

В данном примере речь идёт о человеке *неопытном, несмышлёном*.

В русском языке лексем с корнем *зел-* актуализируется в выражениях в значении *скука, тоска, чрезвычайный*:

- «зелёная скука», «зелёная тоска» — депрессивное состояние человека;
- «ёлки зелёные!» — устоявшееся высказывание, употребляемое, как правило, при определенных (негативных) обстоятельствах.
- «выпить до зелёного змия» — быть пьяным в доску (чрезмерно).

Данного значения *зелёного* цвета в китайском языке нет.

Перечисленные дискурсивные значения определили *отрицательную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *зел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 绿 (*люй*) и 青 (*цин*) в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

**Отрицательная лингвокультурная коннотация зелёного цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Незрелый, неопытный	+	+
Различия			
2.	Неумен, недалновиден	+	-
3.	Депрессивный	+	-
4.	Пьяный в "доску"	+	-
5.	Падение	+	-
6.	Безумие	+	-
7.	Низменный, неверный	-	+
8.	Уничижительный	-	+
9.	Скромный, бедный	-	+
10.	Жадный	-	+
11.	Злой	-	+
12.	Опрометчивый, грубый	-	+
13.	Рогоносец	-	+

Посредством когнитивно-семантического анализа цветового слова *зелёный* в русском и китайском языках установлено, что в обоих языках семантическая структура *зелёного* имеет как сходства, так и различия. Причем человеческое восприятие цвета, включая разделение цветовых тонов и порядок появления цветовых слов, зависит от физиологических механизмов, внутренних свойств природных цветов и культурного состояния человека. В силу этимологического родства прилагательных *зелёный* и *жёлтый* последнее вносит в именованную цветовую палитры «*зелёный*» бледные зелёно-жёлтые тона, которые по признаку *увядающий (тусклый)* составляют оппозицию

ярким зелёным тонам, а для вербализующих их словесных знаков характерна отрицательная лингвокультурная коннотация.

При анализе лингвокультурной коннотации лексем с корнями *зел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 绿 (*люй*) и 青 (*цин*), в китайском языке осуществлено ранжирование значений по сходству и различию, а также по положительному и отрицательному признаку (данные значения приведены в таблицах №№ 10, 11).

Результаты исследования представлены в виде круговых диаграмм на следующем рисунке.

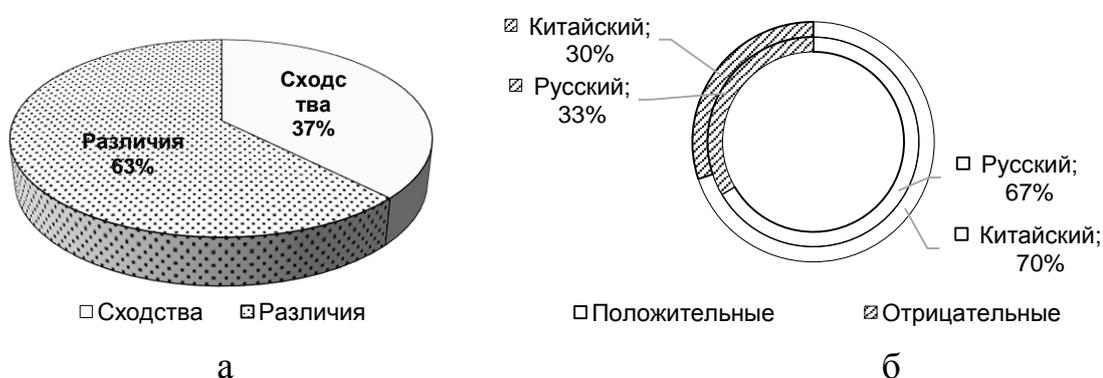

Рис. 6. Результаты анализа лингвокультурных коннотаций *зелёного цвета* в русском и китайском языках:

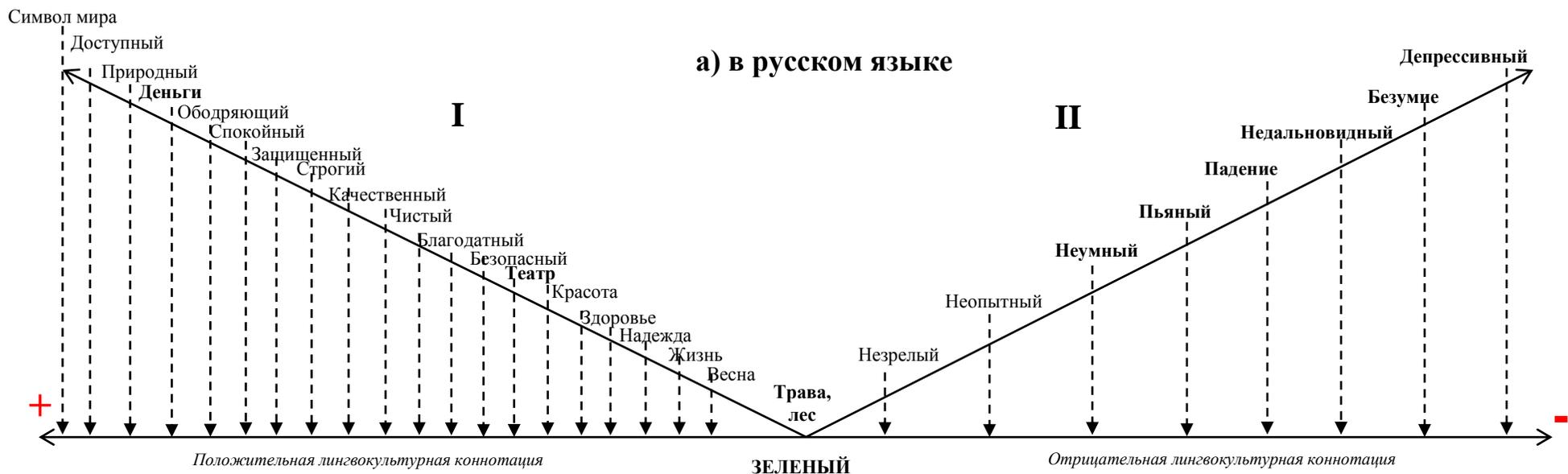
а – сходства / различия; б – положительные / отрицательные

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что лингвокультурная коннотация слов с корнями *зел-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 绿 (*люй*), имеет больше различий, чем сходств. Причем различия более сфокусированы в отрицательной лингвокультурной коннотации. Так, например, значения: *жадный, бедный, опрометчивый, уничтожительный, рогоносец, злой грубый* проявляются исключительно в китайском языке; значения: *глупый, пьяный, недалновидный, безумие депрессивный* — в русском языке.

Формирование положительных и отрицательных значений можно показать также с помощью векторного анализа. На участках вектора *зелёный*

→ *яркий, освежающий (+)* и *зелёно-жёлтый* → *тусклый, увядающий (-)*
вертикальными сечениями показано расширение возможностей *положительной* и *отрицательной* лингвокультурной коннотации *зелёного* цвета при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений в русском и китайском языках. На участке **I** тензора показано расширение возможностей *положительной* лингвокультурной коннотации *зелёного* цвета в русском и китайском языках, а на участке **II** — *отрицательной*.

Расширение возможностей положительной и отрицательной лингвокультурной коннотации *зелёного* цвета при речевой актуализации цветочных слов с приращением переносных метафорических и символических значений:

2.6 Лингвокультурная коннотация синего цвета в русском и китайском языках

Лингвокультурная коннотация определяет дискурсивные значения лексем с архисемой "синий" то есть слов с корнями *син-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 藍 (лан), в китайском языке. В обоих языках *синий* определяется как цвет, имеющий окраску одного из основных цветов спектра, среднего между фиолетовым и зелёным [Ожегов, 1999; 新华词典]. Близкие к нейтральным прямые дискурсивные значения лексем с архисемой "синий" — слов с корнями *син-* в русском языке и обозначенных иероглифом 藍 (лан) в китайском языке ассоциируются с цветом: *воды, неба, вселенной, васильков* [там же]:

- 蓝天 (лан тиен) дословно — синее (голубое) небо;

- 蓝蓝的天, 白白的云 (лан лан да тиен бай бай юн) — общеупотребительное словосочетание, дословно — *голубое небо, белые облака*;

- 蓝蓝的大海 (лан лан дэ дахай) — дословно, синее (голубое) море;

В русском языке:

- *глаза как васильки* — прекрасные синие глаза;

- *синяя вечность* — вселенная (бескрайний космос). Подобное значение раскрывается в песне, исполненной М. Магомаевым:

Грустные звезды

В поисках ласки

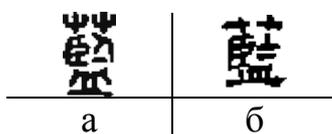
Сквозь синюю вечность

Летят до Земли [Г. Козловский].

В древнекитайской культуре отдельно *синего* и *голубого* цвета в цветовой гамме не существовало, они сливались с зелёным. Подобное слияние обусловлено, возможно, и благодаря тому, что оба цвета воспринимаются человеческим глазом идентично. Так, согласно теории Эсвальда Геринга (теория базируется на четырех основных цветах спектра — красном, желтом,

зеленом и синем), ощущение зелёного и *синего* цветов возникает в силу ассимиляции (восстановления) цветочувствительного вещества в зрительных клетках, в свою очередь желтого и красного цвета — в результате диссимилиации, т. е. разложения. [Цойгнер, 1971: 15]. В китайской культуре сине-зеленый 青(*цин*) обозначал *восток*, по природной сущности представлял *ветер*, по элементу относился к стихии *дерева*. Свойствами дерева является способность к *росту* (переходу от пассивной инь к активной ян), и, следовательно, с рождением новой жизни [там же].

Следует отметить, что трансформация иероглифа 绿(*люй*) в китайском языке не претерпела значительных изменений в процессе развития письма:

Эволюция стилей письма иероглифа 蓝 в китайском языке:

а) Стиль 篆书 (Чжуаньшу): 藍 = 艸 (艸, 草 — трава) + 藍 (取靛 — извлекать). Дословно смысл данных иероглифов раскрывается в выражениях:

可提取靛青染料的蓼草 (*кэти чу диан тин жанлиао да лиао цао*) — извлечение красящего пигмента индиго из травы.

用来染青的草 (*ён лай жен чин да цао*) дословно — использовать траву для окрашивания [白话版《说文解字》];

б) Стиль 隶书 (Лишу): современная интерпретация иероглифа 蓝.

В русской культуре слово "синий" происходит от общеславянского слова *-sinjъ* (синь) которое созвучно с украинским, белорусским, болгарским (*sini, sininen, siniväri*) и др. языками. Первоначально слово *синий* обозначало не столько цвет, сколько способность *сиять, блестеть* (например, сияющая морская гладь), но, с другой стороны, могло быть и связано со значением *сивый*. В этом случае *синий* оно стоит ближе к авестийскому «*syáva*», которое раскрывается в значениях *тёмный* и *чёрный* [Панченко, 1968]:

«А на шуйей стране видех многое множество темных силы демонов, видением черны и сини» [Прокопий Устюжский, 1893].

В данном случае подобный симбиоз лексем с корнями *чёрн-* и *син-* обусловлен их схожей ассоциацией (*тёмный*). Однако символика *синего* цвета имеет большой потенциал в виду того, что *синий* (светло-синий, голубой) — это цвет неба, моря, бескрайнего космоса; это наиболее глубокий и нематериальный, холодный и один из самых *чистых* цветов (после белого) [Пастуро, 2006: 12]. В связи с этим, *синий* цвет приобретает некое таинство и непостижимость, так, например, Гёте отмечал:

«Синяя поверхность кажется отдалённой от нас, но мы с готовностью следуем за драгоценным предметом, улетающим от нас, поэтому мы так любим созерцать синеву, не потому что она отдаляется от нас, а потому что она манит нас за собой...»

Этот цвет оказывает на глаза удивительное и почти невыразимое действие. В качестве цвета он осуществляет энергию; однако он стоит на отрицательной стороне, и в своей величайшей чистоте представляет собою как бы прелестное ничто. В созерцании его есть какое-то противоречие раздражения и покоя»

[Гёте, 2000: 43-44].

С этой точки зрения небо накрывает нас всех, и мы воспринимаем *синий* как цвет, устремленный в далёкий открытый космос, символизирующий для нас давнее прошлое либо далёкое будущее, влекущий и манящий нас за собой — как синяя птица *надежды и счастья*.

С другой стороны, голубой (светло-синий) цвет предстаёт как *«цвет светло-синий незабудки»* [ТСРЯ; 新华词典]. Голубой цвет легко ассоциируется с цветом *ясного неба и моря*, что в свою очередь наталкивает человека на позитивные эмоции и мысли. Голубой цвет может помочь человеку отрешиться от мира и остаться наедине со своими мыслями [там же], обусловлено это тем, что голубой имеет много общего с *белым* — цветом чистоты, радости и всего самого светлого на земле (стр. 60 наст. дис.). В связи

оттенков синего цвета. Эта краска не блекнет на свету, но не годится для обширных поверхностей, поэтому ее чаще использовали для малых форм.

Синий цвет в китайской культуре символизирует *просвещение* и *науку*. Древние конфуцианские студенты носили одежду *синего (голубого) цвета*, при этом и официальные резиденции династии Цин были окрашены в синие (голубые) тона:

«... в нашем государстве все с малолетства учатся. Хотя и не все в состоянии стать учеными и носить одеяния голубого цвета, но каждый стремится заслужить хотя бы темно-синий халат, носить шапку ученого и считаться образованным, лишь бы не оказаться в числе бродяг. Конечно, это очень хорошо, что у нас грамотность дает возможность каждому продвигаться вверх; а те, кто не может постичь все науки, пусть занимаются либо земледелием, либо ремеслом, и находятся при деле, и живут спокойно...»

[Ли Жу-Чжень, 1959: 219].

Темно-синий халат не то чтобы символизировал высокий ранг в обществе, а лишь подчеркивал определённую принадлежность человека к науке, а это дорогого стоило.

Синий цвет в китайской культуре символизирует *чистоту, мудрость и разум*. Так, например, в пекинской музыкальной драме *синяя маска* актера символизирует то, что герой имеет твёрдый *змеиный* характер (Доу Эрдунь). При этом в китайской культуре змея является символом *благородства, разума и мудрости* [长沙, 1990: 246].

В христианской символике *синий* цвет составляет пару красному. Например, в восточно-христианских иконах *синий* и *красный* цвета символизируют *истину* и *милость, добро* и *красоту, небесное* и *земное* [Пастуро, 2006: 59]. В иконописи красным и синим пишут одежды Иисуса Христа. Через сочетание этих цветов передана тайна бога, который стал человеком. Красный символизирует земную человеческую природу (жизнь, мученичество и страдание), а синий передаёт небесное, божественное начало.

Синий и красный часто присутствуют в иконописном образе богородицы. Сочетание этих цветов означает сочетание небесного и земного и символизирует *верность, целомудрие и безупречность* [Пастуро, 2006: 73]. В христианском монастыре синяя скруглённая вершина символизирует синее небо. Кроме того, *синий* является одним из основных цветов государственного флага России, символизирующих в христианской культуре *вечность, истину, и бесконечность*:

- «Синий — цвет истины, цвет Богоматери-покровительницы России»
[Пчелов, 2002].

В геральдике *синий* символизирует *чистоту, честность, славу и преданность*. Немало орденов и медалей имеют синий рисунок и синюю шёлковую тесьму. Например, Орден Святого апостола Андрея Первозванного — это один из первых орденов в русской истории, имеющий самую высокую ценность в Имперской России [там же].

Подобная лингвокультурная коннотация имеется и в китайском языке. Так, например, в династии Восточная Хань существовал древний мост (蓝桥 — голубой мост) над Ланси в 50 милях к юго-востоку от округа Ланьтянь провинции Шэньси. Этот мост считался одним из древнейших мостов всего Китая. Но до сегодняшнего дня сохранились только легенды о нём. Одна из этих легенд гласит, что человек по имени Тайшен договорился со своей девушкой о встрече на этом мосту. К его сожалению, девушка не пришла в назначенное время. Пока он ожидал её, внезапно поднялась большая волна и столкнула его с моста. Тайшен из последних сил противостоял течению ради одной только мысли — сдержать данные им обещания:

*Пусть вихрь, внезапно налетевший,
очаг твой может опрокинуть,
Но помни преданных и верных
и не посмей любовь отринуть.
Мост Голубой водою залит,
влюбленным предстоит свиданье,*

Но, словно Шэнь и Шан — двум звездам —

не одолеть им расстоянье. [Цзинь, Пин, Мэй: 2016: 243].

В настоящее время лексема 藍 (лан) символизирует человека *честного*, который *держит своё слово и обещания*.

Тем не менее, символика *синего* цвета также двойственна, поскольку дискурсивные значения лексем с корнями *син-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом 藍 (лан) в китайском языке, формируются приращением метафорических и символических значений зачастую по преимуществу нецветового характера.

По преимуществу нецветового характера лексем с корнями *син-* в русском языке и обозначенных иероглифом 藍 (лан) в китайском языке актуализируются в следующих выражениях:

- 蓝图 (лан ту) дословно — производственный чертёж, грандиозный план или мечты людей о будущем; подобно тому, как и в русском языке *голубая мечта* означает что-то нереальное, но каждый в глубине души мечтает о её исполнении.

- 筚路蓝缕 (би лу лан луй) — тяжёлый труд первооткрывателя, трудность созидания, муки творчества (научные достижения); в данном словосочетании “*蓝缕*” — это замена “*褴褛*”, где “*褴褛*” имеет значение “*изношенная одежда*”, ввиду этого и у лексемы 藍 (лан) появилось такое же значение.

- 蓝皮 (лан пи) — необработанный материал (кожа);

- *синяя птица* — символ счастья и любви. Подобной ассоциации в китайском языке нет;

- 蓝领 (лан линь) — это то же самое, что и синие воротнички в русском языке;

- 蓝颜知己 (лан ен джи ти) дословно — *задушевный друг женщины, родственные души*.

- *синяя* ассигнация или *синяя* бумажка — это пятирублевый денежный знак. Ассигнационный рубль — сначала расчётная, вспомогательная, а затем — основная денежная единица Российской империи [БРЭ, 2004-2017]:

«Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а все **синими ассигнациями**» [Гоголь, 1994];

Он почти никогда не принимал священника или просил его петь в пустой зале, куда высылал ему **синенькую бумажку** [Герцен, 1969];

Граф достал из бумажника единственные две **синенькие**, которые были в нем [Толстой, 1978-1985]. В настоящее время данное значение является семантическим историзмом.

- *蓝色生命* (*лан сы шен мин*) дословно – голубая жизнь. Словосочетание *голубая жизнь* обычно используется для описания *морской* жизни, под которой обычно понимаются различные живые существа в океане, в том числе животные, растения, микроорганизмы и пр. Подобные дискурсивные значения часто можно встретить в газетно-публицистическом стиле речи русского языка:

- *голубые* дороги или *голубая* трасса — это значит водные или речные пути, или судоходные реки;

- *голубой* стадион — это плавательный бассейн;

- *голубая* ферма — это значит рыбные промыслы;

- *голубой* городок — это комплекс спортивных водных сооружений;

- *голубая* нива обозначает акваторию рыбной ловли;

- *蓝色农业* (*лан сы нон е*) дословно — *голубое сельское хозяйство* — относится к морской аквакультуре или морскому хозяйству, ведущемуся в водоемах, искусственных бассейнах и литоральных зонах для разведения всех видов креветок, моллюск, водорослей и рыб.

Лексема *голубой* также связана с энергетикой. Подобные дискурсивные значения в обоих языках употребляются в следующих выражениях:

- *голубой* металл — свинец (спасает от коррозии линии электропередач: телеграфные провода, которые часто прокладывают не по воздуху, а под водоемами или под землей);

- *голубое* золото / топливо — это значит газ.

- *голубой* уголь или *голубой* огонь — это угольный газ.

Следует отметить, что для России газ и другие природные энергетические ресурсы являются одним из основных источников пополнения бюджета. В китайской же культуре основной акцент делается на разработки альтернативных источников энергии.

Одним из священных символов Древнего Китая является нефрит. Считается, что этот камень сосредоточил в себе космическую силу, энергию и власть; он выступает как символ совершенства и различных добродетелей (гуманности, справедливости, искренности и мудрости) и является олицетворением всех человеческих добродетелей, мостом между Небом и Землей. В конфуцианстве глава небесной иерархии Юй Хуанди именуется Нефритовым императором. Атрибутом императора была печать из нефрита, которая служила знаком «доверия неба» (Тянь Мин), то есть символом божественной природы императорской власти, осуществляющейся по воле неба. Кроме того, полупрозрачная текстура нефрита ассоциируется с душой и духовными устремлениями [张清常, 1991]. В Китае на юго-востоке Чанъяня находится древний город Лантиан, который славится драгоценными самородками нефрита *藍田生玉* (*лан тиан шэн юй*). Благодаря этому в китайской культуре появились следующие выражения:

- *藍田生玉* (*лан тиан шэн юй*) — Лантиан (дословно синее место) рождает нефрит — *у мудрого отца мудрые сыновья*.

- *藍田种玉* (*лан тиан джон юй*) дословно — посадить нефрит в Лантиане; или связать себя узами брака ещё в прошлой жизни. В китайской культуре считается, что вероятность встречи своей любви из прошлой жизни достаточно велика, главное, распознать ее и постараться устранить все

возникшие проблемы, чтобы войти в нынешние чувства с чистым сердцем и распахнутой душой [张清常, 1991].

Подобных дискурсивных значений в русском языке не встречается.

В середине XVIII века в России светские женщины любили организовывать беседы на литературные, художественные или политические темы. Мужчины также могли участвовать в беседе. Синие чулки и тёмное платье были отличительным атрибутом одежды таких светских львиц, которые больше всего интересовались литературой, чем домашним хозяйством. Поэтому их стали называть «синим чулком»:

- «*Наши сине-и-красно чулочницы*»

[Вяземский, 2005: 960].

Со временем выражение *синий чулок* получило ироническую и прозаическую окраску:

- «*На курсы... в гимназию... — бормочет Сомов. ...Это уж, крайности, матушка! Что хорошего быть синим чулком. Синий чулок... Чёрт знает что! Не женщины и не мужчины, а так, серёдка на половине, ни то ни сё*»

[Чехов, 1974-1982].

Следует отметить, что данное выражение попало в российскую культуру из Франции, оказавшую на её формирование значительное влияние [Востриков, 2007: 250-257].

Синий платочек — это также известная советская вальсовая песня, которая была популярна в течение всей Великой Отечественной войны [Пчелов, 2002]. Поэтому *синий платочек* стал важным символом российской культуры, он был не только на плечах тех, кто провожал своих родных на фронт, но обвивал плечи и тех, кто уходил на войну вместе с любимыми. До сих пор «*синий платочек*» — это одно из главных произведений, которое исполняется в День Великой Победы.

Перечисленные значения определили **положительную** лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *син-* в русском языке и

лексем, обозначенных иероглифом 藍 (лан) в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица 12

**Положительная лингвокультурная коннотация синего цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Море, небо, вселенная	+	+
2.	Чистота, тайна	+	+
3.	Истина	+	+
4.	Преданность	+	+
5.	Рабочий	+	+
6.	Грандиозный план (голубая мечта)	+	+
7.	Морское хозяйство	+	+
Различия			
8.	Научные интересы, ботаник	+	-
9.	Символ счастья	+	-
10.	Денежный знак	+	-
11.	Воспоминания (о родных)	+	-
12.	Безупречность	+	-
13.	Мудрость	-	+
14.	Вечность	+	-
16.	Прекрасный вид	-	+
17.	Родственная (душа)	-	+
18.	Необработанный (материал)	-	+
19.	Просвещение	-	+

Отрицательная лингвокультурная коннотация

По преимуществу нецветового характера лексемы с корнями *син-* в русском языке актуализируются в значениях *горе* и *тоска*. Обусловлено это в первую очередь тем, что синий — это самый "холодный" из всех цветов. Синие обводы около глаз, синий цвет губ и так далее — всё это употребляется в значениях *нездоровый, больной*. Ф.М. Достоевский в романе «Хозяйка» проводит параллели между *синим* и *мертвым*:

«Губы её были синие, как у мёртвой»;

«После купания в холодной воде стало совсем синим».

[Достоевский, 1846-1847].

А. Блок актуализирует *синий цвет* в значениях *позорный, продажный, печаль*:

«Я сам, позорный и продажный,

С кругами синими от глаз...»

«Ты в синий плащ печально завернулась,

В сырую ночь ты из дому ушла» [Блок, 1907].

Подобные дискурсивные значения актуализируются и в китайском языке:

*«На его посиневших губах выступила кровь; ногти почернели, губы
сделались серыми, лицо пожелтело, а глаза потускнели. Поистине, можно
было сказать, что*

Отныне плоть его подобна

Луне печальной и усталой,

Когда под утро над горами

Ее лицо почти угасло

И жизнь его у края смерти

Похожа на светильник стала,

В котором перед самым утром

Внезапно иссякает масло [Ши Най-ань, 1959: 389]

В китайской лингвокультуре *синий* также употребляется в значении *мрак, печаль*:

«...цвет вороного крыла, пожалуй, не годится, — промолвила Бао-чай, — ярко-красный тоже не совсем в тон, желтый режет глаза, а **синий** слишком мрачен» [Цао Сюэ-Цинь, 1958: 487].

«Как синие-синие горы, закрывшие дали, моя необъятна печаль;
Она бесконечна, как эти лазурные воды, все время бегущие вдаль»

[Цао Сюэ-Цинь, 1958: 391].

"Гори оно **синим** пламенем" — это выражение появилось в употреблении людей очень давно. Существует поверье, что синие огоньки — это неприкаянные души [Велес, 2018: 32]. Синие огоньки можно увидеть, в темную и глухую ночь на кладбище или около топкого болота, т.к. процессе гниения органических останков без поступления кислорода образуется метан — болотный газ. Днём увидеть горящий метан почти невозможно, а ночью разглядеть могильные и болотные огоньки проще. Считалось, что так горят души людей, чьи мучения начались до страшного суда. Смысл данного выражения очень мрачный. В настоящее время такое выражение используется людьми, которые попали в очень сложное жизненное положение, ситуацию, из которой трудно выбраться самостоятельно. То есть люди потеряли последнюю имеющуюся у них надежду достичь какой-либо цели и просто махнули рукой на возможность ее достижения.

Или, например, *синяя* яма: упасть в *синюю* яму т.е. в глубокую, бездонную, из которой сложно выбраться. В русском языке данное выражение символизирует человека пьющего, ушедшего в запой. Здесь, *синий* также относится к самому человеку, потому что когда человек пьёт, его лицо отекает, становится синим. В России человека в нетрезвом состоянии часто называют *синим*:

- «*синячить*» — злоупотреблять спиртными напитками, пьянствовать;
- «*синяк*» — это много пьющий человек.

Подобные дискурсивных значения в китайском языке не встречаются.

Итак, перечисленные значения определили *отрицательную* лингвокультурную коннотацию лексем с корнями *син-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом (*лан*) в китайском языке. Результаты анализа представлены в следующей таблице.

Таблица 13

**Отрицательная лингвокультурная коннотация синего цвета
в русском и китайском языках**

№ п/п	Значение	Язык	
		Русский	Китайский
Сходства			
1.	Горе	+	+
2.	Тоска	+	+
3.	Мрак	+	+
Различия			
4.	Мертвый	+	-
5.	Тяжёлое положение	+	-
6.	Алкоголь	+	-

При анализе лингвокультурной коннотации лексем с корнями *син-* в русском языке и лексем, обозначенных иероглифом (*лан*) в китайском языке, осуществлено ранжирование значений по сходству и различию, а также по положительному и отрицательному признаку (данные значения приведены в таблицах №№ 12, 13). Результаты исследования представлены в виде круговых диаграмм на следующем рисунке.

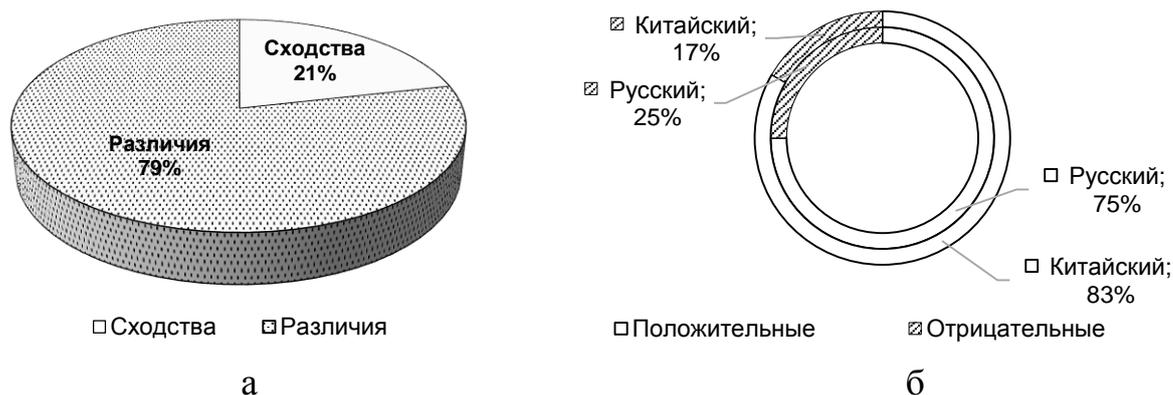

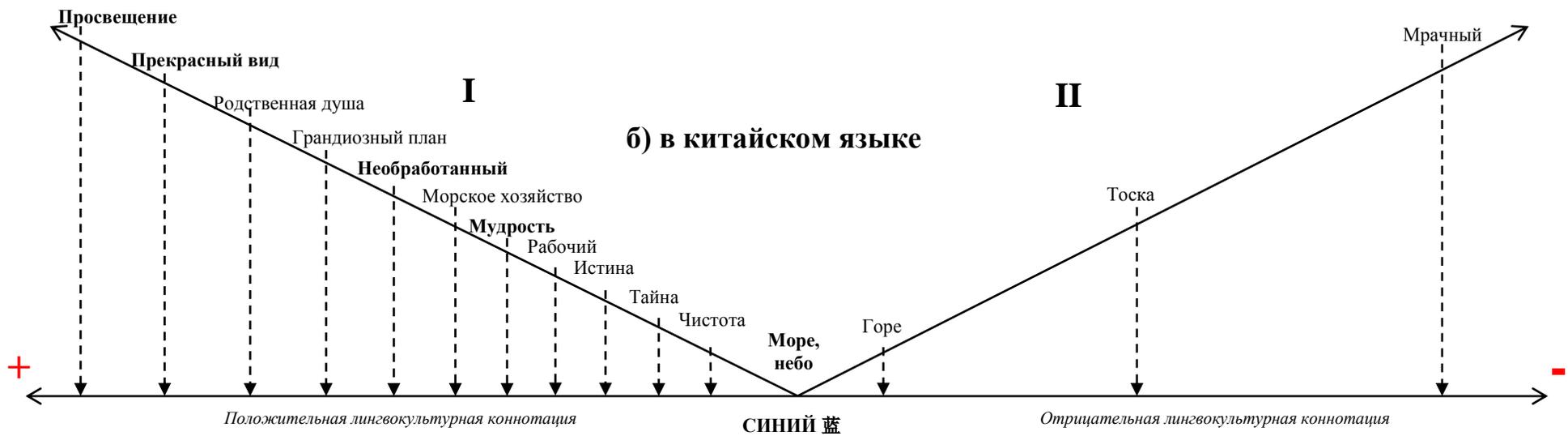
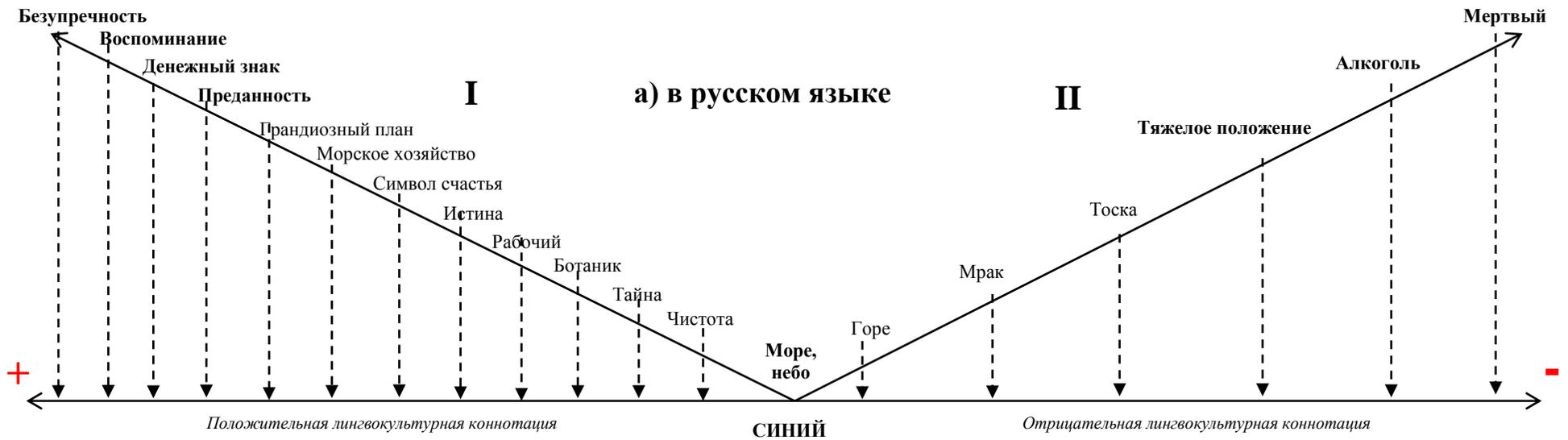
Рис. 7. Результаты анализа лингвокультурных коннотаций *синего цвета* в русском и китайском языках:

а – сходства / различия; б – положительные / отрицательные

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что лингвокультурная коннотация слов с корнями *син-* в русском языке и лексем обозначенных иероглифом 蓝 (*лан*), имеет больше различий, чем сходств.

Формирование положительных и отрицательных значений можно показать также с помощью векторного анализа. На участках вектора *синий* → *синий* (+) и *синий* → *синий* (-) вертикальными сечениями показано расширение возможностей *положительной* и *отрицательной* лингвокультурной коннотации *синего* цвета при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений в русском и китайском языках. На участке **I** тензора показано расширение возможностей *положительной* лингвокультурной коннотации *синего* цвета в русском и китайском языках, а на участке **II** — *отрицательной*.

Расширение возможностей положительной и отрицательной лингвокультурной коннотации *синего цвета* при речевой актуализации цветowych слов с приращением переносных метафорических и символических значений:

2.7 Анализ частотного распределения лингвокультурных коннотаций в русском и китайском языках

Цветовые слова обладают высокой частотностью употребления и важностью для формирования языковой картины мира, в их семантике отражаются явные этнокультурологические особенности.

В рамках данного параграфа по данным частотных словарей было проведено исследование частоты употребления, рассмотренных ранее основных цветowych слов:

Это современный китайский частотный словарь из 8000 тысяч самых популярных иероглифов [现代汉语频率词典] и официальных списках министерства образования Китая [现代汉语常用词表, <https://bkrs.info>]; Частотный словарь русского языка [Ляшевская, Шаров, 2009 и <http://dict.ruslang.ru>].

Задачей частотного словаря является не просто ранжировать слова по их частоте в отдельном корпусе, но и дать материал для определения лексического ядра языка. При этом общая частота характеризует количество употреблений на миллион слов корпуса, или ipm (instances per million words). Это делается для того, чтобы упростить сравнение частоты слова в разных корпусах, которые могут довольно сильно отличаться по своим размерам.

Результаты анализа оформлены нами в виде сводной таблицы, в которой приведены данные по частоте употребления цветowych слов в русском и китайском языках. Процентное отношение частоты употребления для каждого цвета определено относительно её суммарной величины для каждого языка, например, для чёрного цвета:

$$\%_{\text{чёрный}} = \frac{311}{1459} \cdot 100 \% = 21,32 \% ;$$

$$\%_{\text{黑}} = \frac{339}{1226} \cdot 100 \% = 27,57 \% .$$

**Частота употребления цветовых слов в русском
и китайском языках**

Цвет	Частота употребления:			
	Китайский язык		Русский язык	
	ipm	%	ipm	%
Чёрный 黑	311	21,32	338	27,57
Белый 白	353	24,19	340	27,73
Красный 红	450	30,84	241	19,66
Жёлтый 黄 (Золотой 金)	164	11,24	79	6,44
Зелёный 绿	103	7,06	125	10,20
Синий 蓝	78	5,35	103	8,40
Всего Σ:	<u>1459</u>	100 %	<u>1226</u>	100 %

Сравнение частоты употребления цветовых слов представлено в виде круговой диаграммы, где *внешний* и *внутренний* круги соответствуют частоте употребления цветовых слов в *русском* и *китайском* языках.

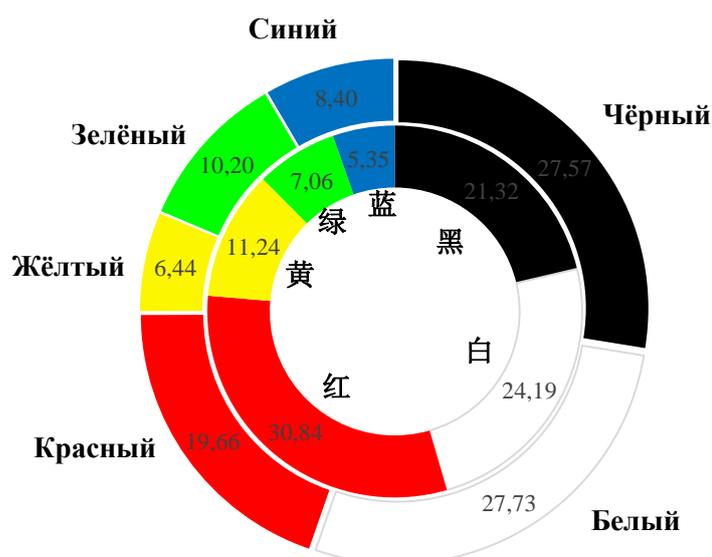

Рис. 8. Частотное распределение цветовых слов в русском
и китайском языках

На основе анализа частотного распределения цветовых слов в русском и китайском языках установлено:

- *красный цвет* в китайском языке имеет значительное преобладание (1,57 раза) в сравнении с русским языком;

- *белый и чёрный* цвета имеют преобладание в русском языке, однако оно незначительно;

- *жёлтый цвет* так же, как и красный (императорские цвета в Китае), по частоте употребления преобладает в 1,75 раза по отношению к русскому. Однако по отношению к красному цвету в обоих языках его преобладание значительно ниже;

- *зелёный и синий* цвета по частоте употребления преобладают в русском языке, однако разница не значительна. По отношению к другим рассмотренным цветам частотное распределение синего цвета в китайском языке по величине самое минимальное.

Ранжирование цвета по частоте употребления в китайском и русском языках представлено на следующем рисунке.

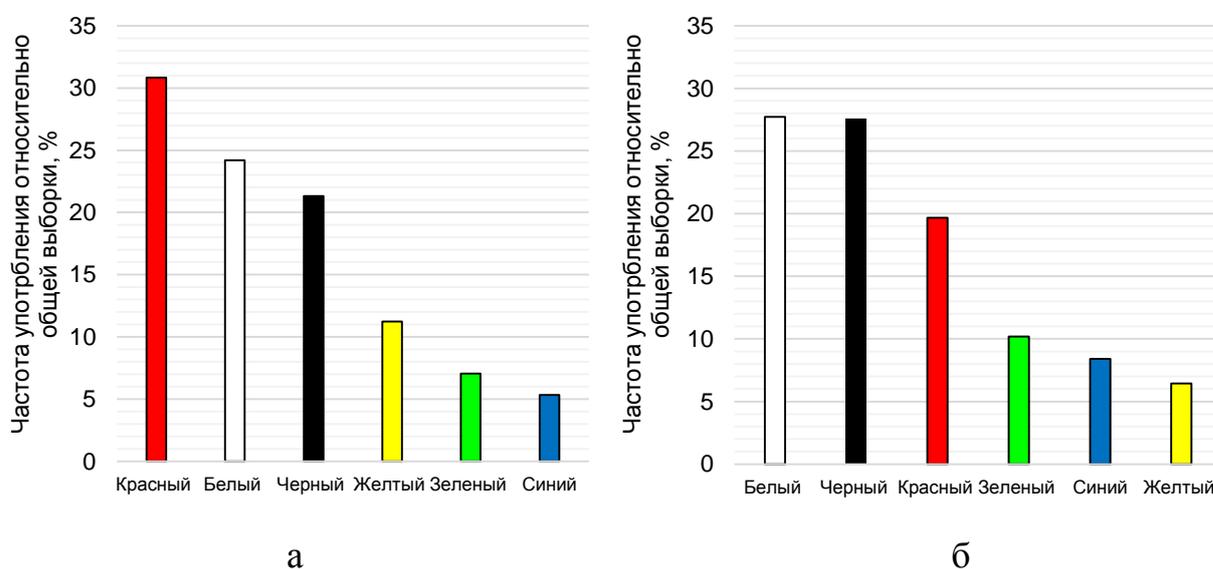

Рис. 9. Частота употребления цветовых слов относительно общей выборки:

а – в китайском языке; б – в русском языке

Итак, в китайской культуре *красный* остаётся одним из самых распространённых и почитаемых цветов ещё со времён, когда Император *Лю*

Бан династии *Хань* провозгласил себя последователем *Красного Императора*. В русской культуре первоосновными с точки зрения частоты использования являются цветовые слова *белый* и *черный*. *Белый* как цвет чистоты, добра и всего самого светлого на земле, а *чёрный* как цвет строгости и почитания традициям, подобно чёрным монашескими одеждам, в которой выражается символика предельного унижения и умирания на пути к свету и славе по примеру Христа, спустившегося в ад, чтобы прорубить врата смерти (стр. 65 наст. дис.). Удивительно то, что в настоящее время за *красным* в китайской культуре следует *черный* и *белый*, ассоциирующиеся с цветом *чистоты* и *эlegantности*, только потом *жёлтый* — как цвет *земли* и *плодородия* (центральный цвет). Обусловлено это скорее всего тем, что особое влияние на формирование китайской культуры, в том числе на символику цвета в настоящее время, оказывают западные страны. В русской культуре *жёлтый* замыкает цепочку цветов по частоте их употребления. В свою очередь это подчёркивает тот факт, что в русской культуре к жёлтому сформировано негативное отношение, это больше цвет презрения или цвет сумасшествия (жёлтый дом). Цвета *зелёный* и *синий* в китайской культуре замыкают цепочку цветовых слов, ранжируемых по частоте употребления, причем *зелёный* цвет в китайской культуре численно соответствует *жёлтому* в русской и наоборот.

Выводы по главе 2

Итак, в рамках второй главы диссертационной работы проведён анализ лингвокультурной коннотации цветовых слов: чёрный 黑, белый 白, красный 红, жёлтый 黄, зелёный 绿, синий 蓝 в русской и китайской лингвокультурах. В ходе проведенного исследования было установлено:

1. Лингвокультурная коннотация ахроматических цветов **чёрного** 黑 и **белого** 白 в русском и китайском языках имеют больше различий, чем сходств. В обоих языках **чёрный** и **белый** рассматриваются как две равноудаленные основы, которые формируют в себе единство одного целого. Причем в общем объеме дискурсивных значений имен цвета **чёрный** отрицательная лингвокультурная коннотация преобладает в русском языке. В свою очередь символика **белого** цвета определяется двумя полюсами: *белый* → *тусклый* (приглушенный) как цвет *увядания, смерти*, который имеет преобладающее большинство в китайском языке (обусловлено нравами и традициями китайского народа) и *белый* → *яркий* (насыщенный) как цвет *рассвета, возрождения* который, в свою очередь, преобладает в русском языке как божественный цвет, цвет чистоты и всего самого светлого. **Белый** по частоте употребления в русском языке имеет также преобладающее большинство.

2. Лингвокультурная коннотация **красного** 红 в русском и китайском языках имеют больше сходств, чем различий. Этот цвет почитают как русские, так и китайцы. Связано это с тем, что истоки формирования русского и китайского цветового слова **красный** имеют схожую культурную коннотацию: **красный** (红) — **прекрасный** (*тщательно изготовленный*). Символика **красного** определена двумя полюсами *красный* → *красный* (*яркий, пылающий*) — "*дневной*" и *красный* → *красный* (*темный, таинственный*) — "*ночной*", которые и определяют отрицательную и положительную лингвокультурную коннотацию в обоих языках. В общем объеме значений отрицательная лингвокультурная коннотация преобладает в русском языке, в китайском — положительная. Лексема 红 имеет и по сегодняшний день национальную

ценность на государственном уровне, а по частоте употребления значительно превосходит другие имена цвета.

3. Лингвокультурная коннотация *жёлтого* 黄 цвета в русском и китайском языках имеет больше различий, чем сходств: в китайской культуре желтый цвет традиционно имеет национальную ценность на государственном уровне, в силу чего в китайском языке 黄 имеет больше положительных значений, а 金 (золотой) и 黄 (желтый) являются синонимами и взаимозаменяемы. В русском языке речевые значения лексем с корнем *желт-* определяются этимологией и несут в себе по преимуществу отрицательную лингвокультурную коннотацию. Если десигнат цветового слова, соотносимого с желтым спектром, включает положительную оценку, то его десигнатором становится не *желтый*, а *золотой*. В целях усиления положительного значения в речи в китайском языке они могут употребляться вместе, дополняя друг друга. Отрицательная коннотация жёлтого цвета в основном не свойственна китайской культуре и связана в основном с бледными и тусклыми оттенками жёлтого.

4. Лингвокультурная коннотация *зелёного* 绿 в русском и китайском языках имеет больше различий, чем сходств. Символика *зелёного* цвета определяется двумя полюсами *зелёный* → *яркий, освежающий (положительный)*, *зелёно-жёлтый* → *тусклый, увядающий (отрицательный)*. При этом различия более сфокусированы в отрицательной лингвокультурной коннотации. В силу этимологического родства имен цвета *зелёный* и *жёлтый* последнее вносит в именованную цветовую палитру «*зелёный*» бледные зелёно-жёлтые тона, которые по признаку *увядающий (тусклый)* составляют оппозицию *ярким зелёным* тонам, а для вербализующих их словесных знаков характерна отрицательная лингвокультурная коннотация.

5. Лингвокультурная коннотация *синего* 蓝 в русском и китайском языках имеют больше различий, чем сходств в виду того, что первоначально слово 蓝 в китайском языке обозначало — траву, из которой извлекали

красящий пигмент, а в русском языке синий обозначал не столько цвет, сколько, с одной стороны, способность *сиять, блестеть*, а с другой — *сивый* или *тёмный* и *черный*, которые и определили отрицательную и положительную лингвокультурную коннотацию в обоих языках.

Цвета зелёный 绿 и синий 蓝 в определенные эпохи развития китайской культуры пересекались с государственными цветами, но, тем не менее, столь широко распространения и почитания как красный 红 и жёлтый 黄 не нашли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании была проанализирована лингвокультурная коннотация, семантическая структура и символический потенциал цветowych слов: черный 黑, белый 白, красный 红, жёлтый 黄, зелёный 绿, синий 蓝 в русском и китайском языках. Структура рассмотренных цветowych слов представляет собой совокупность лексико-семантических вариантов (ассоциативных признаков) соотнесенных друг с другом и связанных между собой.

Символическое и метафорическое значение цветowych слов отражает не только особенности физического воздействия этого цвета на органы чувств человека, но и многовековую историю русского и китайского народов, их культурные ценности и развитие философского мировоззрения, эстетических идеалов. Исследование показало, что анализ лингвокультурных коннотаций цветowych лексем, является одним из продуктивных методов, позволяющих выявить особенности национальных представлений о цвете. Национальная специфика лингвоцветовой картины мира формируется под влиянием особенностей сенсерно-рецептивного компонента этнического языкового сознания, поэтому для анализа особенностей цветовой лексики было необходимым привлечение этимологических данных.

При анализе системности символических значений рассматриваемых лексем было четко видно, как развиваются и их переносные значения. Анализируя семантические особенности лексем цветowych слов, мы пришли к выводу: различия в семантических структурах сопоставляемых слов заключаются главным образом в преобладании того или иного способа словообразования. В китайском языке основной единицей является иероглиф, который не имеет морфологических признаков и использует не фонетический, а идеографический принцип, то есть отвлечен от звуковой стороны языкового знака и связан со смыслом. Один и тот же иероглиф в китайском языке — языке изолирующего типа может использоваться как существительное,

прилагательное, глагол или даже как предлог в различных контекстах и словообразующих сочетаниях. В отличие от русского языка, в котором существуют суффиксы, окончания, приставки и т.д., в китайском языке слово не может при помощи суффиксов, окончаний и приставок образоваться путем перехода в другую часть речи. Поэтому в китайском языке многие слова имеют разные синтаксические значения и выступают в разных предложениях как разные части речи. Цветовые слова являются именно таковыми. В основном они представляют собой имена прилагательные, но в китайском языке они могут использоваться как глаголы, так и как существительные, то есть в китайском языке конверсия является самым продуктивным и активным способом словообразования слов цветообозначений.

Проведен когнитивно-семиотический анализ цветových слов. Было выявлено, что психологическое восприятие, ассоциации влияют на порождение коннотативных значений и развитие значений цветových слов: они имеют широкий спектр переносных значений и в связи с этим активно употребляются при символизации человеческого опыта. Символические связи являются объективными проявлениями компонентов значений имен цвета, что детерминировано социальными и культурными факторами. В результате сравнительного анализа социокультурной специфики цветообозначений была выявлена четкая связь цветов с конкретными ассоциациями, нашедшими отражение в народных культурах (фразеологических единицах, пословицах, поговорках т.д.). В ходе исследования было выявлено, что цветových слова являются не только составной частью национальной картины мира, но и частью языковой картины мира.

Обобщая изложенное выше содержание, необходимо отметить, что лингвокультурная коннотация цветových слов отражает взаимодействие языка и культуры. Понимание людьми цветových слов может воздействовать на их употребление и, более того, влиять на культурную коннотацию. Например, русские стараются избегать упоминания о жёлтом (цветах, доме и прочее), т.к. он несет в себе больше отрицательную коннотацию, но китайские

представители относятся к нему с почтением. Жёлтый 黃 цвет в Китае традиционно имеет национальную ценность на государственном уровне т.к. — это цвет земли, плодородия и цвет самого китайского этноса. В силу этого слова, обозначаемые иероглифом 黃, имеют, как правило, выраженное положительное дискурсивное значение. В лингвокультурах обоих языков речевые значения лексем с корнем *черн- и обозначенных иероглифом 黑 (хэй), определяются этимологией и несут в себе преимущественно отрицательную лингвокультурную коннотацию. Причем в общем объеме понятий каждого языка отрицательная лингвокультурная коннотация преобладает в русском. Положительные значения: *высший, торжественный, почетный, здоровый и честный* присущи исключительно китайскому языку, в котором *чёрный* имел национальную ценность на государственном уровне. То же самое можно сказать и о *красном* цвете, имеющем в основном только положительные значения 紅: *первоклассный, процветающий, успешный, мужественный и страстный*, которые присущи исключительно китайскому языку. Или, например, ярко выраженные различия зелёного 绿 цвета сфокусированы в отрицательной лингвокультурной коннотации (*жадный, бедный, опрометчивый, уничижительный, рогоносец, злой грубый*) и проявляются исключительно в китайском языке; а такие, как *глупый, пьяный, недалёковидный, безумие депрессивный* — в русском языке.

Это позволяет сделать вывод о том, что механизм семантических и символических трансформаций цветовых слов заключается в том, что дискурсивные значения лексем выражают двойственность лингвокультурной коннотации. Например, *белый* цвет обозначает не только значение святой, но и контрреволюционный в русском языке; а жёлтый 黃 цвет в китайском языке имеет совершенно обратные значения: смерть и долголетие.

Таким образом, цвет как физическое явление лишен эмоциональной окраски, но приобретает её в процессе эволюции человеческого общества и межкультурных коммуникаций. Развитие когнитивно-эмоциональной оценки

цветов спектра сопровождается смысловыми трансформациями цветковых слов, в силу чего формируются полярные дискурсивные значения, определяющие двойственный характер их лингвокультурной коннотации — со знаком «+» и со знаком «-». Двойственность лингвокультурной коннотации цветковых слов в русском и китайском языках обусловлена полярностью оттенков в цветовом спектре: «яркий (насыщенный) ↔ тусклый (приглушенный)», которые порождают положительную (яркий) и отрицательную (тусклый) эмоциональную реакцию, что способствует формированию метафорических и символических значений слов, имеющих по преимуществу нецветовой характер.

Хотя русский и китайский языки — это типологически разные языки, лингвокультурная коннотация цветковых слов имеет определенное сходство. Тем не менее различия лингвокультурной коннотации цветковых слов в русском и китайском языках выражены более ярко, что обусловлено такими факторами, как географическое окружение, религиозное верование, нравы и обычаи, мифы, исторический фактор и специфические предметы.

Результаты данного исследования доказывают актуальность изучения лингвокультурной коннотации цветковых слов в русском и китайском языках, которое направлено на улучшение, речевое обогащение и сближение русской и китайской лингвокультур за счет расширения кругозора и совершенствования коммуникативных навыков взаимодействия, с одной стороны, абсолютно разных, но, с другой, с учетом изучения цветовой семантики, родственных культур.

В результате выполнения диссертационного исследования также были намечены основные **перспективы** развития данной тематики:

- расширение области изучения и анализ лингвокультурной коннотации не только основных цветковых слов спектра в русском и китайском языках, но и их оттенков (например: оранжевый, фиолетовый, коричневый и др.), способствующих установлению более тонких взаимосвязей при коммуникации представителей двух культур;

- ранжирование цветковых слов с учетом специфических особенностей формирования государственного строя двух культур, отражающих особенности лингвокультурной коннотации цветковых слов как у молодого поколения, ориентированных в настоящее время, как правило, на западные страны, так и у старшего поколения, несущих в себе ценности социалистического строя (присущего как для России, так и для Китая);

- проведение экспериментальных исследований, направленных на выявление особенностей употребления и предпочтений цветковых слов у современного поколения людей, формирующих будущее русской и китайской культуры, на основе использования прогрессивных цифровых технологий (например анализ и обработка данных пользователей социальных сетей, проведение онлайн опросов и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Москва, 2010.
2. Александров, Ю. Н. Красная площадь. — 3-е изд. — М.: Московский рабочий, 1987. — С. 18-32. — 207 с.
3. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян // Избр. труды. — М., 1995. — Т. 1.
4. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 766 с.
5. Андреева, И.С. Русский язык и культура речи / И.С. Андреева, Г.Е. Тимофеева. Учебное пособие. — СПб. ГУАП, 2006. — 80 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
7. Аристотель. Об искусстве поэзии (перевод В. Г. Аппельрота). М., 1957.
8. Аристотель. Поэтика (перевод М. Л. Гаспарова). — Соч. в 4-х томах, т. 4. М., 1984.
9. Базыма, Б.А. Психология цвета: Теория и практика. Монография. - М.: Речь, 2005. — 112 с.
10. Балашова, Л.В. Русская метафора: прошлое настоящее, будущее / Л.В. Балашова. — М.: Языки словянской культуры, 2014. — 496 с.
11. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. — 292 с.
12. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. — М., 1975.
13. Бань, Гу. О природе пяти элементов // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990.

14. Басов, А. Н. История военно-морских флагов. — М.: Аст, СПб.: Полигон, 2004, С.46.
15. Бернштейн, С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т.2. — М., 1974. — 274 с.
16. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина — М., Рус. яз., 1981.
17. Быстрова, А.Н. Мир культуры (основы культурологии). Учебное пособие. А.Н. Быстрова — М.: Новосибирск: ЮКЭА, 2002 — 712 с.
18. Белы, А. Белая Русь // Вялікае Княства Літоўскае. Энциклапедыя у 3 т. — Мн.: БелЭн, 2005. — Т. 1: Абаленскі — Кадэнцыя. — С. 307. — 684 с.
19. Бугаева, И. В. Прецедентный топоним как политический символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Вып. 9. — № 1. — С. 124-135.
20. Василевич, А.П., Кузнецова С.Н. и др. Цвет и названия цвета в русском языке. — М.: КомКнига, 2005. — 216 с.
21. Воробьёв, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьёв. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. — 331 с.
22. Воробьёв, В. В. Лингвокультурология. Учебное пособие / В. В. Воробьёв. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2006. — 330 с.
23. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Рус. яз., 1980.
24. Верещагин, Е.М. Лингвострановедение и текст / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1987. — 181 с.
25. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. — М., 1971. — С. 322.
26. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996.
27. Вернадский, Г.В. Древняя Русь / Г.В. Вернадский. — М.: Изд-во ЛЕАН, 1943.

28. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография – М.: Наука, 1977. – 312 с.
29. Выслоух, В. А. Дисперсия света. Физическая энциклопедия в 5 т.— М.: «Советская энциклопедия», 1988.
30. Власова, М. Энциклопедия русских суеверий / М. Власова. – М.: Издательство: «Азбука-классика», 2008.
31. Гао Хайянь. Лингвострановедческий анализ русской лексики цветообозначения: На фоне китайского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 1999.
32. Горошко, Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко. Сборник научных трудов "Методология современной психолингвистики". - М. -Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003.
33. Гаврилов, Д. А. Боги славян. Язычество. Традиция. М.: Рефл-Бук, 2002, — 464 с.
34. Гребельский, П. Дворянские роды Российской империи. Том 1. Князья / Авторы-составители П. Гребельский, С. Думин, А. Мирвис, А. Шумков, М. Катин-Ярцев. — СПб.: ИПК «Вести», 1993.
35. Грубар, С. Иуда: предатель или жертва? Пер. с англ. М., 2011. — 480 с.
36. Домасев, М. В., Гнатюк С. П. Цвет, управление цветом, цветовые расчеты и измерения. СПб, 2009.
37. Дун, Чжуншу. Смысл пяти элементов // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990.
38. Даль, В.И. 1000 русских пословиц и поговорок / В.И. Даль. – М.: Издательство: «РИПОЛ классик», 2017.
39. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. / Русский перевод А. М. Сухотина, 1933. — стр. 34.
40. Демаков, С. И., Бушуева Е. Н. Великие таинства, сокрытые в малых словах. Книга о методах святоотеческих толкований Библии, о языке

православных символов и о символическом подтексте евангельских притч. — 2-е изд.— Вятка, 2016. — С. 189.

41. Жаркынбекова, Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. — Братислава, 1999. — 219 с.

42. Завьялова, Н.А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской языковых картин мира: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2007.

43. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — 382 с.

44. Забылин, М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М.: Институт русской цивилизации, 2014 — 688 с.

45. Зиновьева, Е.И. Устойчивые сочетания с прилагательными черный, белый, красный в русской деловой письменности в XVI XVII вв. // Вестник Ленинградского университета. Вып. 2 . — Л. 1991. — С. 64-71.

46. Злыднева, Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С. М. Толстая. — М.: Индрик, 2002. С.

47. Исаевич, Я. Д. О происхождении названий Червен, Червенские города, Червонная Русь // Доклады и сообщения Львовского отдела Географического общества УССР за 1966 г. — Львов, 1969.

48. Каменецкий, А. С. Левит, книга // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1908—1913.

49. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.

50. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

51. Карасик, В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. — Волгоград: «Парадигма», 2015. — 432 с.

52. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. — 283 с.
53. Костомаров, В.Г. Жизнь языка от вятичей до москвичей. В.Г. Костомаров – М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 240 с.
54. Костомаров, В.Г. Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания / В.Г. Костомаров, Л.Н. Григорьева, Г.А. Хруслов. – VII Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Пленарный доклад. — М.: Русский язык, 1990. — 24 с.
55. Костомаров, В.Г. Логоэпистема как категория лингвокультурологического поиска / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвилова. – Лингводидактический поиск на рубеже веков: Юбилейный сборник. М.: Информационно-учебный центр Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2000, с. 88-96.
56. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. — М., Наука, 1969.
57. Комаров, В.Л. Флора СССР Том 10. М.-Л., Розоцветные. 1941
58. Кармин, А. С. Культурология: Учебник. А.С. Кармин. – СПб.: Издательство «Лань», 2004. – 928 с.
59. Кравченко, А. И. Культурология: Учебное пособие для вузов – М.: Академический Проект; Трикста, 2003. – 496 с.
60. Костомаров, Н. Быт и нравы русского народа / Н. Костомаров. Изд-во Эксмо, 2016.
61. Короткова, М.В. Культура повседневности: История обрядов / М.В. Короткова. – М., 2002.
62. Карапетьянц, А. М. Теория «пяти элементов» и китайская концептуальная прото-схема. А. М. Карапетьянц. – Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1994. № 1.
63. Конзе, Э. Буддизм: сущность и развитие / Э. Конзе, – СПб.: Наука, 2003. — 288 с.

64. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. — 108 с.
65. Кузнецов, П.С. Очерки исторической морфологии русского языка / Монография. — Москва: Издательство АН СССР, 1959. — 276 с.
66. Кульпина, В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. – М.: Московский Лицей, 2001. — 470 с.
67. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. – М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.
68. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. Перевод с французского под редакцией и с примечаниями В.В. Иванова. – ЗАО «Издательство „ЭКСМО-Пресс“», 2001. — 266 с.
69. Липинская, В.А. Народные традиции в материальной культуре / В.А. Липинская. Этнография восточных славян. – М., 1997.
70. Лаенко, Л.В. Символическое значение прилагательного белый в русском и английском языках // Германские, романские и русский языки в сопоставительном аспекте. — Воронеж. 1998. — С. 135-142.
71. Лихачёв, Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д.С. Лихачёв, 2-е изд. — Л.: Художественная литература. Ленингр. отд-ние, 1985. — 352 с.
72. Ларошфуко, Ф., Паскаль Б., Лабрюйер Ж. Максимумы. Мысли. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. — 572 с.
73. Лю Фанбин. Этапы развития и взаимосвязь понятий «метафора» и «цветонаименование» в языковой картине мира // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т.14, № 4. – С. 63-67.
74. Лю Фанбин. Лингвокультурная коннотация черного цвета в китайском и русском языках / Лю Фанбин // «Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики» – Т.5, №1, 2019 – С. 40-51.
75. Маслова, В.А. «Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений» М. Издательский центр «Академия», 2010.

76. Матвеева, Н., Мирковская, А., Ананьева, Е. Чёрный / белый. – М.: Китони. 2010. — 216 с.
77. Матвеева, Н., Мирковская, А., Ананьева, Е. Жёлтый. — М.: Китони. 2010. — 216 с.
78. Маслова, Г.С. Восточнославянские традиционные обычаи и обряды / Г.С. Маслова. – М., 2001.
79. Михайлов, Н.Н. Лексика с культурным компонентом значения / Н.Н. Михайлов. — Сборник научных трудов МОПИ им. Н. К. Крупской, 1983.
80. Матназаров, Т. У., Власова М. В., Хоречко У. В. Сопоставительный анализ желтого цвета в русском и китайском языках // Молодой ученый. — 2015. — №10. — С. 1496-1499.
81. Митрополит Иларион (Алфеев). Книга «Православие». Том 2: Глава V. Таинства и обряды. Пострижение в монашество.
82. Мостепаненко, Е.М. Свет в природе как источник художественного творчества // Художественное творчество. М., 1986.
83. Николенко, Л.В. Лексикология и фразеология современного русского языка / Л.В. Николенко. Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 144 с.
84. Никольский, М.В. Символика цвета в уставной православной иконописи / Текст научной статьи по специальности «Искусство. Искусствоведение», 2013.
85. Нечипуренко, Н.Г. Этимологический анализ лексики цветообозначения (На материале латинских производных от и.е. *ghel-). Дисс. ...канд. филол. наук. – Томск, 1988. — 173 с.
86. Опарина, Е.О. Язык и культура: сб. обзоров / Е.О. Опарина и др.; РАН ИНИОН. – М.: ИНИОН, 1999. – 109 с.
87. Оксман, Ю. Г. Комментарии: И.С. Тургенев. Месяц в деревне. Воспроизводится по изданию: И. С. Тургенев / Ю. Г. Оксман. К. И. Тюнькин. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979.

88. Павлицева, Н. Шанель. Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой / пер. с фр. Н. Павлицевой. — М.: Яуза-пресс, 2011.- 312 с.

89. Панченко, А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян. «Труды Отдела древнерусской литературы» М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1968. 353 с.

90. Пастуро, М. Чёрный. История цвета / Мишель Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. — М.: Первое литературное обозрение, 2017. — 168 с. (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»).

91. Пастуро, М. Синий. История цвета / Мишель Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. — М.: Первое литературное обозрение, 2017. — 144 с. (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»).

92. Пастуро, М. Зелёный. История цвета / Мишель Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. — М.: Первое литературное обозрение, 2018. — 168 с. (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»).

93. Пастуро, М. Красный. История цвета / Мишель Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. — М.: Первое литературное обозрение, 2019. — 160 с. (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»).

94. Платонов, О. А. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. // Сост. и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014 — 688 с.

95. Пушкарская, Н. В. Концепция пяти стихий: становление категориальности в древнем Китае // Человек и культура Востока. Исследования и переводы / Н. В. Пушкарская. — 2014. Т. 1. № 4. С. 81-95.

96. Переломов, Л. С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221—202 гг. до н. э.) / Л. С. Переломов. — М.: Изд-во восточ. лит. 1962.

97. Прохвачева, О.Г. Лингвокультурный концепт 'приватность' (на материале американского варианта английского языка) Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность

10.02.19 — общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. Волгоград, 2000. — 226 с.

98. Петров, В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы. — «Вопросы языкознания», 1988, № 2, с. 41. См. также сб.: Новое о зарубежной лингвистике, вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

99. Потебня, А. А. Мысль и язык. — Киев: СИНТО, 1993. — 192 с.

100. Радченко, О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. — М., 1997.

101. Ратьковский, И.С. Хроника Белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917-1920гг.) / И.С. Ратьковский. — М.: Алгоритм, 2016. — 940 С.

102. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М.: Русские словари, 2000. — 416 с.

103. Руководители России, СССР, РФ (862—2004) // Большая российская энциклопедия. Том «Россия». М., 2004.

104. Санович, С. Классическая проза дальнего востока / Библиотека всемирной литературы. — М.: Изд-во художественная литература, 1975.

105. Сафонова, В. В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности. Диссертация на соискание ученой степени д-ра педагогических наук. Москва, 1992. — 528 с.

106. Самарина, Л. В. Цвет как средство коммуникации // Невербальное поле культуры: Тело. Вещь. Ритуал. М., 1996. С. 52-57.

107. Семейн, Л.Ю. Когнитивные аспекты лингвокультурологии / Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова. — Омск, 2005.

108. Серов, Н.В. Символика цвета / Н. В. Серов — «Страта», 2015 — (Формула культуры).

109. Серебрянников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — 216 с.

110. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. — Воронеж, 1985.

111. Степанов, Н.П. Народные праздники на Святой Руси / Н.П. Степанов. – М.: Российский раритет, 1992.
112. Стефанов, С.И. Полиграфия от А до Я: Энциклопедия Изд. стереотип. Энциклопедия: ПОЛИГРАФИЯ от А до Я, 2014. 560 с.
113. Слёзкина, М.Г. Семантика и символика прилагательного *жёлтый* в русском языке. Дисс. ...канд. филол. Наук. - Челябинск, 2005. – 163 с.
114. Телия, В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В. Н. Телия // Филология и культура: Материалы междунар. конф. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999.
115. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000. — 624 с.
116. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. — 143 с.
117. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М., 1981.
118. Тэрнер, В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. — 277 с. — (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
119. Тонквист, Г. Аспекты цвета. Что они значат и как могут быть использованы. Проблема цвета в психологии. М.: Академкнига, 1993. 53 с.
120. Телицын, В.Л. (ред.), Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. – М.: Локид-Пресс, Рипол Классик, 2005. — 490 с.
121. Турбина, О.А. Цветоименования «чёрный», «белый» в китайской культуре / О.А. Турбина, Лю Фанбин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т.13, № 2. – С. 20-23.
122. Упорова, С.О. О методологии анализа цвета в художественном тексте // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. - № 4. - с. 52.
123. Фененко, Н.А. Две стратегии перевода реалий / Н.А. Фененко. – Вестник ВГУ. — 2009. — №1.

124. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. — 288 с.
125. Устюжский, П. Житие преподобного Прокопия Устюжского. — ОЛДП, № 103. СПб., 1893, стр. 188.
126. Фурманова, В.П. Лингвокультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В.П. Фурманова, Саранск, 1993.
127. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов. — М.: Вече, 1997. — 512 с.
128. Флоренский, П. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. — М.: Прогресс, 1993. — 324 с.
129. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация — Сер. 2: Информационные процессы и системы. — 1992. — № 6. — С. 1-8.
130. Хроленко, А. Т. Лингвокультуроведение: Учеб. пособие / А. Т. Хроленко. — Курск: Крона, 2000.
131. Цойгнер, Г. Учение о цвете (популярный очерк) Сокращенный перевод с немецкого доцента Э. Н. Зеликиной Научный редактор канд. арх. Г. Г. Борис. — М.: Издательство литературы по строительству. — 1971.
132. Чумак-Жунь, И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И. А. Бунина: Состав, структура, функционирование: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.02. Киев, 1996.
133. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В.М. Шаклеин, М.: Изд-во РУДН, 1997.
134. Шанский, Н. М. В мире слов. — М.: Просвещение, 1985. — С. 112-113.
135. Швайцер, В. Марина Цветаева. 1-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2002.

136. Ши Най-Ань. Речные заводы. Роман. Том первый. Изд. 2. Перевод с китайского А. Рогачева. – М.: гос. изд-во художественной литературы, 1959.
137. Эфендиев, А.Г. Общая социология: Учебное пособие / А.Г. Эфендиев. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 654 с.
138. Яхонтов, С. Е. «Прародина ностратических языков» // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. — М., 1991. — С. 13-17.
139. 彭文钊, 赵亮. 语言文化学 [M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2006. (Пэн Вэньчжао, Чжао Лян. Лингвокультурология [M]. Шанхай: Шанхайское издательство для иностранных языков, 2006).
140. 陈曦. 俄汉颜色词语的非颜色意义[J]. 中国俄语教学, 1995. (Чэнь Си. Нецветные значения цветоименования в русском и в китайских языках[J]. Обучение русскому языку в Китае, 1995).
141. 季元龙. 俄语语言国情学—教与学探索[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2004. (Цзи Юаньлун. Лингвострановедение в русском языке — преподавание и обучение[M]. Шанхай: Шанхайское издательство для иностранных языков, 2004).
142. 郭小芳. 俄语颜色词的文化伴随意义[J]. 和田师范专科学校学报, 2010.29(3). (Го Сяофан. Культурное сопутствующее значение цветоименования в русском языке. [J]. Журнал Хотан учителей института, 2010,29 (3)).
143. 单晓莹. 俄汉颜色词的隐喻文化认知对比[J]. 辽宁教育行政学院学报, 2010年7.27(7). (Шань Сяоин. Метафорическое когнитивное сравнение цветоименования в русском и китайском языках. [J]. Журнал Ляонинского педагогического института, 7.27(7) — 2010).
144. 汤洵. 汉、俄语中颜色词的内涵意义对比[J]. 中国科技信息, 2005(11). (Тан Сюнь. Сравнение значений цветоименования в русском и в китайском языках. [J]. Китайская научная и технологическая информация, 2005 (11)).

145. 袁珂, 中国民间传说,北京联合出版公司.2015 — 129 (Юань Кэ, Китайский фольклор, Пекинская совместная издательская компания. 2015 — 129).
146. 郭锦桴.汉语与中国传统文化 [M] .北京: 中国人民大学出版社, 1993. (Гуо Цзинфу. Chinese and Traditional Chinese Culture [M].Beijing: China Renmin University Press, 1993).
147. 刘钧杰. 颜色词的构成[J]. 语言教学与研究, 1985, (7): 1-7. (Лю Цзюньцзе, образование цветных слов[J]. Преподавание и исследование языка, 1985, (7): 1-7).
148. 姚小平. 基本颜色调理论述评——兼论汉语基本颜色词的演变史[J]. 外语教学与研究, 1988, (1): 1-11. (Яо Сяопин, Эволюция китайских основных цветных слов[J]. Преподавание и исследование иностранных языков, 1988, (1): 1-11).
149. 李红印. 汉语色彩范畴的表达方式 [J]. 语言教学与研究, 2004, (6): 1-7. (Ли Хунинь. способ выражения в области цветоименования в китайском языке[J]. Преподавание и исследование языка, 2004, (6): 1-7).
150. 赵晓驰. 王维诗歌颜色词语义研究[J] . 赣南师范学院学报, 2007 , (5) : 1-5. (Чжао Сяочй, Исследование цветоименования в стихотворениях Ван Вэй [J]. Журнал Гарнанского педагогического университета, 2007, (5) : 1-5).
151. 马红超. 俄汉颜色词“绿”的认知语义分析 [D]. 哈尔滨: 哈尔滨工业大学硕士学位论文, 2010: 3-7. (Ма Хунчао, Когнитивно-семантический анализ "зеленого" цвета в китайском языке [D]. Харбин: Магистерская диссертация Харбинского технологического университета, 2010: 3-7).
152. 张清常. 汉语的颜色词 (大纲) [J]. 语言教学与研究, 1991(3): 1-18.(Чжан Цинчан, цветные слова в китайском языке(тезис) [J]. Преподавание и исследование языка1991(3) : 1-18).

153. 金福年. 现代汉语颜色词运用研究[D]. 上海: 上海复旦大学博士论文, 2003: 19-24. (Цзинь Фунянь, Исследование пользования цветных слов в современном китайском языке[D]. Шанхай: докторская диссертация, Университет Фудань, Шанхай, 2003: 19-24.
154. 韩玉国. 现代汉语形容词句法功能及再分类[J]. 语言教学与研究, 2001, (6): 1-8. (Хань Юйго, Синтаксические функции прилагательных и их классификация в современном китайском языке [J]. Преподавание и исследование языка, 2001, (6): 1-8.
155. 复旦学报 (社会科学版) 1995 年第三期 (Журнал Фудан (Издание по общественным наукам), 1995, выпуск 3).
156. 邢福义《文化语言学》湖北教育出版社 1990-10: 465 (Xing Fuyi «Лингвокультурология», издательство Hubei Education Publishing, 1990).
157. 高永奇. 现代汉语基本颜色词组合情况考察[J]解放军外国语学院学报. 2004 (1) : 1-3. (Гао Юнци, Исследование сочетания основных цветных слов в современном китайском языке [J]Журнал иностранных языков PLA Университета. 2004 (1): 1-3).
158. 张公瑾, 语言的文化价值, 出版源: 《民族语文》, 1989 (5) :1-7 (Zhang Gongjin. Культурные ценности языков. Выпуск 1989 года, серия 5).
159. 申小龙《汉语人文精神论》辽宁教育出版社, 1990. p. 406 (Shen Xiaolong / Шэнь Сяолун «Лингвокультурология в Китае» [Liao Ning Education Press, 1990].
160. 长沙: 湖南文艺出版社, 1990年。— 17, 10, 370 页; 插图 Чанша: Хунаньское изд-во литературы и искусства, 1990. — 17, 10, 370 с.; илл.陈建宪译 пер. Чэнь Цзяньсянь ISBN 7540405473.
161. Berlin, B., Kay, P. Basic color terms: their universality and evolution. – Berkley-Los Angeles: U. of California Press. 1969. — 178 p.
162. Bolinger, D. The Atomization of Meaning. – "Language", 41, 1965, №4, p. 555 – 573.

163. Chen Hao. The non-color meaning of Russian-Chinese color words [J]. Chinese Russian Teaching, 1995, (1): 1-9.
164. Chen Jianmin / ЧЭНЬ ЦЗЯНЬМИНЬ, НОВЫЙ ЗОНД В ЯЗЫКЕ, КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ, Shanghai Education Press, 1989.
165. Cheng Wenxuan. Research on the semantics of the color word "yellow" [D]. Changchun: Master's thesis of Jilin University, 2010: 3-7.
166. Corbett, G.G. & I.R.L. Davies. 1994. Linguistic and behavioural mearanking basic colour terms. Studies in Language in press.
167. Hannah Pakula: Victoria. Tochter Queen Victorias, Gemahlin des preußischen Kronprinzen, Mutter Wilhelm II. Marion von Schröder-Verlag, München 1999.
168. Hesse, M. Review of Turbayne 1962. – "Foundations of Language", 2, 1966, № 3, p. 282-284.
169. Jin Funian. Research on the Application of Color Words in Modern Chinese [D]. Shanghai: Doctoral Dissertation, Fudan University, Shanghai, 2003: 19-24.
170. Kay, P. 1975, Synchronic Variability and Diachronic Change in Basic Color Terms. – Language and Society, 257 – 70.
171. Kay, P., McDaniel, C. K. 1978. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. – Language, 610 – 646.
172. Kay, P., Berlin, B., Maffi, L., Merrifield, W. R., Cook, R. 2009. The World Color Survey, Stanford.
173. Krieg, M.L.F. 1979. "The Influence of French Colour Vocabulary on Middle English", Michigan Academician 11, 4 spring: 431-437.
174. Levin, S. Linguistic Structures in Poetry. – In: "Janua Linguarum", Series Minor, 23. Mouton, The Hague, 1962.
175. Levin, S. Poetry and Grammaticalness. – In: "Proceedings of the 9th International Congress of Linguists, 1962". Mouton, The Hague, 1964.
176. Li Hongyin. Modern Chinese Color Word Meaning Analysis [M]. Beijing: Commercial Press, 2007: 108-198.

177. Liu Yujie. The composition of color words [J]. *Language Teaching and Research*, 1985, (7): 1-7. (刘钧杰. 颜色词的构成[J]. *语言教学与研究*, 1985, (7): 1-7).
178. Maxwell J. C. A dynamical theory of the electromagnetic field // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. — 1865. — T. 155. — C. 459-512.
179. Mooij, J.J. A. Review of Wheelwright 1962. — "Foundations of Language", 3, 1967, №1, p. 108-111.
180. McDermott, J.P (2006) *A social history of the chinese book*, Hong Kong, Hong Kong University Press, p. 11.
181. Stefano Zuppi (2012), *Color in Art*, pp. 268-269.
182. Sun Shufang. The number of language basic color words and their nationality [A]. *Foreign Language Teaching Research - The 10th Academic of Foreign Languages Society of Heilongjiang Province Conference Proceedings [C]*. Harbin: Heilongjiang Institute of Foreign Languages, 1996: 1-9.
183. Thorne, J. P. Stylistics and Generative Grammar. — "Journal of Linguistics", 1, .1965, № 1, p. 49-59.
184. Tokarski Ryszard. Nazwa barwy i jej użycia prototypowe // *Opisać słowa. Materiały ogólnopolskiej sesji naukowej w rocznicę śmierci Profesor Danuty Buttler "Teoretyczne i metodologiczne zagadnienia leksykologii"*. Warszawa 4-5 marca 1992 r. / Pod red. Andrzeja Markowskiego / Instytut Języka Polskiego UW. Zakład Leksykologii i Kultury Języka. Warszawa, 1992. S. 202-221.
185. Troland, L.T. Report of Committee on Colorimetry for 1920-21. *J. Opt. Soc. Am.* 6(6), 527-596 (1922).
186. Wu Tieping. On color words and fuzzy nature [J]. *Language Teaching and Research*, 1986, (2): 1-18.
187. Yao Xiaoping. A Review of the Basic Color Words Theory-Also on the Evolution of Chinese Basic Color Words [J]. *Foreign Language Teaching and Research*, 1988, (1): 1-11. (姚小平. 基本颜色词理论述评一兼论汉语基本颜色词的演变史 [J]. *外语教学与研究*, 1988, (1) : 1-11).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

188. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. Изд. 5-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 576 с.
189. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова — М., 2005.
190. Бурак, А.Л. и др. Дополнение к русско-английским словарям; Слова, значения слов и выражения, отсутствующие в русско-английских словарях / А.Л. Бурак, М. Берди, В.С. Елистратов – М.: ООО «Издательство Астрель». — 2014.
191. Волкова, Т.В. Фразеологический словарь русского языка. Универсальный фразеологический словарь русского языка. – М.: Вече, 2000.
192. Ефремова, Т.Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка / Т.Ф. Ефремова, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1986. — 411 с.
193. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. — 544 с.
194. Засорина, Л.Н. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. — М.: Русский язык, 1977.
195. Иуда Искариот // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890 – 1907.
196. Иванов, Л.В. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под. ред. Л.В. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
197. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт», 1998. — 1534 с.
198. Ляшевская, О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009. — 1087 с.
199. Лазуткина, Е.М. Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка / Е.А. Лазуткина. – М. АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 352 с.

200. Ларионова, Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка (свыше 7000 фразеологизмов), 2014.
201. Марузо Жюль. Словарь лингвистических терминов М.: Издательство иностранной литературы, 1960. — 439 с.
202. Михельсон, М.И. Большой толково-фразеологический словарь. — М., 2004.
203. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 785 с.
204. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 20-е изд.— М., 1988.
205. Осипов, Б. И. Словарь современного русского города / Б. И. Осипов. — М., 2003.
206. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1987. — 797 с.
207. Светличная, Е.И., Толлок И.А. Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений / Е.И. Светличная, И.А. Толлок. — Харьков: НФаУ: Золотые страницы, 2003. — 288 с.
208. Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка, 2013.
209. Словарь лингвистических терминов, 2010.
210. Семенов, А.В. Этимологический словарь русского языка. Издательство «ЮНВЕС» Москва, 2003 г.-704 с.
211. Складаревская, Г.Н. Толковый словарь ключевых слов русского языка / Под общ. рук. Г.Н. Складаревской. — СПб. Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 672 с.
212. Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов. М.: ВЛАДОС, 1996. — 764 с.
213. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — Санкт-Петербург, 1893. <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>
214. Толковый словарь ключевых слов русского языка [2014].

215. Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь русского языка (свыше 10000 фразеологизмов). – М.: «Издательство Русский язык - Медиа», 2007.
216. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. Том 3. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 720 с.
217. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. Том 4. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 752 с.
218. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. Том 2. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.
219. Ханьюй дацзыдянь "Китайский словарь", содержит 54 678 иероглифов, 1989 г.
220. Ханьюй дацзыдянь (Большой словарь китайского языка) / Гл. ред. Ло Чжунфэн. Т. 1-12. Шанхай, 1993 г.
221. Цююань "Источник слов". изд. №1, 1915 г.
222. Цыхай "Море слов". изд. №1, 1936 г.
223. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.». — М.: Сов. Энцикл. 1981. — С. 717-774.
224. Чжунвэнь да цыдянь (Большой словарь китайского языка в 38 томах). Тайбэй, 1968 г.
225. Энциклопедия символов, 1996.
226. Ярцева, В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
227. 30-томный «Большой академический словарь русского языка» [2004 – 2017].
228. 汉语大字典编辑委员会, 汉语大字典[M].成都: 四川辞书出版社 «Редакционный комитет китайских иероглифов. Китайский большой словарь», 1990.

229. 新华汉语词典编纂委员, 新华汉语词典[M]. 北京: 商务印书馆国际有限公司«Координатор китайских словарей Синьхуа, Китайский словарь Синьхуа» [2004].

230. 现代汉语词典 «Современный китайский словарь», 2011.

231. 现代汉语虚词词典 «Словарь служебных слов современного китайского языка», 1998.

232. 现代汉语频率词典 Современные китайские частотные словари, включающие более 8000 тысяч самых популярных иероглифов.

233. 现代汉语常用词表, <https://bkrs.info>. Частотное распределение китайских цветовых слов на основе анализа официального списка министерства образования Китая.

234. 白话版《说文解字》. «Происхождение китайских иероглифов», «Объяснение простых и толкование сложных знаков», «Шовэнь цзецзы» (*первый словарь иероглифов, составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа», а также с приведённым анализом строения иероглифического знака*)

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

235. Алярд, К. Матеріалы в Книга о флагахъ Сочиненіе Карла Алярда изданная въ Амстердамѣ въ 1705 г. и въ Москвѣ въ 1709 г./С-Петербургъ Сенатская типографія 1911. — С. 53-54.

236. Блок, А.А. Жизнь моего друга. Серебряный век: Блок. Стихотворения, 1914.

237. Вяземский, П.А. Старая записная книжка. 1813—1877 гг. — М.: Захаров, 2005. — Т. VIII Собрание сочинений. — 960 с.

238. Гвоздарев, Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. М.: Просвещение, 1988. — 192 с.

239. Гёте, И.В. Учение о цвете. Теория познания: Пер. с нем. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 200 с. (Из наследия мировой философской мысли: эстетика.)
240. Герцен, А. «Былое и думы» / А. Козловский. — М.: Художественная литература, 1969. — Т. 73. — 924 с
241. Гоголь, Н. В.. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 5. М.: "Русская книга", 1994.
242. Горький, М. Город желтого дьявола. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. "Библиотека Всемирной литературы", М.: «Художественная литература», 1975.
243. Достоевский, Ф.М. Идиот. Собрание сочинений в 15-ти томах. Том 6. Л., "Наука", 1988.
244. Достоевский, Ф.М. Подросток. Библиография произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем 1917 – 1965, М.: «Книга», 1968.
245. Достоевский, Ф.М. «Хозяйка» / <https://ilibrary.ru/text/21/p.1>
246. Дрожжин, С. Новые стихотворения (1898-1903). М.: Отделение типографии И.Д. Сытина, 1904. — 160 с.
247. Загоскин, М.Н., «Вечер на Хопре», 1834 г.
248. Кандинский, В. В. / О духовном в искусстве. М: Архимед, 1992 г.
249. Лаврентьева, Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия. Изд-во «Молодая гвардия», 2006.
250. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени // [https:// ilibrary.ru / text /12/index.html](https://ilibrary.ru/text/12/index.html)
251. Ли Жу-Чжень. Цветы в зеркале. Перевод с китайского. Изд. подг. В.А. Вальгус, Г.О. Монзелер, О.Л. Фишман, И.Э. Циперович. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1959.
252. Люстров, М. Ю. Послесловие // В. И. Даль Пословицы русского народа (в 3 томах). — М.: Художественная литература, 2011.
253. Мамин-Сибиряк, Д. Н. "Приваловские миллионы". Издательство "Правда", Москва, 1981.

254. Некрасов, Н. А. «Крестьянские дети». Серия: "Школьная библиотека". Издательство: "Детская литература. Москва", 1979.
255. Островский, Н.А. Как закалялась сталь, 1904-1936 <https://www.litmir.me/br/?b=21278&p=1>.
256. Пантелеев, Л. Повесть «Ленька Пантелеев». Собрание сочинений в четырех томах. Л.: «Детская литература», 1970.
257. Померанцева, Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э.В. Померанцева, — М.: «Наука», 1975. — 160 С.
258. Пушкин, А.С. Капитанская дочка: избранная проза / А. С. Пушкин. - Санкт-Петербург: Лениздат, 2014. — 319 с.
259. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962.
260. Пчелов, Е.В. Государственные символы России – герб, флаг, гимн: Учебное пособие. – М.: “ТИД “Русское слово – РС”, 2002. – 136 с.: ил.
261. Салтыков-Щедрин. Письмах к тетеньке. Собр. соч. в 20 тт. Т. 14.
262. Симонов, К. Жди меня / К. Симонов – М., 2004.
263. Снегирев, И.М. Русские народные пословицы и притчи / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014 — 528 с.
264. Толстой, А.Н. Завещание Афанасия Ивановича. изд.: ГИЗ, 1927 г.
265. Толстой, Л.Н. Хаджи-Мурат. Собрание сочинений, том. 14, М., «Художественная литература», 1964.
266. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1978—1985
267. У Цзинь-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Роман. Перевод с китайского Д. Воскресенского. – М.: гос. изд. художественной литературы, 1959.
268. Устюжский, П. Житие преподобного Прокопия Устюжского. — ОЛДП, № 103. СПб., 1893, стр. 188.
269. Цао Сюэ-Цинь. Сон в красном тереме. Том первый. Перевод с китайского В.А. Панасюка. – М.: гос. изд. художественной литературы, 1958.

270. Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т.: Пер. с кит. / Пер. В.С. Манухин и др.; Сост. и отв. ред. А.И. Кобзев; Прим. А.И. Кобзева и Б.Л. Рифтина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. — Том 4. Книга 2. – 616 с.
271. Цзэн Пу. Цветы в море зла. Роман. Перевод с китайского В. Семанова. – М.: Художественная литература, 1990.
272. Чалмаев, В.А. Русская литература XX века / В.А. Чалмаев, С.А. Зинин Учебник для 11 класса: В 2 ч. – 5 –е изд. – М.: ООО 2ТИД «Русское слово – РС», 2008.
273. Чехов, А. П. Розовый чулок// Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982.
274. Ши Най-Ань. Речные заводы. Роман. Том первый. Изд. 2. Перевод с китайского А. Рогачева. – М.: гос. изд-во художественной литературы, 1959.
275. Шолохов, М. А. Тихий Дон в 2 т. / М.А. Шолохов. – М.: Эксмо, 2007. Т.1-704 с., Т.2.-768 с.
276. Эйзенштейн в воспоминаниях современников. — М.: Искусство, 1974. — 424 с.
277. Corrigan, Kevin and Harrington, L. Michael "Pseudo-Dionysius the Areopagite" // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2004.
278. 叶军 . 关于建设现代汉语颜色词属性库的构想 [J]. [《语言文字应用》](#), 2000 (1) :44-48 (Е Цзюнь, Идея построения современной китайской базы атрибутов цветных слов [J]. Использование языка и письменности, 2000 (1): 44-48.
279. 詹人凤. 现代汉语语义学[M]. 北京: 商务印书馆, 1997: 135-138. (Чжань Жэньфэн, Современная китайская семантика[M]. Пекин: Коммерческая пресса, 1997: 135-138).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А – Династии китайских императоров и периоды их правления

Династия		Время правления	
Династия Ся 夏朝		2070 г. до н. э. – 1600 г. до н. э. (470 лет)	
Династия Шан 商朝		1600 до н. э. – 1046 до н. э. (554 года)	
Династия Чжоу 周	Западная Чжоу 西周	1046 г. до н. э. – 771 г. до н. э. (275 лет)	
	Восточная Чжоу 东周	Период Чуньцю 春秋	770 г. до н. э. – 476 г. до н. э. (294 года)
		Период сражавшихся царств 战国	475 – 221 г. до н. э. (254 года)
Династия Цинь 秦朝		221 – 207 гг. до н. э. (15 лет)	
Династия Хань 汉朝	Династия Западная Хань / ранний период династии Хань 西汉	206 г. до н. э. – 8 г. н. э. (214 лет)	
	Династия Синь 新朝	8 – 23 гг. н. э. (16 лет)	
	Сёан Хан 玄汉	23 г. (февраль) – 25 г. (сентябрь) н.э. (2 года)	
	Династия Восточная Хань 东汉	25 – 220 гг. н. э. (195 лет)	
Троецарствие 三国	Цао-Вэй 曹魏	220 – 265 гг. н. э. (45 лет)	
	Шу-Хань 蜀汉	221 – 263 гг. н. э. (42 года)	
	Дун-У 东吴	222 – 280 гг. н. э. (58 лет)	
Династия Цзинь 晋朝	Династия Западная Цзинь 西晋	265 – 316 гг.	
	Династия Восточная Цзинь 东晋	317 – 420 гг.	
16 варварских царств 五胡十六国		304 – 439 гг. (135 лет)	
Эпоха Южных и Северных династий 南北朝	Эпоха Южных династий 南朝	Сун 宋	420 – 479 гг. (59 лет)
		Ци 齐	479 – 502 гг. (23 года)
		Лян 梁	502 – 557 гг. (55 лет)
		Чэнь 陈	557 – 589 гг. (32 года)
	Эпоха Северных	Северная Вэй 北魏	386 – 534 гг. (148 лет)
		Восточная Вэй 东魏	534 – 550 гг. (16 лет)

	династий 北朝	Западная Вэй 西魏	535 – 556 гг. (22 года)	
		Северная Ци 北齐	550 – 577 гг. (27 лет)	
		Северная Чжоу 北周	557 – 581 гг. (24 года)	
Династия Суй 隋朝			581 – 618 гг. (37 лет)	
Династия Тан 唐朝			618 – 907 гг. (289 лет)	
Эпоха пяти династий и десяти царств 五代十国		Династия Поздняя Лян 后梁	907 – 923 гг. (16 лет)	
		Династия Поздняя Тан 后唐	923 – 936 гг. (13 лет)	
		Династия Поздняя Цзинь 后晋	936 – 947 гг. (11 лет)	
		Династия Поздняя Хань 后汉	947 – 950 гг. (3 года)	
		Династия Поздняя Чжоу 后周	951 – 960 гг. (9 лет)	
		Ранняя Шу 前蜀	902 – 979 гг. (77 лет)	
		Поздняя Шу 后蜀		
		У 南吴		
		Южная Тан 南唐		
		У Юэ 吴越		
		Минь 闽国		
		Чу 马楚		
		Южная Хань 南汉		
		Цзинь Нань 南平或荆南		
	Северная Хань 北汉			
Династия Сун 宋朝		Династия Северная Сун 北宋		960 – 1127 гг. (167 лет)
		Династия Южная Сун 南宋		1127 – 1279 гг. (152 года)
Царство Ляо 辽国				907 – 1125 гг. (218 лет)
Царство Дали 大理			937 – 1254 гг. (317 лет)	
Западное Ся, или Тангутское царство 西夏			1032 – 1227 гг. (195 лет)	
Царство Цзинь 金国			1115 – 1234 гг. (119 лет)	
Юаньская (монгольская) династия 元朝			1206 – 1368 гг. (162 года)	
Династия Мин 明朝			1368 – 1644 гг. (276 лет)	
Цинская (Маньчжурская) династия 清朝			1616 – 1911 гг. (295 лет)	

Приложение Б – Эволюция стилей письма в китайском языке

甲骨文 → 金文 → 篆书 → 隶书 → 楷书

Цзягувэнь → Цзиньвэнь → Чжуаньшу → Лишу → Кайшу

Письменность Цзяху (исток китайского письма):

Более 8000 лет назад на участке Цзяху в Уяне — провинции Хэнань (~ 7800 ÷ 9000 лет назад) обнаружен ряд резных символов, которые были отнесены к письменности Цзяху. Но мнения китайских ученых разделились, одна группа ученых считает, что это всего лишь знаки, а другая — относит это уже к письменности. В Китайском университете Гонконга **Рао Цзунь** провел углубленное исследование гравюры **Цзяху** и предложил, что «*вырезные символы цзяху предоставляют собой новую информацию об источнике происхождения китайских иероглифов*». **Гэ Инхуэй**, филолог исторического факультета Пекинского университета также считает, что «*эти символы должны быть отнесены уже к типу письменности*».

The earliest writing Sign use in the seventh millennium BC at Jiahu, Henan Province, China — 自张居中和李学勤教授等合作撰写的 — исследования Чжана Цзужуна в соавторстве с профессором Ли Сюэцином.

Династия Шан

Датируется 14 веком до н.э. — период **Инь** позднего времени династии **Шан**. В данный период «**Идеографический символ / код**» трансформируется в более установленный образ — «**Цзягувэнь**» 甲骨文, который считается первой формой «китайских иероглифов». Символы, которые выгравированы на костях животных и черепаших панцирях, найденных в руинах Шан, считаются прямыми предками «современных китайских иероглифов», в свою очередь, это может доказать преемственность китайской цивилизации. На протяжении тысячелетий люди на Ближнем Востоке не могут истолковывать иероглифы своих предков. Только китайские современные люди могут читать

«Цзягувэнь», датированного периодом Инь Династии Шан. На сегодняшний день найдено более 5000 «Цзягувэнь», но только более 1000 из них могут быть интерпретированы.

Период династии Западная Чжоу

В данный период наблюдалось широкое использование бронзы, а также слов, написанных на бронзовых колоколах и каменных барабанах — стиль «*Цзинь Вэнь*» 金文. На сегодняшний день в Запретном городе во Дворце (дворец-музей Гугун) сохранены десять каменных барабанов династии Чжоу. На них выгравированы десять четырехсимвольных стихотворений.

Из-за феодального сепаратизма власть была раздроблена на несколько частей. Поэтому письменность имеет определенные не совпадения, вплоть до династии Цинь. *Цинь Шихуан*, первый император династии, объединил Китай, и с того времени письменность была унифицирована.

Период династии Цинь

В период правления *Цинь Шихуана* письменность всех раздробленных провинций была унифицирована и стала единой. Во главе этого стоял премьер-министр *Ли Си*, который собирал и обрабатывал иероглифы и символы того времени, приводил их в единообразие, а после упростил их и приукрасил. Этот унифицированный стиль письма получил название — «*сяочжуань*» 小篆. В данный период времени в письменности практически не осталось следов «*Цзягувэнь*». Сам стиль письма «*сяочжуань*» в династии *Цинь* был слишком образцовым, при этом скорость написания иероглифов была очень медленной, поэтому в народе появилось много простых шрифтов. Трансформация шрифта характеризовалась преобразованием элементов иероглифа из округлой формы в квадратную, из кривой в прямую. Т.е. произошло упрощение написания иероглифов. Данный стиль письма назывался — «*Циньский Лишу*» 秦隶

Период династии Хань

Стиль *Лишу* получил наибольшую популярность. «*Циньский Лишу*» не полностью избавился от стилей «*Сяочжуань*», использовавший в основном

квадратную конфигурацию иероглифов, а *«Ханьский Лишу»* полностью воспроизводит характеристики кисти, и лёгок в написании. Стиль *«Ханьский Лишу»* был популярен в династии Западная Хань.

В период династии Хань стиль *«Кайшу»* находился лишь в зачаточном состоянии, а в эпохи *Вэй, Цзинь, Северных и Южных Династий* получил наибольшую популярность. В династии Цзинь, *Ван Сичжи* и его сын *Ван Сяньчжи* являются истинными основателями стиля *«Кайшу»*, который впитал в себя стиль Чжуаньшу — круглую конфигурацию иероглифов, и в то же время сохранил квадратную конфигурацию. Первоначально этот стиль назывался *«каллиграфическое письмо»*. Последующие поколения использовали этот стиль шрифта в качестве основной модели для изучения каллиграфии, который в последствии был переименован — *«Кайшу»*.

Период Династия Тан

Стиль *«Кайшу»* в период династии Тан был особенно популярен. Такие каллиграфисты как *Ян Чжэньцин, Лю Гонгцюань* и *Оуян Сюнь*, являются одними из лучшими в то время. Их каллиграфические работы до сих пор являются объектами для исследования и используется в повседневной жизни в китайской лингвокультуре.